Ли Брекетт ДОЛГОЕ ЗАВТРА

Долгое завтра
Ли Брекет

Аннотация
Ли БРЕКЕТТ. ДОЛГОЕ ЗАВТРА
Часть 1
Часть 2
Часть 3
Часть 4
Часть 5
Часть 6
Часть 7
Часть 8
Часть 9
Часть 10
Часть 11
Часть 12
Часть 13
Часть 14
Часть 15
Часть 16
Часть 17
Часть 18
Часть 19
Часть 20

Часть 21
Часть 22
Часть 23
Часть 24
Часть 25
Часть 26
Часть 27
Часть 28
Часть 29
Часть 30

Аннотация

Книга о необыкновенных приключениях юношей в поисках утерянных человечеством достижений цивилизации. Атомная война все-таки произошла. И вот уже два поколения не знают, что такое машины и большие города. Так как города объявлены вне закона, а немногочисленное уцелевшее поколение ютится на фермах и деревушках. На первый взгляд, это деревенская пасторальная жизнь. В правительстве основное влияние принадлежит религиозной секте, известной как нью-мененнайтцы; они ратуют за самостоятельность, внушают уважение к земле, ценностям честного тяжелого труда на полях. Юные Лен Колтер и его двоюродный брат Исо вырастают в этом благоразумном, счастливом, хорошо обеспеченном богобоязненном обществе. Мальчики с жадностью слушают рассказы об огромных городах, искусственно созданных фабриках и заводах, полетах на самолетах и радиосвязи и мечтают о машинах и Барторстауне — мифическом городе, где по-прежнему сохраняются былые знания

и технические возможности.

Ли БРЕКЕТТ
ДОЛГОЕ ЗАВТРА

Ни большой город, ни город маленький, ни группа людей свыше тысячи, равно как группа строений свыше двух сотен, не могут более существовать где бы то ни было на территории Соединенных Штатов Америки.

Конституция США, 30-я поправка

Часть 1

Сидя в тени у стены конюшни, Лен Колтер задумчиво жевал кукурузную лепешку со сладким маслом и думал о предстоящем грехопадении. Все свои четырнадцать лет он провел на ферме в местечке Пайперс Ран, где возможностей согрешить по-настоящему было не так уж много. Но сейчас на Кэнфилдской ярмарке, в тридцати милях от Пайперс Рана, перед ним открылся мир, полный ярких соблазнов и шумных развлечений. Именно здесь Лен Колтер должен был самостоятельно принять первое в жизни серьезное решение.

Решиться на это, оказывается, не так просто.

— Отец изобьет меня до смерти, если узнает.

— Чего боишься? — кузен Исо смотрел с осуждением.

Три недели назад ему исполнилось пятнадцать, а это означало, что он не должен больше ходить в школу с детьми. Значительная перемена в жизни Исо произвела на Лена огромное впечатление. Исо был гораздо выше кузена, руки его постоянно что-то искали, а глаза искрились и сияли, словно у беззаботного жеребенка, который все время

ищет что-то, не зная толком, что именно, и, наверное, поэтому не может найти.

— Ну? — повторил вопрос Исо. — Так ты боишься?

Лену очень хотелось солгать, но он знал, что одурачить Исо не так-то просто. Он смущенно поежился, сунул в рот последний кусочек лепешки, облизал пальцы и сказал:

— Да.

— Ха, — Исо смерил его презрительным взглядом, — а я — то думал, ты уже вырос. Да ты, оказывается, должен еще целый год сидеть дома с детьми. Подумать только, испугаться порки!

— Да, но недавно меня уже пороли, и если ты думаешь, что отец плохо с этим справляется, можешь как-нибудь попробовать. А я, между прочим, уже два года, как перестал плакать. Ну, почти перестал.

Лен был крепким, стройным мальчиком с серьезным лицом. Одежда его состояла из домотканых штанов, грубых ботинок, покрытых толстым слоем пыли, и домотканной рубашки с узким воротничком неопределенного цвета. Его русые волосы были ровно и коротко острижены на затылке и чуть выше бровей.

Объединенные единой верой, нью-менон-

найтцы, к которым принадлежал Лен, — носили коричневые шляпы, чтобы их легко можно было отличить от олд-меноннайтцев, носивших черные шляпы. Всего двумя поколениями раньше, в XX столетии, существовали только олд-меноннайтцы, и было их всего несколько десятков тысяч. Считалось, что они — люди странные и непонятные. Да и трудно было думать по-другому: в век прогресса, когда развитие цивилизации достигло своего пика, эти люди упорно ходили за плугом, не имея ни машин, ни больших городов. Но когда пали города, в новом, изменившемся мире люди поняли, что только этот народ по-настоящему приспособлен к выживанию, слились с ним, и численность меноннайтцев достигла нескольких миллионов.

— Нет, — медленно произнес Лен, — я вовсе не боюсь порки. Все дело в отце. Ты ведь знаешь, что он думает об этих проповедях. Мне запрещает отец, тебе — дядя Дэвид, и я совсем не хочу выводить их из себя, да еще по такому поводу.

— Все, что он может сделать, — это высечь тебя.

— Да, но и это немало, — Лен покачал головой.

— Ладно, оставайся, раз уж так боишься.

— А ты точно пойдешь туда?

— Точно, и прекрасно обойдусь без тебя.

Исо прислонился к стене, всем своим видом показывая, что присутствие Лена ему безразлично. Лен носком ботинка вычерчивал в пыли неглубокие бороздки и продолжал размышлять. Теплый тяжелый воздух был пропитан запахом дыма, пищи и животных. Откуда-то доносились голоса, много голосов, слившихся воедино и превратившихся в нестройный шум, напоминавший жужжание роящихся пчел или дуновение ветерка в роще. Казалось, весь мир разговаривал.

— Они падают на землю, катаются и визжат, — вдруг сказал Исо.

Лен почувствовал волнующий холодок внутри и глубоко вздохнул. Во все стороны, насколько хватает глаз, простиралась необъятная рыночная площадь, переполненная фургонами и повозками, людьми и животными. Подходил к концу последний день ярмарки. Еще одна ночь опускалась на землю, скованная сентябрьским холодом, удивительная ночь с кострами, ярко и загадочно пылающими в темноте, и людьми, дремавшими вокруг них. А завтра фургон Лена с грохотом двинется домой, в Пайперс Ран, и пройдет целый год, прежде чем Лен сможет снова вернуться сюда. А может быть, ему вообще не суждено больше

увидеть ярмарку. Ведь к следующему году он запросто может сломать ногу, или отец оставит его дома помогать бабушке присматривать за скотом, как в этом году пришлось брату Джеймсу.

— И женщины тоже, — произнес Исо.

Лен насторожился:

— Откуда ты знаешь? Ведь ты ни разу не был там!

— Зато я слышал!

— Женщины, — прошептал Лен.

Он закрыл глаза и увидел странную картину: огромные дымящиеся костры среди всеобщего неистовства, и какая-то фигура, очень похожая на маму, в капоре и пышных домотканых юбках, каталась по земле и била ногами, совсем как малышка Эстер, когда на кого-нибудь злится.

Он поднялся, глядя на Исо:

— Я пойду с тобой.

— Вот и хорошо, — Исо заметно повеселел, тоже встал на ноги и протянул Лену руку. Тот, улыбнувшись, пожал ее. Сердце его громко стучало, в душу закралось чувство вины, будто отец стоял за спиной и слышал каждое слово их разговора. В этом тоже было что-то волнующее. Откуда-то появилось чувство уверенности в себе, внезапно Лену показалось, что он вырос сразу на несколь-

ко дюймов, а взгляд Исо выражает одобрение и уважение.

— Когда мы пойдем? — спросил Лен.

— Попозже, когда станет совсем темно. Я дам тебе знать.

Фургоны братьев Колтер стояли совсем рядом, и мальчики без особого труда могли общаться в любое время.

— Я притворюсь спящим, но не усну.

— Да уж, не стоит Смотри же, не проболтайся, Ленни, — Исо так сильно сжал его руку, что хрустнули суставы пальцев.

— Ты все еще считаешь меня ребенком? — сердито надув губы, произнес Лен.

Исо усмехнулся.

— Ну конечно же, нет. Значит, договорились. А теперь пойдем посмотрим лошадей. Я хочу кое-что посоветовать отцу по поводу вон той черной кобылы, которую он собирается купить.

Они медленно зашагали вдоль стены конюшни. Эта конюшня была самой большой из всех, которые когда-либо приходилось видеть Лену, почти в пять раз длиннее, чем в Пайперс Ране.

Старая, залатанная в нескольких местах деревянная обшивка не имела определенного цвета, и ее трудно было назвать даже серой, но то здесь,

то там все еще проглядывали расплывчатые пятна красной краски, которой много лет назад выкрасили старое дерево. Лен взглянул на стену, затем на ярмарочную площадь, закрыл глаза и с такой силой придавил их пальцами, что все вокруг закачалось и задрожало.

— Что ты делаешь? — нетерпеливо допытывался Исо.

— Я пытаюсь увидеть.

— Что можно увидеть с закрытыми глазами? И вообще, что ты имеешь в виду?

— Да ничего, я только хочу представить, как выглядели дома, когда их красили. Мне говорила об этом бабушка, она была тогда еще маленькой.

— А я тоже слышал об этом. Одни дома были красными, другие — белыми.

Исо последовал примеру Лена. Голова закружилась, навесы и палатки стали расплывчатыми, но все равно бесцветными.

— А ну их, эти крашеные дома! — Лен решительно оставил свое занятие, — зато у них не было таких больших ярмарок!

— Не говори ерунды! Помнишь, бабушка рассказывала, что людей тут собиралось больше миллиона, а автомобилей или машин — как они их там называли? — уж точно был миллион.

Их выстраивали в ряды, и они так блестели на солнце, что было больно глазам. Представляешь, миллион машин!

— Этого не может быть! А где же они, по-твоему, ночевали?

— Глупый, им не нужно было ночевать. Бабушка рассказывала, что они добирались до Пайперс Рана меньше чем за час и в тот же день возвращались назад.

— Я и сам прекрасно помню, что говорила бабушка, — произнес задумчиво Лен. — Но неужели ты веришь в эти сказки?

— Ну, конечно, верю, только это вовсе не сказки! — в глазах Исо появились живые огоньки. — Как бы мне хотелось родиться в то время! Сколько всего я мог бы сделать!

— Например?

— Например, водить одну из тех машин, быстро-быстро. А может быть, даже летать!

— Исо, — Лен внутренне содрогнулся, — постарайся-ка лучше, чтобы твой отец никогда не услышал об этом!

Исо немного покраснел и пробормотал! что совсем не боится отца, однако украдкой огляделся по сторонам. Они завернули за угол. Над дверью конюшни едва видны были четыре цифры из

кусочков дерева: единица, круглая и толстая девятка, пятерка без маленькой перекладинки и двойка. Исо объяснил, что эти цифры обозначают год, в котором построили конюшню, и что в то время не было на свете даже бабушки. Слова Исо заставили Лена подумать о молитвенном доме в Пайперс Ране. Бабушка все еще называет его церковью. Там тоже есть цифры — единица, восьмерка, четверка и двойка, надежно укрытые в зарослях сирени. Кажется, тогда вообще не было мененнайтцев. Лен встряхнул головой, пытаясь преодолеть чувство тленности мира.

Мальчики принялись со знанием дела рассматривать лошадей, обсуждая загривки и берцовые кости и стараясь держаться в стороне от небольших групп людей с неспокойными, бегающими глазами, видневшихся тут и там перед ярмарочными палатками. Почти все они причисляли себя к нью-мененнайтцам, но выделялись среди ярмарочной толпы ростом и длинными роскошными бородами. Лишь немногие носили бакенбарды.

Сгорая от любопытства, Лен исподтишка поглядывал на них. Трудно было представить, что эти люди и другие, похожие на них, тайно встречались в полях и лесах, молились, визжали, катались по земле. Он слышал слова отца: “Ре-

лигия и принадлежность к секте — личное дело каждого человека. Но эти люди не принадлежат к секте и не имеют религии. Это толпа, толпа страшная и жестокая, в которой горстка коварных полусумасшедших натравливают людей друг на друга".

Когда Лен пытался продолжить расспросы, отец становился угрюмым и отвечал: "Я запрещаю тебе ходить туда, вот и все. Ни один по-настоящему верующий не станет принимать участие в этих оргиях". Теперь Лен начал кое-что понимать. Не удивительно, что отец не хотел разговаривать обо всех этих женщинах, катающихся по земле. Возможно, у них даже видны нижние юбки. Волна нетерпения захлестнула Лена, ему ужасно захотелось, чтобы скорее наступила ночь.

Исо решил, что шея черной кобылы, на первый взгляд, слишком тонка, но она, наверное, будет хороша в упряжке, хотя он предпочел бы гнедого жеребца в самом начале ряда. Ведь он запросто потянет повозку. Но приходится все время думать о женщинах, которым нужна объезженная и спокойная лошадь. Лен согласился с этим, они вышли из конюшни, и Исо захотел взглянуть, как управляются с коровами отец и дядя Дэвид. Лен обнаружил, что ему совсем не хочется встречать-

ся с отцом прямо сейчас и предложил спуститься вниз, к фургонам торговцев. А коров можно увидеть когда угодно. То ли дело торговцы! Один-единственный приезжает в Пайперс Ран три раза за все лето, а тут их сразу девятнадцать.

— Кроме того, — с нотками алчности в голосе сказал Лен, — мистер Хостеттер даст нам еще сахарных орешков.

— Вряд ли, — Исо неохотно последовал за Леном.

Торговые фургоны выстроились в ряд под длинным парусиновым навесом, внутри висели всевозможные безделушки. Казалось, это и не фургон, а сумрачная, благоухающая пещера на колесах.

Лен глядел на все широко раскрытыми глазами. Нет, для него это не просто фургоны торговцев. Это большие корабли, приплывшие из далеких стран. Ему приходилось слышать обыденные разговоры торговцев. Именно оттуда почерпнул он размытые картинки огромного, бесконечного мира, в котором не было больше городов, а лишь зеленая, плодородная, богатая земля. Только несколько стариков помнили о загадочных городах, которых так много было до Разрушения.

Воображение Лена рисовало неясные очерта-

ния далеких земель, о которых говорили торговцы: маленькие поселения моряков и рыбацкие деревушки на побережье Атлантики, лесопилки в Апаллачах, бесконечные земли нью-менонайтцев, южные охотники и горные фермеры, величественные реки, текущие к западу, баржи и лодки, ковбои и ранчо, стада диких животных, высокие горы и равнины, и дальше, к западу, опять море. Земля, такая же необъятная, как много столетий назад, и по ее пыльным дорогам через эти сонные деревушки катились фургоны торговцев, отдыхали и вновь продолжали свой нелегкий путь.

Фургон мистера Хостеттера был пятым по счету, и Лен очень хорошо знал его, потому что Хостеттер заглядывал в Пайперс Ран каждую весну по пути на север, а затем каждую осень по пути на юг. В Пайперс Ран приезжали и другие торговцы, но лишь иногда, случайно, а к мистеру Хостеттеру настолько привыкли, что стали считать его местным, хотя родился он где-то в Пенсильвании. У него тоже была роскошная борода и носил он коричневую шляпу, не пропускал ни одной субботней молитвы. Лен был сильно разочарован, когда мистер Хостеттер сказал ему, что место, где он родился, мало чем отличается от Пайперс Рана,

кроме разве что высоких гор вокруг, и это никак не вязалось с таким таинственным названием, как Пенсильвания.

— Можно, — задумчиво произнес Лен, возвращаясь к мысли об орешках, — предложить напоить и накормить его лошадей. Просто так, он, конечно, может и не дать, но если поработать…

— Что ж, попробуем, — Исо пожал плечами.

Длинный навес, открытый спереди и защищенный от дождя сзади, был разделен на палатки для каждого фургона. После двух с половиной дней ярмарки фургонов оставалось не так уж много, но женщины все еще спорили о цене на медные чайники и ножи, кованные в кузницах восточных деревень, на рулоны ситца, привезенные с юга, и часы из Новой Англии. Лен знал, что большая часть упакованных сахарных орешков давно продана, но надеялся, что мистер Хостеттер все же приберег что-нибудь для старых друзей.

— Смотри-ка, — сказал Исо.

В опустевшей палатке мистера Хостеттера не было ни души.

— Все продано.

Насупившись, Лен уставился на палатку.

— Его лошади все еще голодны, не так ли? А может, мы поможем ему загрузить фургон? Пойдем,

поищем его.

Они вышли в дверной проем в задней части палатки и, пройдя пригнувшись под откидной доской повозки, очутились по другую сторону навеса. Огромные шестидесятидюймовые колеса с железными ободьями были ростом с Лена, а вверху, как облако над головой, неясно вырисовывалась надпись: “Эдв. Хостеттер, распродажа товаров”, выведенная когда-то четкими буквами, теперь посеревшими от солнца и дождя.

— Он здесь, — сказал Лен, — я слышу его голос.

Исо кивнул. Они прошли мимо переднего колеса. Голос мистера Хостеттера доносился с другой стороны фургона.

— Ты сошел с ума, — говорил он, — я же тебе объясняю, что…

Его речь прервал другой голос:

— Да не волнуйся так, Эд. Все будет в порядке. Я должен только…

Завидев мальчиков, незнакомец остановился на полуслове. Через плечо мистера Хостеттера Лен и Исо увидели высокого, худого парня с длинными рыжими волосами и окладистой бородой, одетого в одежду из кожи. Он тоже был торговцем откуда-то с Юга, и Лен уже встречал его здесь. Вывеска на его фургоне гласила: “Уильям Соумс”.

— А это что за компания? — казалось, он не имел ничего против присутствия мальчиков, но тут к ним повернулся мистер Хостеттер. Он был неуклюжим плотным мужчиной с бронзовой от загара кожей и ясными голубыми глазами. В рыжеватой бороде по обеим сторонам губ четко обозначились две серебристые полоски. Движения его всегда медленные и спокойные, на лице дружеская улыбка. Теперь, быстро обернувшись, он не улыбался, и, встретившись с ним глазами, Лен застыл на месте, как вкопанный. Он уставился на мистера Хостеттера так, словно видел его впервые, настолько враждебным и странным был его взгляд.

— Мне кажется, они чем-то заняты, Лен, — пробормотал Исо. — Лучше пойдем отсюда.

— Что вам здесь нужно? — строго спросил мистер Хостеттер.

— Ничего, — пролепетал Лен, — мы только подумали, может быть…

— Может быть, что?

— Может быть, вы позволите нам накормить лошадей.

Исо схватил Лена за руку.

— Он только хотел попросить немного сахарных орешков. Вы знаете, эти дети… Пойдем, Лен.

Соумс рассмеялся:

— У него их больше нет, но я могу предложить вам пеканов. Это тоже неплохо.

Он сунул руку в карман, вытащил с полдюжины орешков-пеканов и отдал их Лену.

— Спасибо, — сказал Лен, с недоумением глядя то на него, то на мистера Хостеттера, который спокойно произнес:

— О моих лошадях уже позаботились. А теперь марш отсюда, ребята.

— Да, сэр, — Лен и Исо не заставили его повторять дважды и быстро убежали. За углом они остановились и разделили орешки.

— Что это с ним? — спросил Лен, имея в виду мистера Хостеттера. — Он был до такой степени ошарашен, будто старый жеребец вернулся на ферму и заржал на него.

— Да ну его, — сердито бросил Исо, очищая орех от тонкой коричневой кожицы. — Скорее всего, он обсуждал с этим иностранцем какую-то торговую сделку, вот и все.

Исо был зол на Хостеттера и больно толкнул Лена: — А все ты со своими орешками! Идем домой, скоро ужин. Или ты забыл, куда мы собрались сегодня ночью?

— Нет, — ответил Лен, вновь охваченный вос-

торженным трепетом, — я не забыл.

Часть 2

Этот восторженный трепет и разбудил Лена, спавшего под своим фургоном. Прохладный воздух, теплое одеяло. Глаза Лена слипались, все вокруг казалось неясным и далеким, погруженным в приятный полумрак. Вдруг Лен вздрогнул и окончательно проснулся, вспомнив Исо и проповедь.

Лен услышал дружный храп отца и матери, спящих в фургоне наверху. Ярмарочная площадь стала совсем темной, лишь два—три уголька все еще тлели в погасших кострах. Казалось, все успокоилось. Но вот зашевелились лошади, позвякивая упряжью. Мимо, стуча колесами, проехала легкая повозка, где-то вдалеке груженый фургон с глухим скрипом продолжал свой путь, доносилось ржание лошадей, тащивших его. Странные люди, не похожие на нью-менонайтцев, одетые в одежду из оленьей кожи, как и тот рыжий торговец, которого они встретили у Хостеттера, под покровом темноты направлялись к месту проповеди. Лен уже совсем проснулся. Он прислушивался к топоту невидимых копыт

и скрытых темнотой колес, и поймал себя на мысли, что ему совсем не хочется никуда идти.

Лен сел под фургоном, скрестив ноги и накинув на плечи одеяло. Исо еще не было видно. Лен посмотрел в сторону фургона дяди Дэвида, надеясь, что Исо не проснется. Ведь идти нужно так далеко, было темно и холодно, их почти наверняка поймают и вернут домой. За ужином Лена не оставляло чувство вины, и он не мог заставить себя взглянуть в глаза отца, зная, что его замыслы отражаются в глазах, как в зеркале. Но отец ничего не заметил, и Лену неожиданно стало еще хуже. Отец настолько доверял ему, что никогда не стал бы за ним следить.

Под фургоном дяди Дэвида что-то зашевелилось, и Лен увидел выползавшего на четвереньках Исо.

“Я все скажу ему, — подумал Лен. — Я скажу, что никуда не хочу идти”.

Исо подполз ближе. Он улыбался, и, казалось, глаза его искрились в темноте, как догорающие угольки. Он наклонился совсем близко к Лену и прошептал:

— Они все уснули. Сверни свое одеяло, будто ты здесь.

“Я не пойду”, — думал Лен, но никак не мог

заставить себя произнести это. Он покорно свернул одеяло и осторожно проскользнул в темноту вслед за Исо.

Как только они потеряли фургон из виду, Лен вздохнул свободнее. Темнота была полна таинственного волнения, и Лен чувствовал его. Сладок вкус запретного плода, и звезды никогда не сияли так ярко.

Осторожно передвигаясь в темноте, мальчики вышли на открытую дорогу и побежали, повинуясь какому-то неясному зову. Телега с высокими колесами проехала мимо них, лошадь легко и быстро стучала копытами, и Исо, задыхаясь, закричал:

— Догоняй, догоняй!

Смеясь, они побежали быстрее, через несколько минут покинули ярмарочную площадь и выбежали на широкую дорогу. Дождя не было около трех недель, и пыль, поднятая в воздух колесами проезжающих фургонов, не успевала оседать. Упряжка лошадей неясно вырисовывалась в этой неосевшей пыли, громадная, похожая на призрак; взмыленные лошади трясли головами, стряхивая пену. Лошади тащили фургон, парусиновый навес которого был откинут, им правил грузный, похожий на кузнеца человек с большими, толсты-

ми руками и короткой русой бородкой. Позади него сидела полная краснощекая женщина. Юбки ее развевались, а на голове вместо привычного капора был какой-то странный лоскут. Из-под навеса с любопытством выглядывало несколько желтоголовых ребятишек. Исо стремглав бежал за фургоном, что-то выкрикивая, Лен чуть отстал от него. Незнакомец натянул поводья, осадил лошадей и с недоумением взглянул на мальчиков. Краснощекая женщина тоже увидела их, и оба рассмеялись.

— Ты только погляди, — сказал он, — маленькие плоские шляпы. Куда это вы собрались одни, без мамы, маленькие плоские шляпы?

— Мы идем послушать проповедь, — сказал Исо, рассердившись на “плоские шляпы”, и еще больше на “маленькие”, не настолько, однако, чтобы упустить такую возможность. — Можно мы поедем с вами?

— А почему бы нет? — сказал мужчина и снова рассмеялся. Затем он что-то пробормотал о самаритянах, Лен толком не понял, что именно, потом еще какую-то чушь о том, что нужно внимать Слову, и велел им поскорее влезать в повозку, потому что они могут опоздать.

Лошади ни на минуту не останавливались,

и мальчики изо всех сил старались не отстать, спотыкаясь о засохшие комья грязи. Они вскарабкались на подножку и прыгнули на солому. Мужчина прикрикнул на лошадей, которые тотчас ускорили бег, фургон, грохоча и постукивая, покатился быстрее, и дорожная пыль беспрепятственно проникла сквозь щели в полу в пыльную солому. Семеро ребятишек и большая собака круглыми глазами уставились на мальчиков. Самый старший сказал:

— Посмотрите на их смешные шляпы, — и все семеро покатились со смеху.

— А тебе что за дело? — рассердился Исо.

— Это наш фургон, вот что за дело, а если тебе не нравится, то можешь уходить, откуда пришел.

И они продолжали потешаться над их одеждой, а Лен злился. Босоногие, оборванные ребятишки от души потешались над своими гостями. А Лен и Исо старались не обращать внимания на их насмешки: четыре мили пешком — слишком длинный путь для ночной прогулки.

Дружелюбная собака тут же облизала их с головы до ног и смирно сидела рядом до тех пор, пока они не покинули фургон.

Лен представил, как эта полная женщина будет кататься по земле, и ее муж вместе с ней. Подумав

о том, как глупо они будут выглядеть, Лен захихикал и сразу перестал злиться на желтоголовых ребятишек.

Наконец они выехали на огромное поле, оканчивающееся возле небольшой речушки с низкими берегами. Во время засухи река обмелела, и сейчас была не более двадцати футов шириной. Лен отметил, что народу здесь не меньше, чем на ярмарке. Люди собрались в центре, расставив вокруг повозки. Один из самых больших фургонов с отвязанными лошадьми стоял чуть в стороне, ближе к речке. Все, как один, будто завороженные, смотрели на человека, возвышавшегося на этом фургоне, освещенном пламенем огромного костра. Черная, как вороново крыло, борода доходила ему почти до пояса и развевалась, когда человек оборачивался или вскидывал голову. Пронзительный и необыкновенно высокий голос не вязался с тем, как четко и убедительно произносил он каждое слово. Казалось, короткие веские предложения вонзаются в воздух и доходят до каждого слушателя.

Прошла минута, прежде чем Лен осознал, что этот человек читает проповедь. Происходящее совсем не было похоже на субботние молитвы в Пайперс Ране, где каждый мог подняться и

говорить с Господом или о Нем. Лен пристально всматривался в темноту, высунувшись из фургона. Задолго до того, как колеса полностью прекратили вращение, Исо подтолкнул кузена: “Пойдем!” и соскочил на землю, минуя подножку. Лен последовал за ним. Хозяин что-то сказал им вслед о Слове, а семеро ребятишек состроили рожицы.

— Спасибо вам большое, — вежливо сказал Лен и убежал, догоняя Исо.

Исо прошептал:

— Думаю, мы сможем пробраться ближе, только постарайся не шуметь.

Лен кивнул. Они поспешно обошли повозки и увидели каких-то людей, явно предпочитавших остаться незамеченными. Они стояли среди фургонов, не пытаясь приблизиться к толпе, и их силуэты четко вырисовывались на фоне костра. Некоторые были без шляп, но их выдавали покрой одежды и волосы. Так же, как Лен и Исо, они были нью-мененнайтцами. Лен догадывался, каково им сейчас. Ему и самому не очень-то хотелось быть узнанным.

По мере того как мальчики приближались к реке, голос проповедника становился все громче, в нем было что-то резкое и волнующее.

— …обратились в чужую веру. И вы об этом знаете, друзья мои. Вам рассказывали отец и мать, ваши деды исповедовали ее. В сердцах людей зарождались порок и богохульство, и вожделение…

Лен содрогался от волнения. Он осторожно пробирался между колес и лошадиных ног, с трудом сдерживая дыхание. Наконец мальчикам удалось найти подходящее укрытие между колесами одной из повозок, и теперь от проповедника их отделяло всего несколько ярдов.

— Они испытали вожделение, братия, вожделение ко всему новому и непонятному. И увидел это Сатана, и ослепил глаза их, небесные глаза души, и предались они удовольствиям, душу разлагающим, словно дети малые несмышленные. И забыли Господа нашего.

Стенания волной прокатились над теми, кто сидел на земле. Лен судорожно вцепился двумя руками в деревянные колесные спицы, просунув между ними голову.

Проповедник приблизился к самому краю фургона. Ночной ветерок играл его бородой, длинными волосами, а позади горел костер, выстреливая дым и искры. Глаза человека горели, и он повторил, до крика повысив голос:

— Забыли Господа!

И вновь рокот и стенания. Сердце Лена бешено стучало.

— Да, мои братия. Они забыли. Но забыл ли Господь о них? Нет, повторяю вам! Он не оставил их. Он видел все их прегрешения. Он видел, что дьявол завладел их душами. Он видел и то, что им это нравится, да, друзья мои, нравится! Следуя за Сатаной и Предателем, они оставили путь праведный ради пути грешного. А почему? Потому что путь Сатаны легкий и гладкий!

Лен совсем забыл об Исо, прижавшегося к земле позади. Он с открытым ртом смотрел на проповедника, и глаза его блестели. Казалось, его голос, словно кнут, стегает нервы Лена, о существовании которых он и не подозревал раньше, и он сердито повторял:

— Продолжай, ну же, продолжай!

— И каковы были деяния Господа, когда Он увидел, что дети Его отвернулись от Него?

Стон, рокот и стенания переросли в страшный рев.

— И сказал Он: “Они согрешили! Они попрали Мои законы, Мои пророчества, предостерегавшие их в старом Иерусалиме от роскоши Египта и Вавилона. Они превознеслись в гордыне сво-

ей. Они взошли на небеса — Мой трон, они вскрыли Землю — подставку для ног Моих, они лишились священного огня, до которого лишь Я осмеливаюсь дотронуться". И сказал Господь: "Я милосерден. Да очистятся они от грехов своих".

Стенания усилились, повсюду видны были воздетые к нему руки, поднятые к небу головы.

— Да очистятся они! — воскликнул проповедник.

Он дрожал от волнения. Костер внезапно выстрелил в темноту сотнями искр.

— Таково было слово Господне, и покарал он их за грехи страшной карой. И сгорели они в огне, который сами же разожгли, и рухнули гордые башни от блеска врат Господних. В голоде, страхе и жажде покинули отцы и деды ваши грешные города — места пороков и искушений — и стерли с лика Земли города проклятые, аки Содом и Гоморру.

Голос проповедника вновь упал до страшного, но всеми слышимого шепота:

— Мы спасены милостью Господней, так отыщем же стезю Его, дабы следовать ею до конца жизни своей!

— Алиллуйя! — ревела толпа. — Алиллуйя!

Проповедник воздел руку к небу, и толпа утих-

ла. Лен, затаив дыхание, ждал. Он смотре, л в черные, горящие глаза человека на фургоне, напоминавшие глаза кошки, готовой к прыжку.

— Но, — продолжал человек, — Сатана все еще среди нас.

Сотни людей в религиозном экстазе рванулись вперед, испустив дикий вопль, и затихли, повинуясь воздетой руке проповедника.

— Он хочет вернуть нас на пути свои, он помнит, как самые красивые женщины и самые богатые мужчины были у него в услужении. И снарядил он посланников своих, и они теперь среди нас. Просты их одежды, смиренны их обличья, и вы не узнаете их, мои братия. Они обращают в иудейство детей ваших, искушая запретным плодом, и на челе у каждого метка антихриста — метка Барторстауна.

Услышав это слово, Лен насторожился. Он всего однажды слышал его от бабушки и запомнил лишь потому, что отец сразу же довольно грубо заставил ее замолчать.

Толпа взревела, многие вскочили на ноги. Исо, весь дрожа, прижался к Лену.

— Что же это? — шептал он. — Что это такое?

Проповедник огляделся вокруг. На этот раз он не стал успокаивать толпу и ждал, пока люди

умолкнут сами. Желая услышать, о чем он будет говорить дальше, Лен вдруг почувствовал, как нечто зашевелилось внутри него. Он не мог понять, что это, ему просто хотелось визжать, прыгать, кататься по земле, и удержаться от этого было не так-то просто.

— Слушайте же, — медленно произнес человек, — недостаточно сказать посланнику Сатаны: "Уходи и никогда не возвращайся, мы хотим очистить дом наш". — Резким движением руки он подавил крик, готовый вырваться из уст сотен людей.

— Нет, дети мои, мы не пойдем по этому пути. Мы верим стоящему рядом, как самому себе. Мы чтим закон правительства о том, что ни один город не должен больше появиться на этой земле. Мы чтим слово Господне, которое гласит: "Если правый глаз изменит тебе — вырви его, если правая рука изменит тебе — отрежь ее. Мы не можем терпеть посланника среди нас, и мы убьем его, будь он хоть отцом, хоть братом нашим".

Шум возобновился, и Лена бросило в жар. В горле у него стоял комок, глаза блестели. Кто-то подкинул в костер сухое дерево, он взорвался снопом искр, и вспышка желтого пламени озарила людей, которые с воем катались по земле.

Мужчины и женщины вонзали пальцы в грязь, будто пытались остановиться. Глаза их казались белыми. Резкий, пронзительный голос проповедника раздавался в ночи, напоминая вой большого животного.

— Если зло вселится в кого-нибудь из вас — убейте его!

Высокий худощавый юноша с едва обозначившейся жиденькой бородкой внезапно вскочил на ноги и закричал:

— Я нашел его! — и пена выступила в углах его рта.

Толпа вдруг заволновалась, какой-то человек вскочил, пытаясь бежать, но тут же был схвачен. Плечи сомкнулись над беглецом, ноги изгибались в невероятном танце, люди толкали и терзали незнакомца. Наконец они потащили его назад, и Лен смог хорошенько рассмотреть его. Это был рыжеволосый торговец Уильям Соумс. Но сейчас его трудно было узнать: лицо искажено страхом, одежда изорвана.

Проповедник что-то крикнул. Он стоял на самом краю фургона, руки его были воздеты к небу. Толпа стала срывать одежду со своей жертвы. Соумс носил мягкие сапожки, и один из них слетел, другой же они забыли стянуть. Затем все внезап-

но отступили назад, оставив его в одиночестве посередине открытого пространства.

Кто-то бросил камень. Он рассек верхнюю губу Соумса. Тот шевельнулся, попытался подняться, но тут в него полетел еще камень, и еще, затем палки и комья земли, и его белая кожа сплошь покрылась ссадинами и грязью. Он поворачивался то в одну, то в другую сторону, пытаясь вырваться, отразить удары, падая и корчась от боли. Рот его был открыт, и кровь тоненькой струйкой сочилась сквозь зубы и стекала вниз по бороде. Лену не было слышно, кричал он или нет — все заглушили рев толпы, хриплая бессвязная речь, и в Соумса все летели и летели камни.

Затем сборище двинулось к реке, преследуя его. Он пробежал совсем рядом с повозкой мимо Лена, уткнувшегося в деревянные спицы, и Лен хорошо разглядел его глаза. Люди бежали вслед, их сапоги тяжело впечатывались в пыльную землю; женщины держали в руках камни, и волосы их развевались по ветру. Соумс упал ничком на берегу мелководной речушки. Мужчины и женщины окружили его, словно мухи, слетевшиеся на падаль, руки их поднимались и опускались.

Лен обернулся и посмотрел на Исо. Тот плакал, лицо его было белым, как полотно. Он сжимал

кулаки, все тело его содрогалось, широко раскрытые глаза казались огромными. Внезапно он рванулся прочь. Лен, не раздумывая, последовал за ним, с трудом пробираясь под повозкой. У него кружилась голова, его тошнило. Он ни о чем не мог больше думать, кроме орешков, которыми их угостил Соумс накануне. Леденящий холод с головы до ног охватил Лена. Толпа все еще бесновалась на берегу реки. Когда Лен поднялся, Исо уже скрылся в тени фургонов.

Лен в панике метался среди фургонов и повозок и звал Исо, но тот не отзывался, а в ушах Лена неотступно звучал голос убийцы. Словно ослепленный, Лен бросился к открытому пространству и наткнулся на чью-то невысокую фигуру, которая протянула руки и схватила его. “Лен, — сказала она, — Лен Колтер!” Это был мистер Хостеттер.

Коленки Лена подогнулись, и он потерял сознание Потом было темно и спокойно, он слышал голос Исо, затем мистера Хостеттера, далекий и неясный, словно принесенный ветерком в знойный день. Затем он оказался в фургоне, огромном, полном незнакомых запахов, туда же мистер Хостеттер втолкнул Исо, похожего на привидение.

— Ты говорил, это будет смешно, — прошептал

Лен.

— Откуда я мог знать? — грубо оборвал его Исо.

Он икнул и опустился на корточки позади Лена, положа голову на колени.

— Будьте здесь, — сказал Хостеттер, — я должен кое-что отыскать.

Он вышел. Лен с трудом поднялся и выглянул из фургона, взгляд его был обращен к стенающей, рыдающей, кричащей толпе, волнующейся, словно море, вопящей о своем спасении:

— Слава, слава, алиллуйя! Возмездие за грех — смерть, алиллуйя!

Мистер Хостеттер быстро бежал к какому-то фургону, стоящему в тени деревьев. Исо тоже наблюдал за ним. Проповедник о чем-то кричал, размахивая руками.

Мистер Хостеттер уже возвращался, выпрыгнув из другого фургона. В руках он держал какой-то маленький ящичек длиной меньше фута. Он влез на сиденье, и Лен подошел к нему.

— Пожалуйста, — сказал он, — позвольте мне сесть сзади вас.

— Положи это куда-нибудь, ладно? — Хостеттер показал ему коробочку. — Потом можешь влезать. А где Исо?

Лен оглянулся. Исо свернулся калачиком на

полу, положив голову на узел с одеждой. Лен окликнул его, но тот не отозвался.

— Поехали, — сказал Хостеттер. Он щелкнул кнутом и крикнул на лошадей. Дружно взяли с места шесть скакунов, и фургон покатился все быстрее и быстрее, пламя костра осталось далеко позади. Лошади перешли на легкий аллюр. Мистер Хостеттер обнял Лена, и тот прильнул к нему.

— Зачем они сделали это?

— Потому что боятся.

— Чего?

— Вчерашнего дня, — ответил Хостеттер, — или завтрашнего.

Он удивительно грубо выругался. Лен в недоумении уставился на него, но Хостеттер прервал себя на полуслове и покачал головой. Когда он вновь заговорил, в его голосе уже не слышно было тех свирепых ноток, которые так ошеломили Лена:

— Оставайся со своими, Лен. Ничего лучше этого тебе никогда не найти.

Лен пробормотал:

— Да, сэр.

После этого никто не нарушал молчания, и фургон медленно продолжал свой путь. Мерное

поскрипывание колес нагоняло на Лена дремоту, не ту, которая предшествует здоровому сну, а болезненную, наваливающуюся от изнеможения. Позади крепко спал Исо. Наконец лошади перешли на шаг, и Лен увидел, что они достигли ярмарочной площади.

— Где ваш фургон? — спросил Хостеттер, и Лен объяснил ему.

Когда они подъехали ближе, то увидели горящий костер, а возле него — отца и дядю Дэвида. Оба выглядели сердитыми и угрюмыми, и когда мальчики подошли, не сказали им ни слова, лишь поблагодарили мистера Хостеттера за то, что он доставил их. Лен исподтишка покосился на отца. Ему хотелось встать перед ним на колени и сказать:

— Отец, я согрешил, — но неожиданно для себя он задрожал и снова начал всхлипывать.

— Что произошло? — строго спросил отец.

— Фанатики забрасывали камнями, — в двух словах объяснил Хостеттер.

Отец посмотрел на Исо, перевел взгляд на дядю Дэвида, потом на Лена и вздохнул.

— До этого подобное произошло всего однажды, — сказал он. — Мальчикам было запрещено идти туда, но они нарушили запрет и стали сви-

детелями этого ужасного зрелища. — Затем он повернулся к Лену:

— Ну-ка, успокойся, все закончилось, — и легонько подтолкнул его к фургону. — Иди, Ленни, завернись в свое одеяло и отдыхай.

Лен пополз под фургон и завернулся в одеяло. Его окутала спокойная темнота, и он погрузился в сон, но сознание все еще удерживало лицо умирающего Соумса. Сквозь темноту до него доносился голос мистера Хостеттера:

— Я пытался предупредить этого человека еще вчера в полдень, что фанаты что-то замышляют. Вечером не выдержал и последовал за ним. Но было слишком поздно, я ничего не мог изменить.

— Он действительно виновен? — спросил дядя Дэвид.

— Не больше, чем мы с вами. Люди с Барторстауна никого не пытаются обратить в другую веру.

— Так он был из Барторстауна?

— Соумс приехал из Виргинии. Я знал его как торговца и отличного человека.

— Виновен или нет, — произнес отец, — все равно это не по-христиански. И чем больше будет таких сумасшедших проповедников, тем ожесточеннее толпа.

— Все мы чего-то боимся, — сказал Хостеттер.

Он влез в фургон и уехал. Но Лен уже ничего не слышал.

Часть 3

Прошло почти три недели, не считая двух—трех оставшихся дней, на дворе стоял тихий, теплый октябрьский полдень. Лен в одиночестве сидел на ступеньке.

Через некоторое время дверь позади Лена тихо отворилась. Послышались шаркающие шаги и глухое покашливание. Это бабушка вышла погреться в лучах осеннего солнца. Костлявой и высохшей, но удивительно сильной рукой она ухватилась за запястье Лена и спустилась двумя ступеньками ниже, согнувшись, словно сухая ивовая веточка.

— Спасибо, спасибо, — сказала бабушка, расправляя свои многоярусные юбки.

— Хочешь, я дам тебе коврик, — предложил Лен, — или шаль?

— Не стоит, на солнце и так тепло.

Лен опустился на ступеньку позади нее. Брови его были нахмурены, голова опущена, и он казался таким же старичком, как и бабушка, только гораздо более серьезным. Бабушка пристально посмотрела на Лена, и тот заволновался, не зная,

что она хочет отыскать в его глазах.

— Все эти дни ты очень молчалив и задумчив, Ленни.

— Да, это так.

— Но ты ведь больше не обижаешься, правда? Я так не люблю надутых мальчиков.

— Нет, ба, я больше не обижаюсь.

— Твой отец правильно сделал, что наказал тебя. Ты ведь ослушался его, хотя прекрасно знал, что тебе это запрещено ради твоей же пользы.

Лен кивнул:

— Я знаю.

Отец не стал бить Лена. Наказание было отнюдь не таким суровым, как он ожидал. Отец обстоятельно и очень серьезно расспросил Лена о том, что он видел и делал, и закончился разговор тем, что не только в следующем, но, может, и через год Лен не поедет на ярмарку. Одним словом, Лен будет сидеть дома до тех пор, пока не докажет, что ему вновь можно доверять. “Отец оказался не таким уж плохим, — думал Лен. — Дядя Дэвид до полусмерти избил Исо”. А вообще Лену казалось, что ему уже никогда не захочется поехать на ярмарку.

Об этом он и сказал бабушке, и она улыбнулась своей старческой беззубой улыбкой, похлопав

его по коленке:

— Год назад тебе так не казалось.

— Возможно.

— Ну, хорошо. Даже если ты уже не обижаешься, все равно что-то странное происходит с тобой. Что же, скажи мне?

— Ничего.

— Ленни, я много раз имела дело с мальчиками вроде тебя и знаю, что если ребенка ничто не тревожит, он не может быть таким угрюмым, и тем более в солнечный субботний день.

Она посмотрела на глубокое, без единого облачка небо, вдохнула полной грудью прозрачный воздух, пристально всматриваясь в окружавший усадьбу лес. Для нее это были не просто деревья, а чудесное буйство красок; названия многих из них уже исчезли из ее памяти.

— Только в это время года, когда опадают листья, можно увидеть настоящие цвета. Мир становится красочным. Ты не поверишь, Ленни, но когда я была маленькой девочкой, мне купили платьице такое же красное, как листья того дерева.

— Наверное, это было красиво, — Лен попытался представить бабушку маленькой девочкой в красном платье и не смог, отчасти потому, что в

его представлении она навсе1да останется старой бабушкой, отчасти оттого, что никогда в жизни не видел человека, одетого в красное.

— Оно было такое красивое, — медленно произнесла бабушка и снова вздохнула.

Они вдвоем сидели на ступеньке, не разговаривая. Наконец бабушка сказала:

— Я знаю, что беспокоит тебя. Ты все еще не можешь прийти в себя от того убийства на проповеди.

Лен задрожал. Он пытался унять дрожь, но ничего не смог поделать.

— О бабушка, это было… Он был в одном сапоге. Они сорвали с него одежду, забыв про этот сапог, и это было очень страшно. А они продолжали бросать в него камни…

Лен закрыл глаза и вновь увидел тоненькую, смешанную с грязью, струйку крови, сбегавшую по белой коже человека. Увидел, как поднимались и опускались руки людей.

— Зачем они это сделали, ба? Зачем?

— Спроси лучше у отца.

— Он сказал, что они боялись, и этот страх мог толкнуть людей на зверскую расправу и что я должен молиться за них. — Лен сердито почесал нос тыльной стороной ладони. — Я буду молить-

ся, чтобы кто-нибудь тоже забросал их камнями.

— Ты видел такое лишь однажды, — возразила, покачав головой, бабушка, глаза ее были закрыты. — Если бы ты видел то, что довелось пережить мне, ты узнал бы, до чего может довести людей страх. А я ведь была младше, чем ты, Ленни.

— Это было очень страшно, да, бабушка?

— Я уже стара, очень стара, но помню: в небе полыхало пламя, алое пламя, вон там, — костлявой рукой она описала полукруг, указывая с юга на север. — Там пылали большие города, пылал город, куда я должна была уехать со своей мамой. Оттуда бежали все, убежища были построены на каждом поле, люди прятались в конюшнях и сараях, нам пришлось зарезать сорок коров, чтобы прокормить этих людей и себя. То было страшное, тяжелое время. Просто удивительно, как мы смогли пережить все это!

— Так поэтому они убили того человека? Потому что боятся возвращения всего — и городов, и войны?

— А разве ты не слышал об этом на проповеди? — спросила бабушка, хорошо помня свое последнее посещение проповеди.

— Слышал. Они говорили, что нечистый развращает молодежь какими-то плодами, я думаю,

они имели в виду плоды с дерева знания, как об этом говорит Библия. А еще они говорили, что он пришел из какого-то Барторстауна. Что такое Барторстаун, ба?

— Спроси своего отца, — сказала она и стала рыться в карманах фартука:

— Куда я засунула свой носовой платок? Я же точно помню, что у меня он был.

— Я спрашивал его. Он сказал, что такого города нет.

— Хм.

— Он сказал, что в этот Барторстаун верят только дети и фанатики.

— В таком случае от меня ты ничего другого не услышишь, и не пытайся расспрашивать меня.

— Не буду, ба. Но все равно ведь этот город существовал, только очень давно?

Бабушка, наконец, отыскала платок. Она вытерла им глаза и лоб, высморкалась и сунула его обратно в фартук.

— Когда я была маленькой, — сказала она, — шла война.

Лен кивнул. Мистер Нордхолт, школьный учитель, много рассказывал им об этом, и для Лена его рассказы были неразрывно связаны с книгой откровения, ветхой и отталкивающей.

— Мне кажется, она длилась очень долго, — продолжала бабушка, — я помню, о ней очень много говорили по телевизору и показывали нарисованные бомбы, выпускавшие облака, похожие на громадные грибы, любой из которых мог стереть с лица земли целый город. Огненный поток извергался с неба, и многие были уничтожены им. Господь вооружил врага нашего, дабы отомстить за себя.

— Но мы ведь победили?

— О да, в конце концов, мы победили.

— А потом построили Барторстаун?

— Нет, он был построен правительством еще до войны. Правительство тогда находилось в Вашингтоне. Этот город был совсем другим — гораздо больше, чем сейчас. Маленькая девочка вроде меня не должна была интересоваться такими вещами, но я слышала, что построено много секретных убежищ, и Барторстаун был самым секретным из них.

— Если этот город был секретным, откуда ты узнала, что он существует?

— Об этом говорили по телевизору. Они не сказали, что это за город и зачем построен, и нас пытались убедить, что все это слухи, но я запомнила название.

— Так значит, — тихо произнес Лен, — все это правда.

— Ты должен понять, что все это происходило много лет назад и что сейчас все изменилось. А может быть, в Барторстаун действительно верят только дети и фанатики, как сказал твой отец.

Бабушка добавила, что никогда не видела ни одного секретного города, а затем сказала:

— Не думай об этом, Ленни. Не связывайся с дьяволом, и дьявол не тронет тебя. Ты ведь не хочешь, чтобы с тобой случилось то же, что с тем человеком на проповеди?

Лена бросало то в жар, то в холод. Но любопытство заставило его задавать вопросы, несмотря ни на что.

— Неужели Барторстаун такое ужасное место?

— Да, да, — шепотом отозвалась бабушка, — все думают, что это так. Всю жизнь мне приходится постоянно держать язык за зубами. Но я помню, каким до войны был мир. Я была еще девочкой, но уже достаточно взрослой, чтобы все запомнить, и мне тогда было почти столько же лет, сколько тебе сейчас, Ленни. Я помню, как нам пришлось стать меноннайтцами, хотя мы никогда не принадлежали к этому народу. Иногда мне хочется… — она прервала свою речь на полуслове и вновь

обратила взор на пылающий красками лес.

— Я так любила свое красное платье…

Снова молчание.

— Бабушка!

— Что?

— А какими они были, эти города?

— Спроси лучше своего отца.

— Но ты ведь знаешь, что он ответит мне. Кроме того, он их никогда не видел. А ты видела, ба. Ты помнишь.

— Господь разрушил их в своей безграничной мудрости. Ты не должен больше спрашивать меня об этом. А я — отвечать тебе.

— Но я же не спрашиваю, я только прошу! Скажи, какими они были?

— Они были очень, очень большими. Сотня таких Пайперс Ранов не составила бы и половины большого города. Справа и слева по дорогам ходили пешеходы, а посередине ездили автомобили. Огромные здания, казалось, доставали до неба. Улицы были шумными, в воздухе носились разные запахи, и сотни людей спешили туда-сюда по тротуарам. Мне всегда нравились города. И никто в то время не называл их порочными.

Лен во все глаза глядел на бабушку, стараясь не упустить ни единого слова.

— Там были большие кинотеатры, просто громадные, а в магазинах было все, что угодно, в ярких блестящих пакетиках. В любой день можно было пойти и купить такие вещи, которые тебе и не снились, Ленни! Белоснежный сахар — ничто по сравнению с ними. Специи, свежие овощи в любое время года, даже зимой, замороженные в маленькие брикетики. И чего только не было в магазинах! Не знаю даже, с чего начать: одежда, игрушки, электрические мойки для посуды, книги, радио, телевизоры… — она немного подалась вперед, глаза ее блестели.

— Рождество! О, Рождество с его украшениями, лампочками в витринах и окнах, подарками! Все красочное и сияющее, радостные лица вокруг! Это не было порочным. Это было восхитительным.

Лен слушал с открытым ртом. Вдруг он услышал чьи-то шаги и понял, что сюда идет отец. Он пытался заставить бабушку замолчать, но она, казалось, забыла о его присутствии.

— А по телевизору показывали ковбоев. Музыка, леди в красивых платьях с открытыми плечами. Как я мечтала тоже одеть такое, когда вырасту… Книги с картинками, закусочная мистера Блумера с мороженым и шоколадными кроликами…

— Это ты заставил бабушку рассказывать? — строго спросил отец.

— Нет, не я, честное слово! Она сама начала, про свое красное платье.

— Легким, — продолжала бабушка, — легким, красивым и удобным — таким был мир. А потом это все исчезло. Так быстро…

— Мама! — окликнул ее отец. Бабушка обернулась, и взгляд ее сначала ничего не выражал, потом в глазах вспыхнули живые огоньки, словно маленькие искорки.

— Эх ты, плоская шляпа, — сказала она.

— Нет, послушай, мама…

— Я не хочу вновь носить ее. Я хочу красное платье, телевизор, фарфор и еще много-много всего! О, то было чудесное время. Как бы мне хотелось, чтобы оно длилось вечно.

— Но все-таки оно закончилось. А ты — старая глупая женщина, и не тебе рассуждать о милости и немилости Господней!

Отец был очень рассержен и обращался больше к Лену, чем к матери.

— Ответь мне, помогли тебе выжить все эти безделушки, о которых ты так часто жалеешь? Помогли они людям в городах? Помогли, я спрашиваю?

Бабушка отвернулась и не отвечала. Отец спустился вниз и встал напротив нее.

— Не притворяйся, что не слышишь меня, мама. Ты прекрасно понимаешь, о чем я говорю. Отвечай! Помогли?

Из глаз бабушки полились слезы и погасили живые огоньки.

— Я всего лишь старая женщина, и ты не должен кричать на меня, да еще в субботний день.

— Мама, помогла вся эта дребедень выжить хотя бы одному человеку?

Бабушка опустила руку и размахивала ею из стороны в сторону.

— Тогда я сам отвечу: нет! Разве не ты рассказывала мне, как в магазинах исчезла еда, а машины на полях не могли работать, потому что не было топлива. И выжили только те, кто делал все своими руками; они же показали нам путь к миру и очищению перед Господом. А ты осмелилась насмехаться над этим народом! — отец топнул ногой. — Не удивительно, что мир пал, как шоколадные кролики!

Отец обернулся, приглашая Лена разделить возмущение и гнев, охватившие его.

— Есть хоть малая толика благодарности в ваших сердцах? Или вам мало того, что вы здоровы,

у вас нет недостатка в еде и есть теплое жилище? Что еще должен дать вам Господь, чтобы вы были счастливыми?

Дверь снова отворилась. На пороге появилась мать Колтер, полная и розовощекая, в тугом белоснежном чепце.

— Илайджа, — укоризненно сказала она, — ты осмелился повысить голос на свою мать, да еще в субботний день?!

— Меня вынудили, — отдышавшись, сказал отец и продолжал уже более спокойно, обращаясь к Лену, — марш в конюшню!

Сердце Лена ушло в пятки. Опустив голову и тяжело переставляя ноги, он побрел через двор.

Мать вышла на крыльцо:

— Илайджа, сегодня суббота!

— Это пойдет ему на пользу, — тоном, не допускающим возражений, парировал отец. — Предоставь это мне.

Мать, покачав головой, удалилась. Отец направился к конюшне вслед за Леном, бабушка же продолжала сидеть на ступеньке.

— А мне все равно, — прошептала она, — все, что мы имели, было просто замечательным. — Через минуту она упрямо повторила: — Замечательным, замечательным, — и слезы медленно

катились по щекам и падали на подол ее серого домотканого платья.

В полумраке теплой, сладко пахнущей свежескошенным сеном, конюшни отец снял с гвоздя кожаный длинный ремень, а Лен — пиджак. Он ждал, но отец стоял, нахмурившись, задумчиво глядел на него, пропуская между пальцами гибкую кожу и наконец произнес:

— Нет, все-таки это не метод, — и повесил ремень на место.

— Разве ты не собираешься высечь меня? — прошептал Лен.

— Только не за глупости, которые наговорила твоя бабушка. Она очень стара, Лен, а старики — что малые дети. Она пережила ужасное время, работала всю свою жизнь, и, наверное, мне не стоило повышать на нее голос только из-за того, что она мечтает о детстве и о вещах, которые имела. Но, мне кажется, умный мальчик не должен слушать ее россказни. — Отец пошел к выходу, минуя стойки, затем, не оборачиваясь к Лену, сказал: — Ты видел, как умер человек. Это волнует тебя, и поэтому ты постоянно спрашиваешь о вещах, с этим связанных. Это так, Ленни?

— Да, отец. Я, действительно, не могу забыть о нем.

— А ты и не должен об этом забывать. Запомни его на всю жизнь. Этот человек знал, на что шел, и конец его пути был предопределен. Путь, который выбирают грешники, не всегда легок, Лен. И никогда не приводит ни к чему хорошему.

— Я знаю, — отозвался Лен. — Но ведь так получилось только потому, что он пришел из Барторстауна?

— Барторстаун — не просто участок земли. Я не знаю, существует ли он на самом деле, а если существует, то мне безразлично, есть ли там то, о чем рассказывает бабушка и другие старики. Но люди верят им. Барторстаун — путь мысли, Лен. Рыжеволосого торговца забросали камнями насмерть потому, что он выбрал этот путь.

— Проповедник сказал, что он хотел вернуть города. Отец, а Барторстаун — город?

Отец опустил руку на плечо Лена.

— Много, много лет назад отец избил меня на этом самом месте за то, что я задавал подобные вопросы. Он был хорошим человеком, и дядя Дэвид очень похож на него: оба они привыкли больше работать кнутом, чем головой. Я слышал рассказы о городах от матери и от людей поколением старше, они помнили и видели гораздо больше, чем бабушка. И втайне я мечтал о всей

той роскоши и никак не мог понять, почему люди считают ее порочной. Мой отец сказал мне, что я стою на пороге в ад, и так избил меня, что я не мог двигаться несколько дней. Он сам пережил разрушение, и страх перед Богом в его сердце был гораздо сильнее, чем в моем. Это был горький урок, Лен, и я не уверен, что он помог мне. Но если будет нужно, то я преподам тебе точно такой же, так что постарайся не злить меня больше.

— Я постараюсь, отец, — поспешно ответил Лен.

— Надеюсь. Ты должен понять, Ленни, что все это бесполезно. Забудь на минуту о том, грешно это или нет, и подумай о фактах. Все эти радио, телевизоры, железные дороги и аэропланы, о которых говорила бабушка, целиком зависели от городов. Организация, Лен. Каждая деталь, даже самая ничтожная, зависела от другой, а все они вместе приводили в движение механизм. Один человек не сможет собрать автомобиль, как и хороший тележный мастер не сможет в одиночку собрать телегу. Для этого должны были собраться тысячи людей, и работа их зависела от другой тысячи, которые производили резину и топливо, чтобы автомобиль мог передвигаться, когда его соберут. И все это осуществимо только в большом

городе, поэтому автомобили исчезли вместе с городами. И у нас их никогда больше не будет.

— Неужели мы потеряли их навсегда? — с сожалением спросил Лен.

— На все воля Божья. Но и мы ведь не будем жить вечно. Лучше бы ты жалел, что не можешь иметь, мумию египетского фараона, чем вещи, которые мы потеряли в Разрушении.

Глубоко задумавшись, Лен кивнул.

— Отец, но я все еще не могу понять, зачем им понадобилось именно убивать того человека?

Отец вздохнул.

— Эти люди верят в то, что их действия правильны и необходимы в целях защиты. Ужасная кара однажды уже постигла этот мир, и те, кто выжил, боятся нового Разрушения. Сейчас наш мирный народ процветает, и никто не хочет навлечь на себя гнев Божий. И когда мы встречаем тех, кто пытается возродить грешное начало, то боремся с ними. Иногда насилие — единственный путь борьбы.

Он подал Лену пиджак:

— Вот, одень. А теперь я хочу, чтобы ты пошел в поле и огляделся вокруг, и покаялся, и воздал хвалу Господу за величайший дар, данный тебе, — жизнь в мире и довольствии. Мне хочется,

чтобы ты воспринял смерть того человека, как знак, данный свыше, чтобы уберечь тебя от глупости, которая так же ужасна, как и сам грех.

Лен надел пиджак, чувство горячей любви к отцу захлестнуло его.

— И еще одно. Это ведь Исо заставил тебя пойти с ним на проповедь?

— Я этого не говорил.

— А это вовсе не обязательно. Я слишком хорошо знаю и его, и тебя. Исо — своевольный и упрямый. Он не станет пренебрегать ничем, чтобы лишний раз выделиться. Мне бы не хотелось, чтобы ты во всем подражал ему. И если что-нибудь подобное случится вновь, я задам тебе хорошую трепку. Понял?

— Да, отец.

— А теперь иди.

Отцу не пришлось повторять дважды. Лен поспешно пересек двор, миновал ворота, перешел дорогу и степенно направился в поле. Его голова слегка побаливала от навалившихся мыслей.

Вчера на этом поле убирали кукурузу, и длинные острые серпы — вжик-вжик — срезали шуршащие кукурузные стебли, а ребятишки собирали их. Лен любил время уборки урожая, когда все собирались вместе и помогали друг другу. В

этом была какая-то особая, волнующая прелесть, непередаваемое чувство победы в сражении, начатом еще весной. И приготовление к зиме было таким же простым и естественным, как листопад и белки, запасающие на зиму кукурузные зерна.

Лен медленно прошел мимо сложенных аккуратными рядами кукурузных стеблей, высоких скирд. Он вдыхал прозрачный осенний воздух, напоенный ароматом сухой кукурузы, прислушиваясь к вороньему карканью где-то на опушке недалекого леса, и вдруг ощутил всю красоту расцвеченных осенью деревьев, затерявшейся вдали деревушки и видневшегося неподалеку леса. Он направился к нему, то и дело поднимая голову, чтобы разглядеть багряную и золотую листву на фоне пронзительно голубого неба.

У самой межи росло несколько маков, таких ярко-алых, что Лен заморгал и прищурился. Он остановился и оглянулся. Отсюда ему была видна почти вся деревушка, незатейливые узоры бескрайних полей, добротные заборы, покрытые черепицей дома, отполированные и выкрашенные прихотливой погодой в серебристо-серый цвет. Вдалеке виднелись пасущиеся овцы и коровы, кобылы и холеные, лоснящиеся, играющие мускулами жеребцы. Амбары и закрома были

полны, глубокие погреба тоже забиты до отказа кринками и глиняными кувшинами, соленым и копченым беконом, недавно привезенной из коптильни ветчиной, и все это изобилие было плодами мозолистых человеческих рук.

Лен стоял, как зачарованный, глядя на поля, дома, леса, амбары, небо, охваченный любовью и гордостью за эту маленькую деревушку. Мир был прекрасен, а Бог хорошим. Он понял слова отца о мире и довольствии. Он молился. Закончив молитву, Лен вошел в лес.

Он так часто бродил здесь, что протоптал в густой траве узкую стежку, и теперь легко зашагал по ней. Нижние ветки касались его широкополой шляпы, и он снял ее, а вскоре и пиджак. Его тропинка слилась с оленьей тропой, и несколько раз Лен находил совсем свежие оленьи метки, а дальше, в густой траве, — следы ночлега оленей.

Через несколько минут он вышел к длинной просеке. Заросли кустарника были здесь уже непроходимыми. Лен опустился на траву в тени густых кленов, затем лег, подложив под голову сложенный пиджак. Ветки смыкались над его головой затейливым узором, удерживая легкое облачко золотистых листьев, а небо было таким голубым и глубоким, что, казалось, в нем можно

утонуть. Время от времени листья струились вниз легким водопадом и тихо опускались на землю в спокойном воздухе. Лен пытался размышлять, но не мог сосредоточиться. Впервые после проповеди он чувствовал себя почти счастливым и через некоторое время задремал, убаюканный тишиной и чувством абсолютного умиротворения. И вдруг рывком сел, дремота улетучилась, сердце учащенно билось, по коже струился пот.

В лесу послышался звук.

Он был странным. Ни одно животное, ни птица, ни ветка дерева не смогли бы издать такого свиста, шипения, повизгивания, а через некоторое время внезапно послышался вой. Он не был громким и звучал на приличном расстоянии, но в то же время казалось, что это не так уж далеко.

Неожиданно звук повторился, будто отрезанный острым ножом. Лен замер и прислушался. Он снова услышал звук, на этот раз едва различимый, принесенный легким теплым ветерком. Лен снял ботинки и, неслышным шагом ступая по мху и траве, направился к концу просеки. Он миновал ее и углубился в заросли дурмана, работая руками и ногами до тех пор, пока не увидел просвет впереди. Звук не стал громче, но слышался значительно ближе.

Позади зарослей дурмана виднелся поросший травой берег реки, который весной покрывался ковром фиалок. Берег имел клиновидную форму, и в этом месте ручей, давший название деревушке, сливался с медленными бурыми водами Пиматанинга. Над рекой склонилось большое дерево, корни которого размыл весенний паводок. Это было самое уединенное место, которое только можно было отыскать октябрьским осенним полднем, в самом сердце леса, отдаленное от деревушки.

Исо был там. Он сидел на поваленном дереве, а звук издавала какая-то штуковина, которую он держал в руках.

Часть 4

Лен вышел из зарослей дурмана. Исо в панике вскочил. Он попытался скрыться, спрятав что-то за спиной. Когда он увидел, что это всего лишь Лен, коленки его подкосились, и он тяжело опустился на бревно.

— Что ты здесь делаешь? — спросил он сквозь зубы. — Я подумал, что это отец.

Руки его дрожали. Он все еще пытался укрыть, спрятать то, что держал в руках. Лен не двигался с места, пристально глядя на возню Исо.

— Что у тебя там? — спросил он.

— Ничего. Всего лишь старая коробка.

Это была жалкая ложь. Лен пропустил ее мимо ушей. Он подошел ближе к Исо и посмотрел. Штуковина действительно напоминала коробку. Маленькая, всего несколько дюймов в ширину, и плоская, не похожая ни на одну деревянную вещь, которую когда-либо приходилось видеть Лену. Он не мог понять, в чем было отличие, но оно, несомненно, имелось. В коробочке было несколько любопытных отверстий, из них торчали кнопочки, в углублении видна катушка с

намотанной ниткой, только эта нитка была металлической. Коробочка издавала приглушенное бормотание и шептала о чем-то, понятном лишь ей одной.

— Что это? — охваченный благоговейным страхом, спросил Лен.

— Помнишь, как назывались вещи, о которых иногда рассказывает бабушка? Те, которые издавали голоса?

— Телевизор? Но он большой и показывает картинки.

— Да нет же. Я говорю о другой вещи, из которой выходят только голоса.

Лен глубоко вздохнул.

— О-о! — Он пальцем осторожно прикоснулся к жужжащей коробочке, чтобы удостовериться в том, что это не сон, и что она действительно существует: — Радио?

Исо положил коробочку на колени, придерживая одной рукой. Другой он осторожно ухватил Лена за рубашку. В его глазах было такое неистовство, что Лен даже не пытался освободиться. К тому же он не любил и боялся драк, да и радио могло сломаться.

— Если ты посмеешь сказать кому-нибудь, я убью тебя. Клянусь, я убью тебя.

Взгляд его красноречиво говорил о том же. Лен не обиделся.

— Клянусь, я никому не скажу, Исо. Честное слово, клянусь Библией.

Его взгляд был прикован к удивительной, потрясающей маленькой вещи на коленях Исо.

— Где ты взял его? А оно работает? А из него действительно слышны голоса? — Лен так низко наклонился, что его подбородок был почти на уровне бедра Исо.

Исо отпустил рубашку Лена, продолжая любовно поглаживать деревянную поверхность коробочки. Рассмотрев ее ближе, Лен увидел жирные пятна вокруг кнопочек, оставленные прикосновениями чьих-то пальцев, щербинку на одном из уголков. Эти сокровенные подробности делали радио еще более реальным. Кто-то долго пользовался им.

— Я стащил его, — сказал Исо. — Это радио торговца Соумса.

Лен почувствовал, как знакомое волнение охватило его. Он немного отодвинулся, посмотрел на Исо, затем огляделся по сторонам, будто ожидал, что камни тотчас полетят в них из густых зарослей дурмана.

— Но как оно очутилось у тебя? — спросил Лен,

бессознательно понизив голос.

— Помнишь, как мистер Хостеттер оставил нас в фургоне, а сам вышел за чем-то?

— Да, и принес ящик из фургона Соумса.

— Это находилось в ящике. Там было полно всякого хлама, думаю, книги и еще какая-то дребедень. В кромешной темноте я старался не шуметь. Я только почувствовал, что это одна из тех вещей, о которых говорила бабушка, и спрятал ее под рубашку.

Лен покачал головой скорее с удивлением, чем с осуждением.

— А мы думали, что ты все время спал. Исо, зачем ты полез туда?

— Соумс ведь из Барторстауна, не так ли?

— Об этом говорили на проповеди, но… — Лен оборвал речь на полуслове, и вдруг смысл слов Исо дошел до него и все предстало в совершенно ином свете. Он посмотрел на радио.

— Соумс из Барторстауна. Барторстаун существует. На самом деле.

— Когда я увидел Хостеттера с этим ящиком, то просто хотел посмотреть, что внутри. Деньги и все остальное я не трогал, но это… — Исо бережно взял в руки радио, любовно поворачивая его то одной, то другой стороной. — Посмотри на кнопки,

на то, как сделана вот эта часть. Такого не сможет выковать ни один деревенский кузнец, Ленни. Такая работа по силам лишь машине, — Исо заглянул в закрытое сеткой отверстие, пытаясь повернуть радио так, чтобы луч света попал в него и осветил радио изнутри. — То, что в середине, — самое странное.

Исо вновь положил радио.

— Сначала я не знал, что это, только почувствовал, что мне необходимо взять.

Лен медленно поднялся. Он пошел вдоль берега, глядя на буроватую воду, спокойную и неторопливую, наполовину усыпанную золотой и багряной листвой.

— В чем дело? — Исо заметно нервничал. — Если ты собираешься кому-нибудь рассказать об этом, я скажу, что ты стащил его вместе со мной. Я скажу, что…

— Да не собираюсь я ничего рассказывать! — Лен рассердился. — У тебя все время было радио, а ты ничего мне не сказал, хотя я не хуже тебя могу хранить тайны.

— Я боялся. Ты ведь еще маленький, Ленни, и должен слушаться отца. К тому же, мы почти не виделись с того дня.

— Это неважно, — сказал Лен.

На самом деле это, конечно, было важно. Лен чувствовал себя оскорбленным и в душе негодовал, что Исо не доверяет ему, но не собирался давать волю своим чувствам.

— Я только что подумал…

— Что?

— Что мистер Хостеттер ведь знал Соумса. Он приехал тогда на проповедь, чтобы попытаться спасти его, потом вытащил этот ящик из фургона. Вполне может быть…

— Да, — сказал Исо. — Я тоже думал об этом. Наверняка мистер Хостеттер из Барторстауна, а вовсе не из Пенсильвании.

Широкие горизонты волнующих и удивительных возможностей открылись перед Леном. Он стоял на берегу реки, на воду тихо опускались золотые и багряные листья, откуда-то раздавалось насмешливое и хриплое воронье карканье, и горизонты ширились и сияли в воображении Лена, пока у него не закружилась голова. Он вдруг вспомнил, зачем он здесь и что отец послал его размышлять и молиться, чтобы он помирился с Господом. Прошло совсем немного времени, и так все изменилось.

Он повернулся к Исо.

— Ты уже что-нибудь слышал?

— Еще нет, но я буду хранить его до тех пор, пока оно не заговорит.

Весь день мальчики безрезультатно пытались извлечь из радио членораздельный звук, осторожно поворачивая то одну, то другую кнопку. Они имели самое смутное представление о работе радио и не понимали, для чего все эти отверстия и кнопочки, и катушка тонкой проволоки. Они могли только пробовать. Непонятный треск — вот все, что им удалось извлечь из таинственной коробки. Но и это было удивительным. Ни Лен, ни Исо никогда не слышали прежде подобных звуков, загадочных, манящих, непонятных. К тому же радио было единственной вещью в этих местах, сделанной машиной.

Мальчики пробыли возле реки почти до захода солнца, оставаться там дольше становилось опасным. Затем Исо осторожно убрал радио в дуплистое дерево, убедившись, что главная кнопка повернута до щелчка и не слышно больше никаких звуков, которые могли привлечь внимание случайного охотника или рыболова.

Это дуплистое дерево стало стержнем, вокруг которого беспрерывно вращались мысли Лена. Если раньше он мог уйти в лес совершенно спокойно, то теперь найти время и предлог было

почти невозможно. Стояла, сырая и холодная погода, шел дождь со снегом, затем похолодало, и выпал снег. Нужно было загнать в конюшню животных, убрать за ними и покормить, потом приходило время доить, присмотреть за курятником, а еще нужно было помочь маме сбивать масло, притащить дрова, затопить печь и много другой мелкой работы по дому.

Когда за окном чуть забрезжил рассвет, Лен успел переделать всю утреннюю работу и пошел пешком в деревушку, находившуюся в полутора милях от фермы, то глубоко увязая в грязи, то скользя по тонкой кромке льда, образовавшегося за ночь. В восточной части деревушки, позади кузницы, недалеко от сапожной мастерской, возвышался дом мистера Нордхолта, школьного учителя, в который наведывались все ребятишки Пай-перс Рана. Там Лен корпел над арифметикой, читал до полудня Библию, а затем возвращался домой, где его вновь ждала работа. Частенько Лен чувствовал, что делает по дому гораздо больше, чем отец и брат Джеймс вместе взятые.

Брату Джеймсу уже исполнилось девятнадцать, и он был помолвлен со старшей дочерью мельника, мистера Споффорда. Джеймс во многом был похож на отца: такой же стройный, широкопле-

чий, преисполненный гордости, что у него начала расти борода. Когда погода была подходящей, отец брал братьев подправить забор, почистить живую изгородь или в лес поохотиться, так как нужны были и мясо, и шкуры. В хозяйстве ничего никогда не выбрасывалось. Они охотились на оленей, енотов, опоссумов, лесных куропаток и белок, когда это было разрешено. Ходили слухи о медведе с холмов Пенсильвании, который запросто мог переместиться в сторону Огайо, и поговаривали, что в случае суровой зимы в северной части озера появятся волки. Лисы держались невдалеке от курятников, крысы — от амбаров, кролики — от молодого фруктового сада.

У Лена просто не было времени думать о радио. С радио были связаны две вещи: воспоминание и мечта. Воспоминанием была смерть Соумса. Время сгладило его черты, и теперь он представлялся Лену таким благородным и бескорыстным, каким не может быть ни один рыжеволосый торговец на свете. Мечтой был, конечно, Барторстаун. Он состоял из отрывочных бабушкиных рассказов, фрагментов проповедей и описания рая. Огромные белые дома поднимались до самого неба. Город был полон ярких красок, света, странно одетых людей. Воображение рисовало Лену роскошь

и удовольствия, о которых говорила бабушка.

Самым замечательным в маленьком радио было то, что Лен и Исо знали: это частичка Бартор-стауна, и если они поймут, как с ним обращаться, то услышат голоса большого города. Они даже смогут узнать, где он находится и как туда можно попасть. Но для Исо уйти в лес было еще сложнее, чем для Лена, и за несколько украденных свободных минут они могли извлечь из радио только бессмысленный шум. О том, как работает радио, можно было расспросить бабушку, но Лен ни за что бы не решился на эти расспросы; к тому же он не был уверен, что ей вообще что-либо известно о работе радио.

— Вот что, — сказал однажды Исо, — нам нужна книга. Книга, в которой написано об этих вещах.

— Да, не помешала бы, — задумчиво протянул Лен. — Но ведь мы нигде не сможем достать ее.

Исо промолчал.

С севера и северо-запада обрушились холодные ветры. Снег то выпадал, то таял, то вновь подмерзал, как только падала температура. Иногда шел холодный серый дождь, тяжелые капли медленно стекали по голым веткам. Навозная куча позади сарая стала похожа на гору соломы.

А Лена одолевали мысли.

Может, виной всему было радио, или он просто становился взрослее, но все вокруг предстало перед ним в новом свете, Лен смотрел на сидящую у огня бабушку и часто думал о том, какой же долгой была ее жизнь, а малышка Эстер только начинала свою.

Лен наблюдал за мамой. Она постоянно была занята: стирала, шила, ткала, готовила еду и накрывала на стол для проголодавшихся мужчин, полная, крепко сложенная женщина, очень добрая и спокойная. Он внимательно присматривался к дому, в котором жил, к знакомым чисто побеленным комнатам, где знал каждую трещинку и щербинку деревянных стен. Дом был старым, бабушка сказала, что построен он всего через год после того, как воздвигли церковь. Полы уже начали прогибаться, но дом был все еще крепок. Срубил его из первосортных бревен самый первый Колтер, пришедший в эти края за много поколений до Разрушения. Дом выглядел почти таким же крепким, как и построенные сравнительно недавно окружавшие его дома, позже обшитые деревом с прорезанными в стенах узкими окошками.

Лен встал на цыпочки и попробовал дотянуться до потолка, отметив, что уже к следующему году

он запросто сможет это сделать. Теплая волна любви охватила его, и он подумал: “Я никогда, никогда не покину тебя, отчий дом!” Но проснувшаяся совесть причинила ему почти физическую боль, напомнив о запретном радио и запретной мечте.

Когда Лен впервые по-настоящему понял брата Джеймса, то позавидовал ему. Лицо Джеймса было таким же спокойным и беспристрастным, как мамино, без малейшей тени любопытства. Даже если сразу двадцать Барторстаунов выстроятся на берегу реки, он и глазом не поведет. Все, чего ему хотелось, — жениться на Рет Споффорд и остаться в этом доме до конца своих дней. Лен смутно чувствовал, что Джеймс был одним из счастливчиков, которым не надо молиться за умиротворенное сердце.

Другое дело отец. Ему приходилось бороться. Эта борьба наложила отпечаток на его уже изборожденное морщинами лицо, но глубокие морщины были добрыми. И его довольство отличалось от довольства брата. Отец боролся за него, как за хороший урожай на бедной земле. Это можно было почувствовать даже находясь с ним рядом.

Но возможно ли перестать удивляться этому

миру, полному неразгаданных тайн? Возможно ли перестать надеяться услышать голос из ниоткуда, из маленькой квадратной коробочки?

Субботним январским вечером сразу же после Нового года разыгралась целая буря, и когда наутро в понедельник Лен отправился в школу, каждое дерево, каждый кустик, каждая мертвая травинка ослепляли холодным сиянием. Лен во все глаза глядел на знакомый лес, ставший стеклянным.

Лен прошел мимо невысокой гранитной плиты, гласившей, что она воздвигнута жителями Пайперс Рана в память о ветеранах всех войн. Когда-то на ней красовался бронзовый орел, но теперь от него ничего не осталось, кроме груды ржавого металла, по форме напоминавшей когти. Все это ослепительно блестело под солнцем, покрытое коркой льда. Земля под ногами была скользкой. Вскоре Лен подошел к крыльцу мистера Нордхолта, вскарабкался на скользкие ступени и вошел в дом.

Пылающий огонь в камине не смог нагреть большую комнату. Высокие потолки, двустворчатые двери, огромные окна, поэтому тепло не удерживалось, и холодный зимний воздух просачивался сквозь щели. Оштукатуренные стены

украшали картины. Ученики сидели за длинными столами на грубосколоченных скамейках без спинок Самые маленькие сидели впереди, постарше — сзади, мальчики — по одну сторону, девочки — по другую, всего — двадцать три человека. Каждый держал небольшую, но тяжелую грифельную доску и скрипучий карандаш. У каждого был коврик. Ничему, кроме закона Божьего и арифметики, их не учили.

В то утро дети сидели неподвижно, опустив на колени руки, и каждому хотелось стать маленьким и незаметным. Мистер Нордхолт стоял перед классом. Дети хорошо знали его лицо, кроткое и строгое одновременно. Обычно его боялись только самые маленькие. Но сегодня он явно был чем-то сильно рассержен. Лицо его выражало такую ярость и негодование, что Лен даже струсил, встретившись с ним глазами, которые метали искры. Мистер Нордхолт был не один: присутствовали и мистер Глессер, и мистер Харкнис, а также мистер Клут с мистером Фенвэем. Они представляли собой закон и власть Пайперс Рана и восседали неподвижно, словно статуи. Взгляды их также метали громы и молнии.

— Потрудитесь-ка занять свое место, мистер Колтер, — изрек мистер Нордхолт.

Лен, не снимая пиджак и шарф, проскользнул на свое место в заднем ряду. Он сел, стараясь выглядеть маленьким и незаметным, удивляясь, что же, в конце концов, произошло, и со страхом думая о радио.

Заставил его очнуться голос мистера Нордхолта:

— Я гостил у сестры в Эндовере в течение трех недель. Раньше я никогда не закрывал на замок дверей своей комнаты, так как считал, что в Пайперс Ране нет воров.

Голос мистера Нордхолта дрогнул, и Лен понял: случилось что-то ужасно неприятное. Он поспешно восстановил в памяти события последних трех дней и убедился, что ничего дурного он не совершил.

— Дело в том, — продолжал мистер Нордхолт, — что кто-то побывал здесь за время моего отсутствия и похитил три книги.

Лен замер. Он вспомнил слова Исо: “Нам нужна книга”.

— Эти книги являются собственностью властей Пайперс Рана и были напечатаны еще до Разрушения, и поэтому они незаменимы. Нельзя допустить, чтобы книги оставались в руках несведущего человека. Я требую их возвращения.

Он отошел в сторону, вперед вышел мистер Харкнис. Невысокий, плотный, с кривыми от постоянного хождения за плугом ногами, хриплым и скрипучим голосом. Маленькими, непроницаемыми глазками он внимательно оглядел учеников, и в его взгляде было столько же расположения, сколько во взгляде гончей, идущей по следу.

— А сейчас, — сказал он, — я подойду к каждому и спрошу, кто взял книги. И предупреждаю: лжи я не потерплю.

И он, начав с левого угла, медленно двинулся вдоль скамеек. Лен с напряжением прислушивался, как однообразное “Не знаю, мистер Харкнис” все приближалось и приближалось. Он покрылся липким потом и, казалось, потерял дар речи. В конце концов, он ведь не знал наверняка, что это был Исо, а поэтому не солжет. А вообще-то, выглядеть виноватым, когда ничего не знаешь, — тоже своего рода ложь. Кроме того, если они внимательно осмотрят окрестности, то смогут обнаружить…

Харкнис указывал пальцем прямо на Лена, и глаза их встретились.

— Не знаю, — пробормотал Лен и поспешно добавил, — мистер Харкнис.

Казалось, все его переживания прозвучали в этих трех словах, но Харкнис пошел дальше. Закончив опрос, он сказал:

— Замечательно. Возможно, все вы говорили мне правду, возможно, нет. Это мы вскоре выясним. А пока я хочу сказать вам вот что: если вы увидите в руках человека книгу, которая ему явно не принадлежит, вы обязаны прийти ко мне, или к мистеру Нордхолту, или к мистеру Глессеру, или к мистеру Клуту независимо от того, кто этот человек. Передайте эти слова вашим родителям. Вы меня хорошо поняли?

— Да, мистер Харкнис.

— Помолимся. Господи, прости ошибку дитя неразумного, или мужа взрослого, нарушившего закон твой. Укажи душе его путь праведный, на который свернет он с пути своего, и заставь его принять наказание

По пути домой Лен не упустил возможности сделать длинный крюк через лес. Большую часть пути он бежал, чтобы сократить время своего отсутствия. Кое-где солнце уже растопило ледяной панцирь, покрывший деревья, но они все еще блестели так ярко, что глазам было больно. Когда Лен подошел к дуплистому дереву, он чувствовал смертельную усталость.

В дупле он нашел три книги, надежно завернутые в кусок парусины. Книга в темно-зеленом твердом переплете называлась “Элементарная физика”, другая, тонкая и коричневатая, — “Радиоактивность и нуклеотика: введение”. Третья была серого цвета и самой толстой — “История Соединенных Штатов Америки”. Дрожащими руками он перелистал все три книги, стараясь вобрать в себя их содержимое с первого взгляда, но ничего не смог понять: там было множество непонятных картинок и странных линий. То тут, то там виднелись отметки на полях: “В понедельник зачет” или “Прочитано до”.

Лен почувствовал незнакомое волнение. Ничто и никогда так не волновало его. Голова его кружилась и болела. Ему хотелось прочесть книги. Хотелось забрать их сейчас, сию минуту и никогда никому не отдавать. Хотелось вобрать их в себя до последней буквы, до последней картинки.

Лен отлично знал, что необходимо делать, но не мог заставить себя так поступить. Он лишь осторожно обернул свое богатство в парусину и положил назад, в дупло, а затем окольными путями побежал к дому, стараясь остаться незамеченным, всю дорогу думая о том, как перехитрить отца и вновь пробраться в лес. В знак протеста

его совесть издала лишь слабый писк, не громче писка только что вылупившегося птенца.

Часть 5

Исо чуть не плакал. Он отшвырнул книгу, которую перед этим бережно держал в руках:

— Я не могу понять ни единого слова! Зачем она мне? Я так рисковал, и все напрасно!

Исо вновь и вновь перечитывал свои сокровища. “Радиоактивность и нуклеотика”, как оказалось, не имела ничего общего с радио. К тому же невозможно было даже приблизительно понять, о чем она. Да и книга по физике — еще одно бессмысленное, бесполезное занятие. Только один небольшой раздел ее был посвящен радио. Исо перечитывал эти страницы вдоль и поперек, бормоча непонятные, непроизносимые слова. Они впечатались в его память так, что он без труда смог бы начертить диаграмму волн, триодов и осциллографов, не понимая, однако, что это такое.

Лен зажал книгу между колен и стер с обложки пыль, затем заглянул внутрь, уныло покачав головой:

— Здесь ни слова не сказано о том, как заставить радио говорить!

— Да, и о том, для чего все эти кнопки и катушка, — Исо небрежно повертел радио в руках.

Мальчики знали, что если повернуть одну из кнопок, послышится шум и треск, а если вернуть ее в прежнее положение — все прекратится. “Жизнь и смерть”, — подумал об этом Лен. Но радио по-прежнему оставалось тайной. Если приглушить шум и поднести радио к самому уху, можно определить, что звук выходит из отверстий. Логично было предположить, что назначение трех кнопок различно. Лен твердо верил, что одна из них — для того, чтобы выпускать наружу тепло, потому что, если поднести к отверстию руку, чувствовалось, как оттуда выходит теплый воздух. Но третья кнопка, как и катушка с железной проволочкой, оставались полнейшей загадкой.

Лен подошел и взял у Исо радио. Он любил держать его в руках.

— Мистер Хостеттер наверняка знает, как оно работает, — сказал Лен.

В душе мальчики были абсолютно уверены, что мистер Хостеттер, как и Соумс, из Барторстауна. Исо кивнул:

— Но мы никогда не осмелимся спросить его!

Лен, в который раз, вертел в руках радио, ощу-

пывая катушку, кнопочки и отверстия. В голых ветвях шумел холодный ветер, река покрыта льдом, поваленное дерево, на котором сидел Лен, было скользким.

— Я что-то никак не пойму, — медленно произнес Лен.

— Что?

— Допустим, эти радио были у них на каждом шагу, но мне кажется, что днем они не очень долго работали. То есть, я хотел сказать, что люди могли их просто не слушать. Что до меня, то я бы ждал ночи, когда все уснут и суета прекратится.

— По себе не судят, — сердито прервал его Исо. Но вдруг смысл сказанного дошел до него, и он тоже заволновался: — Я думаю, в этом что-то есть. Да нет, это наверняка так! Мы валяем дурака днем, когда они и не собираются разговаривать — это для них так же глупо, как для нас — увидеть мистера Хостеттера с дюжиной детишек на каждом колесе его фургона.

Исо вскочил и забегал взад и вперед, пытаясь дыханием согреть окоченевшие пальцы.

— Мы должны что-то предпринять, Лен. Мы должны попытаться прийти сюда этой же ночью

— Вообще-то да, — охотно согласился Лен и тут же пожалел об этом. Уйти из дома ночью совсем

не так просто.

— Предложи отцу поохотиться на енотов.

— Не получится. Брат не согласится, да и отец тоже.

Охота на опоссумов тоже заранее была обречена, не лучшим представлялся и вариант ночной охоты на оленей с факелами.

— Ладно, что-нибудь придумаем. — Исо спрятал книги и радио. — Мне пора.

— Мне тоже, — с сожалением сказал Лен, поглядывая на толстую серую книгу по истории США. Ему очень хотелось взять ее с собой, но он знал, что это невозможно. Исо прихватил ее только потому, что в ней было много картинок с машинами. Она была полна описаний непонятных вещей и странных названий, и Лен с замиранием сердца ждал, какой еще сюрприз ждет его на следующей странице.

— А может, лучше приходить сюда поодиночке, если у кого появится возможность?

— Ну уж нет, сэр! Я украл и радио, и книги, и никому не позволю всем этим пользоваться в мое отсутствие! — Исо посмотрел на Лена с такой злостью, что тот поспешно согласился.

Исо еще раз проверил, все ли в порядке, и мальчики отправились домой.

— Не стоит больше приходить сюда днем, — пробормотал Исо. — Скоро все пойдут в лес за сладким соком, а затем… — С внезапной горечью, которая встревожила Лена, Исо продолжил: — Вечно что-то мешает делать то, что хочется, и знать то, что хочется. Мне тошно от всего этого. Будь я проклят, если всю жизнь буду выгребать навоз!

Возвращаясь домой, Лен обдумывал эти слова. Он ощущал, как что-то изменилось в нем, и знал: Исо чувствует то же самое. Это пугало Лена. Он не мог разобраться в себе, но знал точно: это чувство — часть его, и если оно умрет, он станет похожим на травоядное животное, которому нет дела ни до чего, кроме разве что собственного желудка

В феврале вся деревня, прихватив пробки, выводные трубки и кувшины для сока, направилась в кленовую рощу. Запах меда носился в воздухе, как знамя близкой весны. Выпал и растаял снег. Наступило время последних заморозков, и отец беспокоился об озимых, пустивших первые росточки. С северо-запада дул холодный ветер. Казалось, тепло никогда не вернется. Появились на свет телята и ягнята, и свободного времени не было вообще.

Покрылись бледными, молоденькими ли-

сточками желтые ивы, на дворе стояли теплые, весенние деньки, и совсем не хотелось работать. Новорожденные телята мычали и вперевалку бродили за коровами. Животные нервничали и доставляли много хлопот.

Вот тогда-то у Лена и возникла идея. Все было настолько просто, что он удивился, как это раньше не пришло ему в голову. После того, как по дому все было сделано и Джеймс закрыл конюшню, Лен украдкой выскользнул из дома и отворил нижнюю половинку двери конюшни. А через час вся семья сгоняла в темноте разбежавшихся животных, и когда их наконец удалось собрать и пересчитать, выяснилось, что двух коров все-таки не хватает. Отец сердито проворчал что-то про глупых животных, которые предпочитают бегать по лесам, вместо того, чтобы сидеть в тепле, и о том, что необходима помощь. Снабдив Лена фонарем, он наказал ему спуститься к дому дяди Дэвида и звать на помощь и его, и Исо. Все было очень просто.

Лен бежал изо всех сил, его мысли были заняты открывшимися возможностями. Все получилось неожиданно легко и просто, и это пугало его. Лена мучила совесть, хотя он был уверен, что никому не сказал неправды. Справа от него виднелся лес,

освещенный тусклым лунным светом, темный и незнакомый.

Теплая духота кухни дяди Дэвида была пропитана запахом капусты и паром от высыхающей обуви. Лен с опаской поглядывал на выдраенный до блеска пол, хотя тщательно вытер ноги на крыльце. У порога лежал обрывок какого-то лоскута, и Лен стоял на нем, объясняя, зачем его послали, пытаясь встретиться глазами с Исо. Дядя Дэвид, немного поворчав, принялся натягивать сапоги, а тетя Мария подала ему пиджак и фонарь. Лен набрал в легкие побольше воздуха, словно перед прыжком в воду:

— Мне кажется, я видел, как что-то белое спускалось к западному полю, — выдохнул он. — Пойдем, Исо!

И Исо вышел в шляпе набекрень, не успев даже, как следует, одеть пиджак. Спотыкаясь и перепрыгивая рытвины, наполненные недавним дождем, мальчики достигли западного поля, все время двигаясь по направлению к лесу. Лен сунул фонарь под пиджак, чтобы дядя Дэвид не заметил их с дороги, и не вытаскивал его еще некоторое время после того, как они очутились в лесу Лен прекрасно ориентировался в темноте и без труда отыскал знакомую тропинку.

— Фонарь может погаснуть прежде, чем мы доберемся туда, — сказал он Исо.

— Конечно, — ответил тот, — давай побыстрее.

Мальчики заторопились. Когда они нашли то место, где ручей впадал в реку, Исо уменьшил свет фонаря и дрожащими руками вытащил радио. Лен опустился на корягу, тяжело дыша. Он почувствовал боль в боку и придавил это место руками. Полноводный весной ручей шумел, словно настоящая река.

В том месте, где он впадал в Пиматанинг, образовались пенные водовороты и пороги. Вода поднялась почти до того уровня, где сидели Лен и Исо, темная, с отраженными в ней звездами, и ночь была наполнена ее журчанием.

Исо выронил радио.

Лен, вскрикнув, подался вперед, но Исо успел поймать радио за выступавшую катушку, проволока размоталась, и радио с глухим стуком упало в прошлогоднюю траву. Исо неподвижно уставился на него и на катушку с размотанной проволокой.

— Я сломал его, — повторял он, — я сломал его. Подойдя ближе, Лен опустился на колени.

— Нет, совсем нет! Посмотри сюда, — он поднес радио совсем близко к фонарю. — Видишь эти

пружинки? Катушку и нужно было разматывать.

Преодолевая волнение, охватившее его, Лен повернул кнопку. Он ждал привычного шума и потрескивания, и сегодня шум был сильнее, чем раньше. Исо поднял конец проволоки и двинулся назад, разматывая ее. Внезапно послышался голос: “...для меня возврат к цивилизации — это падение. Но все равно я передаю, что баржа на реке будет готова к разгрузке, как только...”

Снова рев и треск. Исо до предела размотал проволоку. И далекий, далекий голос произнес: “Шермэн интересуется, что слышно от Буеров. Он не дал...”

Это был конец. Треск и шипение возобновились, на этот раз так громко, что, казалось, их могут услышать в деревне. Сквозь неясный шум голос пробился вновь, но слов разобрать не удалось Исо свернул проволочку и вновь засунул катушку в углубление. Они спрятали радио на прежнее место, в дупло, прикрутили фонарь и неохотно побрели назад, к дому. В тусклом отблеске фонаря сияли и искрились их глаза.

Часть 6

Сначала вдалеке показалось облачко пыли, затем брезентовая вывеска, выбеленная на солнце, весело замелькала в молодой зелени деревьев. Вывеска приближалась, уже был виден весь фургон, а упряжка лошадей превратилась в великолепную позвякивающую упряжью шестерку лошадей, выступающих гордо, словно императоры.

Высоко на сиденье, легко удерживая поводья, восседал мистер Хостеттер, борода его развевалась по ветру, а пиджак и штаны были покрыты серой дорожной пылью.

— Я боюсь, — сказал Лен.

— Тебе-то чего бояться? — с недоумением спросил Исо. — Ты ведь никуда не собираешься

— И ты, скорее всего, тоже, — пробурчал Лен, глядя на фургон, пересекающий речку по шаткому мостику.

— Да я вовсе и не надеюсь на то, что это так просто.

На дворе стоял июнь во всей красе нежной зелени. Лен и Исо сидели на самой окраине де-

ревни у мельничного колеса, с которого шумно стекала вода Тут и там, словно язычки синего пламени, шныряли зимородки. Сегодня на майдане собралось все население деревушки, все до единого, кроме тех, кто был слишком юн, слишком стар или болен, и по этой причине вообще не мог двигаться. Съехались друзья и родственники из Вернона и Вильямсфилда, из Эндовера и Фармдайла, из Бургхилла и других одиноких ферм и деревушек, разбросанных неподалеку от Пайперс Рана.

Был праздник сбора земляники — первое крупное событие лета, на который собирались все. Многие не видели друг друга с тех пор, как выпал первый снег, и теперь были рады поболтать, укрывшись от солнцепека в тени вязов. Стайка ребятишек неслась по дороге навстречу фургону и теперь, догнав его, выкрикивала что-то мистеру Хостеттеру. А те, кто еще не умел бегать, ждали его у края дороги: девочки в пышных юбочках и мальчики — точные копии отцов, во всем домотканом и широкополых коричневых шляпах. Затем процессия двинулась наперерез фургону, который все замедлял и замедлял ход и наконец остановился. Шесть откормленных лошадей трясли мордами и храпели, будто гордились тем,

что это они притащили фургон. Мистер Хостеттер суетился и улыбался, какой-то мальчуган вскарабкался к нему и подал полное до краев блюдо земляники.

Лен и Исо оставались на своих местах, на расстоянии наблюдая за происходящим. Лену очень хотелось остаться незамеченным отчасти из-за украденного радио, отчасти ему неловко было осознавать, что они почти друзья, и он знает секрет мистера Хостеттера. Одним словом, встречаться с ним Лену не хотелось.

— Когда ты собираешься сделать это? — спросил Лен.

— Посмотрим.

Исо пристально наблюдал за фургоном. С тех пор, как мальчики нашли подход к радио, Исо странным образом изменился: стал замкнутым, почти избегал Лена, иногда даже не замечал его.

— Я пойду туда, — сказал однажды Исо, имея в виду Барторстаун, и с тех пор терпеливо ждал приезда Хостеттера.

Исо схватил Лена за руку, больно стиснув ее:

— Разве ты не хочешь пойти со мной?

Лен опустил голову. Он постоял с минуту молча, затем сказал:

— Нет, я не могу, — и отстранился от него, — не

сейчас.

— Тогда в следующем году. Я расскажу ему о тебе.

— Посмотрим.

Исо хотел сказать что-то еще, но, казалось, не мог подобрать слов. Лен отошел. Он быстро поднимался по крутому берегу, вначале медленно, затем все быстрее и быстрее, почти бегом. По щекам текли горячие слезы, что-то внутри кричало: “Трус, трус, он уйдет в Барторстаун, а ты побоишься и навсегда останешься в этой дыре!” Лен ни разу не оглянулся.

Мистер Хостеттер провел в Пайперс Ране три дня. Это были самые тяжелые и долгие дни в жизни Лена.

“Ты еще не можешь уйти, — настойчиво твердил он себе. — Мать будет плакать, а отец винить себя, я не хочу делать родителей несчастными”. Но неотвязная мысль последовать за Исо не покидала Лена.

Обремененный своей тайной, Лен выполнял обычную работу спустя рукава. Он не отходил от дома, лес и поле больше не манили его. Мать принялась лечить его лавровым чаем. А Лен все время с напряжением прислушивался, не раздастся ли цокот копыт по дороге, он ждал, что

приедет дядя Дэвид с вестью о пропаже Исо.

На третий день вечером он действительно услышал топот быстро приближающейся лошади. Лен как раз помогал матери мыть посуду. Было еще светло, на западе алел закат. Нервы Лена болезненно напряглись, и тарелки вдруг стали скользкими и непослушными. В воротах показалась тащившая повозку лошадь, затем — еще лошадь, и еще повозка, и еще. Во двор вышел отец, Лен последовал за ним, стараясь унять предательскую дрожь в коленках. Он ожидал одну повозку — дяди Дэвида, но три…

Все в порядке, дядя Дэвид здесь. Он сидел в своей повозке вместе с Исо. Рядом с ним был мистер Харкнис. Во второй повозке сидели мистер Хостеттер, мистер Нордхолт и мистер Клут. В третьей — мистер Фенвэй с мистером Глессером.

Дядя Дэвид слез с повозки и подошел к отцу, который уже спешил навстречу. За ним последовали мистер Хостеттер, мистер Нордхолт и мистер Глессер. Исо не пошевелился и даже не поднял головы. Мистер Харкнис пристально изучал Лена, все еще стоявшего в дверях, и взгляд его был злым и угрожающим. На какое-то мгновение Лен встретился с ним глазами, но тут же потупился. Ему страшно хотелось скрыться, но

он знал, что это бесполезно.

Все мужчины подошли к повозке дяди Дэвида, который что-то говорил Исо. Тот пристально рассматривал свои руки, не поднимая головы и не проронив ни слова.

— Он не хочет с нами разговаривать, — сказал мистер Нордхолт. — Те слова просто вырвались у него.

Отец обернулся и кивнул Лену:

— Поди-ка сюда.

Лен медленно приблизился. Он не мог заставить себя поднять голову и посмотреть отцу в лицо.

— Лен.

— Да, сэр.

— Это правда, что у вас есть радио?

— Да, сэр.

— Это правда, что вы украли книги и прочитали их? Это правда, что вы не поставили в известность мистера Нордхолта, хотя вас предупреждали? И наконец, ты знал, что собирается делать Исо, но не сказал ни мне, ни дяде Дэвиду?

Лен вздохнул. Устало, как больной, старый, усталый человек, он поднял голову и с трудом выдавил из себя:

— Да, сэр, все это правда.

Лицо отца казалось высеченным из камня.

— Замечательно, — только и смог сказать он.

— Можешь поехать с нами, — обратился к нему Глессер. — Побереги свою упряжку для более важных дел.

— Ладно, — отозвался отец, холодно взглянув на Лена, что означало: “Следуй за мной”.

Лен пошел за отцом. Проходя мимо Хостеттера, он увидел печаль и сожаление на его лице, скрытом полями широкой шляпы. Отец и мистер Фенвэй влезли в повозку, а мистер Глессер взял вожжи.

Лен медленно опустился позади отца, он не мог избавиться от болезненной дрожи. Повозка, дернувшись, тронулась со двора, миновала дорогу и покатилась по меже западного поля к лесу.

Все остановились как раз там, где росли маки. Переговариваясь, вылезли из повозок. Затем отец повернулся к Лену со словами:

— Пойдем, покажешь, где это, — и показал на лес.

Лен не пошевелился.

В первый раз за все время заговорил Исо:

— Ну иди, показывай, — голос его дрожал от ненависти, — они все равно отыщут радио, даже если им придется поджечь лес.

Дядя Дэвид развернулся, ударил его по губам и произнес что-то из Библии.

— Ну же, Лен, — повторил отец.

И Лен сдался. Он показал тропинку в лесу. Как будто ничего не изменилось со времени их последнего посещения: тот же лес, та же тропинка, те же деревья, знакомые заросли дурмана. Но сейчас все это выглядело отталкивающим и негостеприимным, и большие сапоги безжалостно втаптывали и ломали ветки папоротника.

Наконец они вышли к месту, где сливались воды ручья и реки. Лен остановился позади дуплистого дерева.

— Здесь, — сказал он, не узнавая собственного голоса. Лучи солнца скользили по нежной зелени травы и деревьев, буроватые воды Пиматанинга отливали медью, где-то в стороне каркали вороны — Лену казалось, что они смеются над ним.

Дядя Дэвид грубо подтолкнул Исо:

— Доставай его.

Исо с минуту поколебался, затем засунул руку в дупло и вытащил завернутые в парусину книги.

Нордхолт развернул их и отошел от дерева, чтобы получше рассмотреть.

— Да, — сказал он, — все в полном порядке.

Исо держал в руках радио, в его глазах блестели

слезы. Мужчины застыли в нерешительности.

— Соумс просил передать его личные вещи жене, если что-нибудь случится с ним. Он показал мне ящик, в котором они хранятся. Фанаты на проповеди собирались разнести его фургон, и я поспешил забрать вещи и ящик, не открывая его.

Вперед вышел дядя Дэвид. Он вырвал радио из рук Исо, бросил его в траву и несколько раз наступил тяжелым сапогом. Затем подобрал то, что от него осталось, и швырнул в реку.

— Я ненавижу тебя, — сквозь зубы процедил Исо. Он обвел всех взглядом. — Вы не сможете остановить меня! Я все равно уйду в Барторстаун!

Дядя Дэвид вновь ударил его. Мистер Харкнис обшарил дупло, удостоверившись, что там пусто. Все собрались уходить, и мистер Хостеттер сказал:

— Я требую, чтобы мой фургон обыскали.

— Я знаю тебя давно, Эд, — возразил мистер Харк-нис. — Не думаю, что это необходимо.

— Нет, я настаиваю, — повысив голос, сказал Хостеттер. — Я требую, чтобы мой фургон обыскали сверху донизу. От однажды закравшегося подозрения недалеко до убийства, а плохие но-

вости распространяются быстро. Мне совсем не хочется, чтобы другие думали обо мне так же плохо, как о Соумсе.

Лен содрогнулся от внезапной мысли, что Хостеттер пытается оправдаться.

А еще он понял, что Исо совершил роковую ошибку.

Дорога домой казалась бесконечной. На этот раз повозки не заехали во двор, остановились на дороге. Лен и отец вышли, Исо и дядя Дэвид остались в своей повозке. Затем мистер Харкнис сказал:

— Мы хотели бы завтра поговорить с мальчиками, — и в голосе послышались зловещие нотки.

Его повозка тронулась и покатилась в деревню, за ней другая. Дядя Дэвид направил лошадь в противоположную сторону. Исо свесился из повозки и прокричал Лену:

— Не сдавайся! Они не смогут заставить тебя перестать думать! Что бы они ни делали, они не смогут…

Дядя Дэвид резко развернул повозку и въехал во двор.

— Сейчас мы увидим, какой ты герой. Илайджа! Я воспользуюсь твоей конюшней.

Отец нахмурился, но ничего не сказал. Дядя

Дэвид прошел к конюшне через весь двор, толкая Исо впереди себя. Из дома выбежала мать.

— Приведи Лена, я хочу, чтобы он видел, — прокричал дядя Дэвид.

Отец еще больше нахмурился и молча кивнул в знак согласия. Затем он взял мать за руку, отвел в сторону и что-то тихонько шепнул ей. Мать повернулась к Лену: “О, нет! Ленни, как ты мог!” и бросилась в дом, приложив к лицу фартук. Лен знал, что она плачет. Отец указал на конюшню. Лену показалось, что он в душе осуждает дядю Дэвида, но не считает себя вправе спорить с ним.

Лен тоже осуждал его. Дядя Дэвид всегда считал, что ребенок имеет не больше прав, чем любое недвижимое имущество на ферме. При мысли о конюшне Лен содрогнулся, но отец снова подал знак, и пришлось подчиниться.

Уже стемнело, и внутри горел фонарь. Дядя Дэвид снял кожаный ремень.

— Становись на колени, — произнес он.

— Нет!

— На колени! — послышался удар.

Исо всхлипнул и опустился на колени.

— Ты никогда больше ничего не украдешь. Ты сделал меня отцом вора. Ты осмелился лгать. Ты сделал меня отцом *лжеца*, — его рука поднима-

лась и опускалась в такт словам, и каждая пауза была заполнена щелчком толстого кожаного ремня по плечам Исо. — Ты знаешь, что говорит об этом Библия, Исо. Любящие да очистят детей своих от грехов. Тот, кто ненавидит детей своих, отрекается от всего рода.

Исо больше не мог сдерживать крики и рыдания. Лен отвернулся. Через некоторое время дядя Дэвид остановился, тяжело дыша:

— Ты все еще считаешь, что я не могу заставить тебя мыслить по-другому?

— Да! — прохрипел Исо, скорчившись на полу.

— Ты все еще собираешься в Барторстаун?

— Да!

— Ну что ж, посмотрим.

Лен старался не слушать. Казалось, это будет продолжаться бесконечно. Отец не выдержал и сделал шаг вперед:

— Дэвид!

— Присматривай лучше за своим щенком, Илайджа! Я всегда говорил, что ты слишком много ему позволяешь. — Он вновь вернулся к Исо: — Ты еще не передумал?

Исо промычал что-то невнятное, но было ясно, что он сдался.

— Эй, ты, — внезапно обратился к Лену дядя Дэ-

вид, — посмотри на это. Хвастовству и упрямству пришел конец!

Исо пошевелился на полу, в пыли и соломе. Дядя Дэвид пнул его ногой.

— Ты все еще собираешься в Барторстаун?

Исо застонал, закрыв лицо руками. Лен попытался было улизнуть, но дядя Дэвид схватил его тяжелой, влажной от пота рукой.

— Вот он, твой герой. Вспомни о нем, когда очередь дойдет до тебя.

— Отпустите меня! — прошептал Лен.

Дядя Дэвид зловеще захохотал. От оттолкнул Лена и подал отцу ремень. Затем схватил Исо за шиворот и выволок наружу.

— Повтори громче, чтобы они слышали!

Исо всхлипнул, будто младенец:

— Я больше не буду! Я раскаиваюсь.

— А теперь убирайся! Убирайся и замаливай свои грехи. Доброй ночи, Илайджа, и помни: твой ребенок так же виноват во всем, как и мой.

Они вышли в темноту, и через некоторое время Лен услышал, как тронулась повозка.

Отец вздохнул. Он выглядел печальным и усталым:

— Я доверял тебе, Лен. А ты предал меня.

— Я не хотел этого, отец.

— Но сделал.

— Да.

— Почему, объясни мне, Лен!

— Потому, что хотел учиться, хотел знать!

Отец снял шляпу и закатал рукава:

— Я мог бы прочесть тебе длинную нотацию, но что сделано — того не изменишь, и это будет для тебя пустым звуком. Ты только помни мои слова, Лен.

— Да, отец, — Лен замолчал, скрестив руки.

— Мне очень жаль, — сказал отец, — но я должен… проделать это ради твоей же пользы.

Лен повторял про себя:

— Нет, ты не в силах заставить меня пасть на колени и раскаяться, я никогда не сдамся, никогда не оставлю Барторстаун, и книги, и знания, и все, что существует в мире вне пределов Пайперс Рана!

Но он сдался. На полу конюшни, в пыли и соломе он все-таки сдался. Так закончилось детство Лена.

Часть 7

Лен ненадолго заснул, будто провалился в глубокую пропасть. Проснувшись, он долго и пристально всматривался в темноту и думал. Лен долго ворочался без сна в своей маленькой комнатке. А когда наступил рассвет, волна горя, ярости и стыда захлестнула его. Затем, устав от этих переживаний, он попытался обдумать происшедшее более спокойно.

Лен знал, что он никогда не перестанет думать о Барторстауне — город стал частицей его самого. Он знал, что никому на свете, даже отцу, не позволено прикасаться к самому сокровенному. Хороший или плохой, грешный или праведный, это был он, Лен Колтер, единственный и неповторимый. Он не мог отречься от этого и продолжать жить, и когда эта мысль пришла ему в голову, Лен заснул вновь, на этот раз спокойно, и, проснувшись с соленым привкусом слез, увидел взошедшее солнце. Мир был наполнен звуками: веселой трескотней соек, криками фазанов, сидящих на живой изгороди, чириканьем и попискиванием множества птиц.

Лен выглянул в окно. Возле почерневшего пня когда-то сраженного молнией гигантского клена тянулась к солнцу тоненькая веточка, озимое поле покрылось нежной зеленью взошедшей пшеницы, а вдалеке, ближе к холму, до которого простиралось поле, виднелись три рощицы. Лену стало грустно, он чуть не заплакал от неясного чувства, что видит все это в последний раз

Лен вышел из дома и занялся привычным делом, бледный и отрешенный, ни с кем не разговаривая и стараясь не смотреть в глаза домашним. Джеймс попытался утешить его со свойственной ему грубой добротой:

— Это ради твоей же пользы, Ленни. Когда ты вырастешь, обязательно поймешь, как хорошо, что тебя вовремя остановили. В конце концов, ведь это не конец света.

“Это конец света”, — подумал Лен.

После обеда его заставили одеться и умыться. Вскоре вошла мать со свежевыглаженной рубашкой. Она едва сдерживала слезы и вдруг, не выдержав, крепко прижала Лена к себе и прошептала:

— Как ты мог, Ленни, как ты мог быть таким неблагодарным, как ты мог предать Господа и отца своего!

Лен почувствовал, что начинает колебаться. Еще минута, и он заплачет, уткнувшись в мамины теплые ладони, и все намерения исчезнут без следа. Он поспешно отстранился:

— Мама, мне больно!

Мать взяла его за руки.

— Ленни, смирись, будь терпеливым, и все пройдет. Господь простит тебя, ведь ты еще ребенок и слишком мал, чтобы понять…

К ним поднимался отец, и она замолчала. А через десять минут повозка с грохотом покатилась со двора. Лен неподвижно сидел позади отца, они не разговаривали. Лен думал о Боге, Сатане, проповеди, Соумсе, Хо-стеттере и Барторстауне. Он твердо знал одно: Бог никогда не простит его. Он выбрал путь посланника Сатаны, который приведет его в Барторстаун.

Их догнала повозка дяди Дэвида. Исо съежился в углу и выглядел маленьким, больным и беззащитным, будто из него вытряхнули даже кости. Когда они подъехали к дому мистера Харкниса, отец и дядя Дэвид оставили мальчиков одних привязать лошадей. Лен и Исо старались не смотреть друг на друга, Исо даже не поворачивался к Лену лицом. Но они бок о бок стояли у коновязи, и Лен тихонько сказал:

— Я буду ждать тебя на нашем месте до восхода луны, но не дольше.

Он почувствовал, как Исо напрягся и застыл на месте, словно хотел возразить, но Лен отвернулся и медленно пошел прочь.

Затем был длинный, невыносимо длинный допрос в приемной мистера Харкниса. Мистер Фенвэй, мистер Глессер, мистер Клут тоже присутствовали. Когда все закончилось, Лен чувствовал себя кроликом, с которого содрали шкуру, и это приводило его в бешенство. Он ненавидел всех этих косноязычных бородатых людей, которые издевались над ним, рвали его на части.

Дважды Лен почувствовал, что Исо может выдать его, и уже готов был выпалить, что его кузен — лжец, но тот не сболтнул ничего лишнего.

Наконец допрос завершили. Мужчины посовещались, и мистер Харкнис сказал:

— Мне очень жаль, что вам придется пережить такой позор, потому что вы оба — отличные парни и мои старые друзья. Однако пусть это послужит предупреждением всем, кому нельзя доверять.

Он нахмурился и продолжил, глядя на мальчиков:

— Вас обоих высекут на глазах у всех в субботу

утром. А если подобное повторится вновь — вы знаете, что тогда будет.

— Ну? Так вы знаете о наказании?

— Да! — ответил Лен. — Вы выгоните нас из Пай-перс Рана, и мы никогда не сможем вернуться сюда. — Он посмотрел в глаза мистеру Харкнису и добавил: — Но второго раза не будет.

— Искренне надеюсь, что это так, — сказал тот, — а я, со своей стороны, порекомендовал бы вам основательно заняться Библией, молиться и каяться, и тогда Господь сниспошлет вам мудрость, и прощение.

Затем братья Колтер вышли на улицу и сели в повозки. Они обогнали фургон мистера Хостеттера, но самого хозяина фургона не было видно.

Отец всю дорогу молчал, сказал только:

— Я виноват во всем гораздо больше, чем ты, Лен, — на что Лен ответил:

— Нет, отец. Это я во всем виноват. Я один.

— Что-то было сделано не так. Я не смог воспитать тебя правильно, не смог заставить понять. Когда же ты отошел от меня? Думаю, Дэвид все-таки прав: я слишком многое тебе позволял.

— Исо больше, чем я, замешан в этом деле, — сказал Лен. — Это он стащил радио, и никакие побои дяди Дэвида не остановили его. Не нужно

винить себя, отец.

Лен чувствовал себя очень плохо. Рано или поздно отец все равно узнает, в чем он действительно виноват.

— Джеймс никогда не был таким, — произнес отец, — с ним все просто. Как могут два плода одного семени быть такими разными?

Больше они не разговаривали. Дома их ждала мать, бабушка, брат Джеймс. Лена отослали в свою комнату, где он прильнул к двери, чтобы слышать рассказ отца. Внезапно до него донесся голос бабушки, дрожащий от негодования:

— Ты — трус и глупец. Все вы трусы и глупцы. Попробуйте сломить этого ребенка! Вам никогда не удастся сделать это! Вы никогда не научите его бояться знаний и правды.

Лен улыбнулся. “Спасибо, бабушка, — подумал он. — Я запомню”.

Ночью, когда все в доме крепко спали, Лен перекинул через плечи связанные сапоги и вылез через окно на крышу летней кухни, оттуда — на ветку персика, затем спустился на землю. Крадучись, он миновал двор, пересек дорогу и только там натянул сапоги, а затем быстро зашагал через поле. Впереди неясно вырисовывался в темноте лес. Лен ни разу не оглянулся.

В лесу было темно, страшно и одиноко. Он вышел на поляну и присел на знакомую корягу, где так часто сидел когда-то, прислушиваясь к ночному концерту лягушек и спокойному журчанию Пиматаннинга. Мир казался необъятным.

На юго-востоке показалась светлая полоска, сначала грязно-серая, затем серебряная. Лен ждал.

“Нет, Исо не придет, он побоится, и я пойду один”, — думал Лен, и от этих мыслей становилось как-то не по себе. Лен поднялся, прислушался и увидел тонкий краешек луны. Предательский голос нашептывал: “Ты можешь еще вернуться, влезть обратно в окно, и никто ничего не узнает”. Лен изо всех сил вцепился в корягу, стараясь преодолеть эту слабость.

В темноте послышался шорох, и на поляну вышел Исо. Некоторое время они пристально смотрели друг на друга, словно ночные совы, ослепленные ярким светом, затем схватили друг друга за руки и рассмеялись.

— Публично высечь! — повторял Исо. — Публично высечь! Черта с два!

— Мы пойдем вниз по реке, по течению, — сказал Лен. — Пока не отыщем лодку.

— А что потом?

— Потом мы продолжим путь. Одни реки впадают в другие. Я видел это на картине в учебнике истории. Если долго-долго плыть, мы попадем в Огайо, а это самая большая из окрестных рек.

— А при чем тут Огайо? — упрямо возразил Исо. — Это ведь на юге, а Барторстаун на востоке.

— Восток занимает куда как больше места, чем ты предполагаешь. Вспомни, что говорил голос из радио? Груз на реке, его можно разгружать, как только что-то… В общем, эти люди из Барторстауна говорили о грузе, который туда направляется. В конце концов рек много, и там обязательно должны быть лодки.

Исо с минуту помолчал, а затем произнес:

— Ну ладно. Все равно начать придется отсюда. Кто знает, может, мы были правы относительно Хостеттера, а может, и нет. А вдруг он расскажет своим о нас по радио и они помогут нам, кто знает?

— Да, — подтвердил Лен, — кто знает?

И мальчики двинулись на юг по берегу реки. Луна освещала их путь. Журчала вода, пели лягушки, и слово Барторстаун звоном большого колокола стучало в голове Лена.

Часть 8

Спокойные коричневатые воды Пиматаннинга впадают в Шенанго. Шенанго продолжает свой путь, встречаясь с Махоунингом, и обе реки впадают в Бивер. Би-вер впадает в Огайо, которая величественно несет свои воды на запад, сливаясь с Отцом Рек.

Время, как и реки, тоже бежит без остановки, и маленькие частички его сливаются в большие: минуты — в часы, часы — в сутки; проходят месяцы, годы, вчерашние мальчишки становятся мужчинами, остаются далеко позади мили долгих поисков. Но все же легенды продолжают быть легендами, мечты — мечтами, тускло мерцающими где-то вдали, может, там, где заходит солнце.

Но город Рефьюдж и золотоволосая девочка действительно существовали.

Рефьюдж совсем не похож на Пайперс Ран. Его границы превышали пределы, указанные в законе. Но главное отличие было не в этом. Жизнь в Пайперс Ране текла медленно и размеренно, строго подчиняясь временам года. Рефьюдж же бурлил. Люди быстрее двигались, быстрее сообра-

жали, громче говорили, улицы по ночам шумели от перестука колес фургонов и повозок, голосов портовых грузчиков.

Рефьюдж был расположен на северном берегу Огайо. Когда-то его название[1] вполне соответствовало назначению: здесь в период Разрушения укрывались беженцы из других городов. Через Рефьюдж проходили торговые маршруты, доходящие до Великих Озер; днем и ночью грохотали фургоны, груженные пушниной, шерстяной одеждой, мукой и сырами. С востока на запад плыли по реке баржи со шкурами, салом, соленой говядиной, углем, металлическим ломом из Пенсильвании, соленой рыбой из Атлантики, гвоздями, бумагой и ружьями.

С весны до поздней осени лодки, паромы и баржи следовали по этому пути.

Лен и Исо никогда раньше не видели моторов, и сначала даже испугались их шума, но скоро привыкли. Зимой они работали в маленьком литейном цехе в устье Бивера, где делали паровые котлы. Тогда им казалось, что они помогают механизировать весь мир. Нью-меноннайтцы категорически отказывались от использова-

---

[1] Примечания: 1

Рефьюдж(англ.)— укрытие, убежище.

ния какой-либо искусственной силы, но люди, управляющие лодками, придерживались иного мнения. Им нужно было доставлять груз вверх по течению, справляться с таким нелегким делом помогали простейшие моторы. Ради этого пренебрегали запретами.

На противоположном берегу, как раз напротив Рефьюджа, расположился маленький городишко Шедвелл. Он был во много раз меньше Рефьюджа и гораздо моложе его, но разрастался быстро, Лен и Исо заметили это сразу.

Население Рефьюджа попросту игнорировало Шедвелл, возникший только потому, что торговцев сахаром, ситцем и табаком конкуренты вытеснили с рынков. Тогда на другом берегу были возведены временные навесы, пристань, и не успели жители Рефьюджа опомниться, как все это превратилось в небольшой городок с собственными складами, названием и растущим населением.

В Рефьюдже было немного нью-мененнайтцев. Большая часть населения принадлежала к Церкви Всеобщего Благодарения, и называли они себя келлерийтцами, в честь Джеймса Келлера, основавшего эту религию. Лен с удивлением обнаружил, что некоторые нью-мененнайтцы

занялись коммерцией, забыли веру и не хотели возвращаться в Пайперс Ран. Они давно перестали бояться всего, что пугало их в детстве. Их волосы были теперь коротко остриженными, а щеки — гладко выбритыми. Среди келлерийтцев существовал обычай гладко бриться до свадьбы, женатые же мужчины сразу отпускали бороды.

Каждую субботу мальчики вместе с семьей Тэйлора ходили в церковь. Они быстро свыклись с местными нравами и обычаями, иногда им казалось, что они живут в Рефьюдже с самого рождения. Порой Лен ловил себя на мысли, что они забыли, зачем пришли в этот город и что ищут. И тогда Лен вспоминал ночь у реки, лесную прохладу и прелый запах листьев. Всплывало в памяти лицо отца, когда он поднял кнут и со свистом опустил его на спину Лена, помнил, как ныла от побоев спина. Но все труднее было припомнить, что же чувствовал тогда Лен. Он напрягал свою память, иногда у него ничего не получалось, иногда — и это было хуже всего — его прежние чувства казались просто абсурдом. Всплывали перед глазами родительский дом, отец с матерью, бабушка. Горькие воспоминания болью отзывались в сердце. В такие минуты он думал: “Я оставил их ради какого-то названия, ради голоса

из коробки. И где же это все?" Лен казался себе предателем, и думы обступали его со всех сторон, словно горные вершины.

Время делало свое: Лен вырос, возмужал, появилось много нового, что теперь волновало его, особенно золотоволосая девочка по имени Эмити.

Была середина июля, жаркий, безветренный вечер, темнота почти поглотила яркие краски заката. Лен сидел, неподвижно опустив голову и сложив руки, глядя на остатки молочного пудинга в тарелке. Исо в такой же позе сидел справа, а золотоволосая девочка — напротив. Ее отец сейчас произносил молитву, восседая во главе стола, мать почтительно слушала.

"…простер одеяние милосердия твоего и укрыл нас в день Разрушения…"

Эмити бросила быстрый взгляд из-под пушистых ресниц сначала на Лена, затем на Исо.

"…благодарение наше за милость твою…"

Лен почувствовал этот взгляд: кожа его была очень чувствительна к подобным вещам. Не поднимая головы, он знал, что девочка посмотрела на него. Он видел руки Исо, сложенные на коленях, и знал также, что сейчас Эмити смотрит на Исо. Его бросило в жар при мысли об увитой

розами беседке.

И когда же, наконец, судья Тэйлор замолчит?

Славу Богу, прозвучало “аминь”. “Быстрее, — думал Лен, — быстрее закончить возню с посудой, иначе не будет никакой прогулки в саду”. Он сорвался с места, со скрипом оттолкнув стул. Исо тоже вскочил, и оба принялись убирать тарелки, толкая друг друга. Эмити, улыбаясь, собирала чашки.

Миссис Тэйлор вышла в кухню с блюдцами. Судья Тэйлор задержался в дверях, перед тем как идти в кабинет, как бывало всегда после вечерней молитвы. Исо исподтишка бросил в сторону Лена гневный взгляд и процедил:

— Оставь ее в покое!

Эмити направилась на кухню, стараясь не уронить горку чашек. Золотистые волосы заплетены в толстую косу, длинное, серое, наглухо закрытое платье идеально сидело на ней, удивительно легкая походка заставляла сердце Лена биться чаще. Лен смерил Исо презрительным взглядом и вышел вслед за ней, унося на кухню горку тарелок. И тут раздался голос мистера Тэйлора:

— Лен, загляни ко мне, как только отнесешь посуду. В этот раз, я думаю, вымоют и без тебя.

Лен замер. Он тревожно взглянул на Тэйлора и

поспешно произнес:

— Да, сэр.

Тэйлор, кивнув, вышел из столовой. Исо явно забеспокоился:

— Что ему могло понадобиться?

— Откуда мне знать?

— А может, ты что-нибудь натворил?

В этот момент в столовую вошла Эмити. Лен моментально покраснел.

— Не твое дело, — сердито буркнул он, вышел на кухню и поставил в раковину посуду. Эмити закатала рукава:

— Мама, Лен не будет помогать нам сегодня вечером. С ним хочет поговорить папа.

Реба Тэйлор отвернулась от печки, где нагревалась вода для мытья посуды. Лицо ее было добрым, приятным, но вместе с тем каким-то бесцветным. “Да, жизнь не слишком жестоко обходилась с ней”, — подумал Лен.

— Дорогой, — ласково обратилась она к нему, — ты уверен, что не сделал ничего дурного?

— Надеюсь, что это так, мэм.

— Мне кажется, — вмешалась Эмити, — это связано с Майком Далинским и его складом.

— Мистером Далинским, ты хотела сказать, — сердито одернула ее Реба Тэйлор. — Займись-ка

лучше посудой, юная леди. Это тебя не касается. Ты свободен, Лен. Мне кажется, судья лишь хочет дать тебе какой-то совет и лучшее, что ты можешь сделать, — это последовать ему.

— Да, мэм, — сказал Лен и прошел через столовую в холл, а оттуда — к кабинету мистера Тэйлора, раздумывая о том, мог ли кто-нибудь заметить, как они с Эмити целовались в саду, или же разговор, действительно, будет связан с Далинским. Он частенько захаживал в кабинет судьи, они разговаривали о будущем, иногда даже о прошлом, но еще ни разу его просто так не приглашали в этот кабинет.

Дверь была приоткрыта.

— Войди, Лен.

Судья восседал за своим большим столом. Внушительных размеров окна были обращены на запад, и солнце казалось темно-серым, будто обсыпанным сажей, деревья выглядели больными и бесцветными, а река походила на свинцовую полоску. Тэйлор задумчиво смотрел в окно, на столе стояла незажженная свеча. Широколобый и невысокий, судья всегда был до педантичности аккуратен: щеки тщательно выбриты, волосы и борода образцово подстрижены. Рубашку он менял каждый день, а его темный костюм был

сшит из самого лучшего материала. Лен любил и уважал мистера Тэйлора. У него было множество книг, которые читали все желающие, он не боялся узнавать новое, хотя никогда не выставлял своих знаний напоказ больше, чем того требовала профессия.

— Никогда не уделяй себе слишком много внимания, — любил повторять он Лену, — тогда легко можно избежать неприятностей.

Судья попросил Лена войти и запереть дверь.

— Я хочу очень серьезно поговорить с тобой с глазу на глаз, чтобы ничто не могло повлиять на решение, которое ты рано или поздно должен будешь принять.

— Вы не хотите, чтобы Исо присутствовал при нашем разговоре? — Лен опустился на указанный ему стул рядом с судьей.

— Нет. Твоя судьба заботит меня больше. А теперь давай оставим личности в покое. Лен, ты работаешь на Майка Далинского?

— Да, сэр, — Лен немного рассердился. Итак, разговор пойдет о Далинском.

— И ты собираешься продолжать работать с ним? Лен не задумался ни на секунду:

— Да, сэр.

Тэйлор молча разглядывал свинцовое небо. В

облаках сверкнула слепящая полоска, и не успел Лен сосчитать до семи, как раздался оглушительный раскат грома.

— В этом году ты много читал, Лен. Ты что-нибудь вынес для себя из книг?

Лен любовно оглядел книжные полки. В темноте не рассмотреть корешков, но он легко различал их по размеру, знал место, где стояли любимые книги. Лен действительно прочел много книг.

— Надеюсь, что да, — ответил он.

— Тогда старайся применять свои знания. Помнишь Сократа?

— Да.

— Он был самым мудрым из всех, кто когда-либо жил на этой земле, но ничто не спасло его, когда он слишком далеко зашел, преступив закон и веру.

Вновь вспыхнула молния, на этот раз раскат грома послышался быстрее. Подул ветер, сгибая ветки деревьев, река покрылась рябью.

Кто-то еле различимый на расстоянии укреплял стоявшие на якоре баржи и складывал в укрытие груз. Рефьюдж снова осветила вспышка молнии.

— Зачем ты пытаешься ускорить события? — спокойно спросил Тэйлор. — Все равно ведь ни

ты, ни твои внуки не доживут до этого. Так зачем же, Лен?

— Что зачем? — не поняв, переспросил Лен.

— Зачем ты хочешь вернуть города?

Лен молчал, пристально всматриваясь в темноту, внезапно поглотившую Тэйлора, который теперь казался тенью.

— Они все умерли до Разрушения: утонули в собственных нечистотах, задохнулись в собственных газах, наконец люди стерли города с лица земли. Слово “город” музыкой звучит для тебя. Но что ты действительно знаешь о нем?

Когда-то они уже обсуждали этот вопрос.

— Бабушка рассказывала…

— Она была тогда еще слишком маленькой, чтобы увидеть всю грязь, уродство, пороки и бедность. Именно города выжимали из страны все соки. Люди переставали быть личностями, превратившись в ничтожные частички громадной машины: одетые в одинаковые одежды, с одинаковыми вкусами, мыслями, с одинаковой для всех системой образования, призванной не учить, а скрывать невежество.

Испытанный довод, но приведенный как-то неожиданно, по-новому. Запинаясь, Лен произнес:

— Я вовсе и не думаю о городах. И не могу понять, какое к ним отношение имеет новый склад мистера Далинского.

— Лен, если ты не будешь откровенен с самим собой, жизнь никогда не откроет свои тайны. Глупец мог сказать, что он не понимает этого, но не ты. А может, ты еще слишком юн, чтобы понять, что скрывается за тем или иным фактом?

— Но я уже достаточно взрослый даже для того, чтобы жениться, — горячо возразил Лен.

— Успокойся. А вот и дождь, помоги-ка мне закрыть окна.

Они отгородились от непогоды, и Тэйлор зажег свечу. В комнате стало невыносимо душно.

— Да, ты уже вырос, Лен, и можешь жениться. Думаю, что и у Эмити есть кое-какие мысли на этот счет.

Сердце Лена бешено забилось, как всегда, при упоминании Эмити. Он был очень взволнован. Капли дождя громко барабанили в окна, и казалось, что на улице град.

— Рефьюдж — хороший город хотя бы потому, как выгодно он расположен. Ты мог бы прекрасно устроиться здесь и со временем стать уважаемым человеком. У тебя будет много времени, и ты сможешь посвятить себя учебе, постигая мудрость

мира, у тебя будет Эмити. Вот что предлагаю тебе я. А что может предложить Далинский?

— Я всего лишь работаю и получаю за это деньги.

— А ты знаешь, что он нарушил закон?

— Знаю, но этот закон — глупый и бессмысленный.

— Иметь больше одного склада — преступление против тридцатой поправки, которая является у нас основным законом. И никто пока не собирается его пересматривать.

— Но это неправильно. Ведь в Рефьюдже никто не хочет, чтобы Шедвелл терпел убытки только потому, что тут недостаточно складов, навесов и причалов, чтобы принять товар.

— Еще один склад, — Тэйлор многозначительно повторил слова Лена, — потом еще одна пристань, потом гостиницы для торговцев, — вот так и рождается большой город. Лен, ты когда-нибудь слыхал от Далинского про Барторстаун?

Сердце Лена, которое так часто билось при мысли об Эмити, теперь готово было остановится. Он вздрогнул и искренне ответил:

— Нет, сэр. Никогда.

— Удивительно. Я знаю Майка с детства, и, как мне, кажется, Барторстаун не мог не интересо-

вать его.

— Простите, но я не совсем понимаю, что вы имеете в виду.

— И ты, и Исо — чужие в Рефьюдже. Люди до тех пор будут хорошо относиться к вам, пока вы не перейдете им дорогу. Но, если такое случится, — пеняйте на себя. — Судья опустил локти на стол и строго посмотрел на Лена: — Ты никогда не был до конца откровенным со мной, когда рассказывал о своем прошлом.

— Я ни разу не солгал вам.

— Это не важно. Я думаю, что вырос ты в деревне, и не ошибусь, если скажу, что предки твои — нью-меноннайтцы. Зачем же ты убежал из дома?

— Я думаю, — медленно начал Лен, подбирая слова с такой осторожностью, как человек, идущий по краю пропасти, ощупывает землю под ногами. — Я хотел бы знать, что происходит за пределами Пайперс Рана, но отец никогда не позволит этого.

— Нет, — задумчиво произнес Тэйлор, — не думаю, что это главное. Этот предел ищет для себя каждый человек. А ты уже нашел его, Лен?

— Нет еще.

— Так ищи. Смотри только, не заходи слишком

далеко.

С минуту они молчали. Лил дождь, и молния сверкнула так близко, что слышно было какое-то шипение перед ударом грома, а затем сильнейший удар, словно взрыв, потряс дом.

— Значит, ты понял, зачем была принята Тридцатая поправка?

— Чтобы не появилось больших городов.

— Да, но какие причины лежали в основе этого запрета? Я представляю собой веру, и в обществе не имею права подрывать ее, но сейчас, с глазу на глаз могу сказать: вряд ли Господь уничтожил города лишь потому, что они были порочными. Я слишком хорошо разбираюсь в истории, чтобы верить в это. Враг обрушил бомбы на большие города — они были отличными мишенями, центрами скопления населения, центрами промышленности и сосредоточения товаров. Без этих городов страна напоминала человека с отсеченными руками и головой. Громадная комплексная система продовольствия рассыпалась в прах, дальнейшая бомбежка городов была бесполезной и опасной, каждый искал свой путь спасения, главной проблемой стали поиски пищи. Люди, издавшие тот закон, были уверены, что подобное никогда не повторится. Они призвали людей

к рассредоточению, чтобы избежать возникновения новых мишеней для потенциального врага. Тридцатая поправка — мудрый закон, и он устраивал всех после того страшного урока, который им преподали. Никто не хочет пережить подобный кошмар, это стало частью религии Благодаря этой поправке, Лен, страна процветает. И не пытайся действовать против нее.

— Возможно, вы и правы, — задумчиво произнес Лен, глядя на пламя свечи. — Но когда мистер Далинский говорит, что страна вновь начинает расти, и ее рост не смогут остановить никакими искусственными законами, мне кажется, он тоже прав.

— Не позволяй Далинскому дурачить себя. Будущее страны его не волнует. Он уже владеет четырьмя складами, и жаждет владеть пятым, но не может: ему мешает закон. — Судья поднялся. — Ты сам должен выбрать правильный путь, я лишь хочу, чтобы ты понял одну вещь. У меня есть жена, дочь, и я забочусь о них. Если ты все-таки решишь продолжать работать у Далинского, уходи из моего дома. Никаких книг и прогулок с Эмити. Предупреждаю: если мне когда-нибудь придется судить тебя, я с радостью посажу в тюрьму Лена Колтера, работающего на

Майка Далинского.

Лен поднялся:

— Да, сэр.

Тэйлор положил руку ему на плечо:

— Смотри, не прогадай, Лен. Хорошо обдумай то, что я сказал тебе.

— Я подумаю.

Лен вышел, чувствуя себя подавленным, обиженным, ему казалось, что судья говорил правильно. Эмити, женитьба, место в обществе. Никакого Далинского, никаких сомнений, никакого Барторстауна, никаких мечтаний и безрезультатных поисков.

Лен подумал о женитьбе на Эмити, и внезапно это так испугало его, что он даже вспотел Он почему-то подумал о брате Джеймсе, который, должно быть, уже стал отцом нескольких маленьких меноннайтцев, и в который раз удивился, насколько все-таки Пайперс Ран отличается от Рефьюджа, и стоит ли Эмити того, чтобы отказаться от Барторстауна. В Пайперс Ране Лен не читал Платона, зато запоем прочел его здесь, но в этом вопросе, казалось, бессилен был бы даже он. Никакого Барторстауна. А найдет ли он его когда-нибудь? Не глупость ли это — променять жену на фантом?

В холле почти темно. Лишь короткие вспышки молний освещают его на короткие мгновения. Он уже занес ногу на ступеньку, когда молния вспыхнула вновь, на секунду осветив Исо и Эмити в треугольной нише под ступенями лестницы. Тесно прижавшись друг к другу, они целовались, и Эмити ничуть не сопротивлялась.

Часть 9

Был субботний полдень. Они стояли друг против друга в тени увитой розами беседки, и Эмити сердито смотрела на Лена.

— ...я не делала ничего такого, а если и делала, то ты не видел. Попробуй только рассказать кому-нибудь — я скажу, что ты врешь.

— Я прекрасно знаю, что зрение мне не изменяло.

Эмити вскинула голову так, что толстая коса шевельнулась:

— Я ничего тебе не обещала, ведь так?

— Но ты ведь хочешь быть со мной, Эмити?

— Возможно. Я не знаю.

— Зачем же ты тогда целовалась с Исо?

— А как мне узнать иначе, кого из вас я люблю больше?

— Ну, хорошо же, — сказал Лен.

Он подошел ближе и привлек ее к себе. В этот момент перед глазами Лена стоял Исо, и он сделал это довольно грубо. Крепко прижав ее к себе, ощутил тепло ее тела, его удивительную гибкость. Все поплыло перед глазами. Лен закрыл

глаза и коснулся губами ее губ. Через мгновение он ослабил объятия.

— Тебе хорошо со мной?

Он весь дрожал, а на щеках Эмити лишь выступил легкий румянец, и, улыбаясь, она холодно смотрела на него.

— Не знаю. Попробуй еще раз.

— И то же самое ты сказала Исо?

— Какое тебе дело до того, что я ему сказала? Займись-ка лучше своими делами, Лен Колтер.

— Я могу сделать это своим делом.

— Кто тебе это сказал?

— Твой отец, вот кто.

— О, так значит ты…

Лену вдруг показалось, что между ними выросла стена. Она рванулась прочь, губы исказились в презрительной ухмылке.

— Эмити, постой. Послушай, Эмити, я…

— Оставь меня в покое. Слышишь, Лен?

— Что произошло? Ведь минуту назад все было в порядке!

— Ничего себе, в порядке. И не думай, что если ты будешь ябедничать отцу за моей спиной…

— Я не ябедничал. Эмити, послушай, прошу тебя…

Лен вновь привлек ее к себе, а она прошипела

сквозь зубы:

— Отпусти, я не принадлежу тебе, я вообще никому не принадлежу, оставь меня в покое!

Эмити отчаянна сопротивлялась. Это взволновало Лена. Смеясь, он попытался поцеловать ее:

— О Ээдити, я так люблю тебя!

Она завизжала и расцарапала ему щеку, как кошка. Лен разжал руки. Эмити больше не была хорошенькой: искаженное злобой лицо стало почти уродливым. Освободившись от его объятий, она быстро побежала по дорожке к дому. Лен немного постоял, а затем медленно побрел по той же дорожке и поднялся по ступенькам в комнату, которую делил с Исо..

Исо, полусонный, еще валялся в постели. Когда вошел Лен, он перевернулся на другой бок и что-то пробормотал. Лен открыл дверцу полупустого буфета, вытащил парусиновый мешочек и принялся укладывать в него свое нехитрое имущество, запихивая каждую вещь с ненужной силой. Лицо его пылало, брови были сведены от злости. Исо заворочался. Он открыл глаза и сонно взглянул на Лена:

— Что ты там делаешь?

— Собираю вещи.

— Что? Зачем? — от неожиданности Исо сел на

кровати, проснувшись окончательно.

— А как ты думаешь, для чего люди обычно этим занимаются? Я ухожу из этого дома.

Исо опустил ноги на пол.

— Ты что, сошел с ума? Почему ты ничего не объяснил мне?

— А зачем? Я ухожу, ты остаешься. Можешь поступать как тебе заблагорассудится.

— Да, но ты ведь не можешь… Постой, постой, а что у тебя за царапина на щеке?

— Где? — Лен явно смутился. Исо рассмеялся.

— Что тут смешного? — насупился Лен.

— Она наконец-то отшила тебя, да? О, только не рассказывай мне о том, как тебя поцарапала кошка. Что ж, поделом. Я ведь предупреждал, чтобы ты и близко не подходил к ней, а ты…

— Послушай, разве она — твоя собственность?

Исо улыбнулся.

— Да, и я как раз собирался поделиться с тобой этой новостью.

Лен ударил его. Впервые в жизни он ударил, будучи не в силах сдержать ярость, охватившую его. Он видел, как Исо навзничь упал на кровать, глаза его расширились от изумления, из уголка рта тоненькой струйкой сочилась кровь. Лену казалось, что прошло очень много времени,

прежде чем он почувствовал угрызения совести. Ударить Исо было все равно, что ударить родного брата. Но ярость все еще кипела в нем. Схватив мешочек, Лен попытался уйти, но Исо подскочил к нему и схватил за плечо:

— Ударь меня, ну? Ударь же еще раз, грязный… — И он употребил словечко, которое частенько использовали в перебранках портовые грузчики.

Лен пригнулся, кулак Исо скользнул по его подбородку и пришелся прямо в дверной косяк. Исо взвыл от боли и, согнувшись, отскочил назад. Лен хотел было извиниться, но передумал и в третий раз собрался выйти из комнаты. В конце коридора показался судья Тэйлор.

— Сейчас же прекратите, — прикрикнул он на Исо. Тот послушно замер посредине комнаты. От пристального взгляда Тэйлора не укрылся мешочек в руках Лена. — Я только что серьезно поговорил с Эмити, — сказал он, и Лен почувствовал, что судья сдерживает себя с большим трудом. — Мне очень жаль, Лен. Кажется, я допустил ошибку.

— Да, сэр. Я как раз собирался уходить.

Тэйлор кивнул.

— Тем не менее все, о чем мы говорили, остается в силе. Помни об этом, — он уничтожающе

посмотрел на Исо.

— Пусть он катится, — сказал тот. — Я остаюсь здесь.

— Не думаю, что так оно и будет, — решительно ответил Тэйлор.

— Но ведь…

— Я первым ударил его, — перебил Лен.

— Это не имеет значения. Собирай вещи, Исо.

— Но почему? Я зарабатываю достаточно, чтобы платить вам. И я не сделал ничего такого, что…

— Я не вполне уверен в этом. Эта комната больше не сдается, и если я еще раз увижу тебя с моей дочерью, ты вылетишь из Рефьюджа.

Лен бросил на Тэйлора сердитый взгляд, но промолчал. Исо принялся сваливать свои вещи в кучу на кровать. Спускаясь вниз по ступенькам, Лен чуть замедлил шаги и увидел возле обеденного стола Эмити, которая безутешно плакала, и охваченную тревогой миссис Тэйлор. Лен вышел на улицу через черный ход, избегая беседки.

Он медленно шел по пыльным аллеям, не имея ни малейшего понятия, к кому идти, где ночевать, но привычный путь привел его к реке, где были выстроены склады Далинского. Возле них он остановился, подавленный и усталый, только теперь начиная понимать, как круто изменилась

его жизнь за последние полчаса.

Река была зеленая, словно бутылочное стекло, и на противоположном берегу блестели в лучах солнца крыши Шедвелла. Вдоль пристани выстроились пришвартованные суденышки, матросы ушли отсыпаться в город. Казалось, все замерло в оцепенении, кроме реки и облаков; на одной из барж весело резвились котята. Ниже виднелся треугольный участок для нового склада. Уже заложили камни фундамента, рядом были аккуратно уложены доски, виднелась лесопилка с огромной грудой желтых опилок. Двое незнакомцев развалились в тени большого дерева и так пристально и подозрительно разглядывали Лена, словно несли караул.

Глупые люди, они считают, что если в мире произойдет малейшая перемена, на них обрушится небо. Глупый мир. Лен ненавидел его. В нем живет Эмити, а где-то далеко-далеко надежно укрыт Барторстаун, так надежно, что никто никогда не отыщет его.

Погруженный в свои мысли, Лен не заметил, как подошел Исо. Он держал в руках наспех собранные вещи, искаженное злобой лицо его пылало, губа с одной стороны распухла. Отшвырнув узелок с вещами, он встал напротив Лена:

— Нужно поговорить.

Лен засопел. Он совсем не боялся Исо, хоть и был немного ниже его, зато плотнее и шире в плечах. Развернувшись, Лен выжидал, молча и спокойно.

— Куда ты собрался идти и за что нас вышвырнули?

— Я ушел сам, а вышвырнули тебя.

— Хороший же ты друг после этого. Признавайся, что ты сказал судье Тэйлору?

— Ничего. Да, собственно, в этом не было необходимости.

— Что ты имеешь в виду?

— Он недолюбливает тебя, вот и все. И не стоит затевать со мной драку, Исо.

— Обидно, правда? Так тебя обскакать, и остаться в проигрыше. Ну, да ладно. А теперь слушай внимательно, и можешь передать это своему судье: никто не сможет заставить меня отказаться от Эмити. Я буду видеться с ней, когда захочу, потому что она любит меня, и ей наплевать на отца.

— Длинный язык. Вот единственное твое достоинство — длинный язык.

— Хорошо, я могу и помолчать. Но если бы не ты, я никогда не ушел бы из дома, и жил бы

сейчас, припеваючи, с женой, а может, и детьми, вместо того, чтобы катиться прямо в ад, мотаться по стране в поисках…

— Заткнись!

— Ладно, ты уже понял, что я имел в виду. Всю жизнь ты причиняешь неудобства мне, а теперь и моей девчонке.

Лен выпалил:

— Исо, ты трус и ревнивый лжец.

И Исо ударил его.

Лен настолько разозлился, что потерял бдительность, и этот удар застал его врасплох. Шляпа его слетела, дыхание сперло, и он двинулся прямо на Исо. Внезапно тот произнес:

— Прекрати, кто-то идет сюда. За драку в субботу нам влетит.

Тяжело дыша, они разошлись. Лен поднял шляпу, пытаясь сделать вид, будто ничего не случилось. Краем глаза он увидел приближающегося Майка Далинского в сопровождении двоих.

— Закончим позже, — прошептал он Исо.

— Само собой.

Далинский, здоровый, крепкий, чуть полноватый, узнал их и улыбнулся. Глаза его, казалось, видели насквозь все и вся, даже то, что скрыто от других, глаза эти холодно блестели даже когда он

улыбался. Лен уважал Далинского, но не особенно любил его. Двое, пришедшие с Майком, — Эймс и Виннери — тоже имели свои склады.

— Что, спустились поглядеть на фундамент? — приветливо обратился к ребятам Далинский.

— Нет, не совсем. Мы… э-э… вы не могли бы позволить нам переночевать в конторе? Мы больше не снимаем комнату в доме Тэйлора.

— Да? — брови Далинского удивленно поползли вверх.

Эймс саркастически ухмыльнулся.

— Конечно. Будьте как дома. Ключ у вас при себе? Хорошо. Идемте, джентльмены.

И трое отошли. Лен и Исо поднялись к конторе — двухэтажному длинному зданию, в котором находилось делопроизводство складов. Ключ был у Лена, так как открывать контору по утрам входило в его обязанности. Пока он возился с замком, Исо обернулся и произнес:

— Они спустились вниз посмотреть фундамент, и думаю, не в восторге от того, что увидели.

Лен тоже оглянулся. Далинский размахивал руками, о чем-то оживленно рассказывая, но Эймс и Виннери выглядели обеспокоенными и лишь качали головами.

— Чтобы убедить их, болтовни недостаточно, —

сказал Исо.

Лен, наконец, справился с замком, и они вошли, а через несколько минут после того, как они разложили вещи, послышались чьи-то шаги, и в дверях показался Далинский, на этот раз один. Он внимательно оглядел мальчиков:

— Вы тоже боитесь? И собираетесь оставить меня?

Он не дал им ответить и продолжил, указывая на дверь:

— Эти двое ужасно напуганы. Им, конечно, тоже хотелось бы построить парочку складов. Рефьюдж будет расти и озолотит их, но им совсем не хочется рисковать. Сначала они посмотрят, что будет со мной. Ублюдки. А почему судья выгнал вас? Это связано с тем, что вы работаете у меня?

— Да, — ответил Лен.

Исо с удивлением уставился на него, но промолчал.

— Вы нужны мне, — сказал Далинский. — У меня на счету каждый рабочий, и я надеюсь на вас, но удерживать силой не намерен. Если боитесь, лучше уйти сейчас.

— Не знаю, как Лен, а я остаюсь.

Далинский пристально посмотрел на Лена. Тот, покраснев, уставился в пол.

— Я еще не знаю, — глухо отозвался он. — Нет, не потому, что боюсь. Просто, возможно, в скором времени я навсегда уеду отсюда.

— Что ж, я буду иметь это в виду.

— Конечно, однако мне необходимо тщательно все обдумать.

— Оставайся со мной, — сказал Далинский. — Мой пра-пра-прадед был родом из Польши, и ему так и не удалось разбогатеть, потому что все было уже построено. А сейчас наступил момент восстановить разрушенное, и я не собираюсь упускать этот шанс. Я прекрасно знаю, о чем говорил с тобой судья. Он пессимист и всего боится, не то что я. Я верю в мощь и величие страны и знаю: оковы когда-нибудь разрушат, и это будет делом наших рук — твоих и моих, но не судьи Тэйлора.

— Да, сэр, — сказал Лен, — но я должен все хорошенько взвесить.

Далинский пристально посмотрел на него, затем улыбнулся:

— Тебя не так-то просто убедить. Неплохая черта, правда? Ладно, обдумывай, взвешивай, я тебя не тороплю. — И он вышел.

Лен посмотрел на Исо, но продолжать драку уже не хотелось.

— Пойду, пройдусь, — сказал он.

Исо равнодушно пожал плечами. Лен спускался к реке, раздумывая о груженых баржах, плывущих на запад, и о том, не связана ли тайно какая-нибудь из них с Барторстауном. А еще он думал, что бесполезно слепо перебираться с места на место, ломая голову над тем, что делать дальше.

Бесцельно слоняясь по берегу, Лен набрел на владения торговцев: лошади, фургоны, стоящие перед добротными навесами, аукционные залы. Лен и раньше бродил здесь. Отчасти его обязывала к этому работа у Далинского, но эта причина была не единственной: Лена волновала суета дальних дорог, иногда можно было даже услышать вести из Пайперс Рана. И его не оставляла надежда, что когда-нибудь он узнает о том, к чему так долго стремился все эти годы. Но пока не везло: он ни разу не встретил знакомого, не увидел Хостеттера, и это было странным, потому что зимой он обычно направлялся к югу и, в конце концов, должен же где-то пересечь реку. Лен регулярно обходил все переправы, но Хостеттер так и не появился. “Наверное, ему пришлось вернуться в Барторстаун, а может, что-нибудь случилось, и его уже нет в живых”, — подумал Лен.

По субботам нельзя заниматься делами, и люди

болтали в тени навеса, некоторые удалились к полуденной молитве. Большинство торговцев Лен знал, и они тоже узнавали его. Лен с радостью присоединился к ним, надеясь хотя бы ненадолго отвлечься от навалившихся забот. Были здесь и нью-мененнайтцы. Это стесняло Лена, потому что он чувствовал себя немного несчастным, но тщательно скрывал, что был когда-то одним из них.

Тени стали длиннее, с реки подул прохладный ветерок, который принес запах дыма, и Лен вспомнил, что ему негде поужинать. Он спросил, можно ли остаться.

— Конечно, пожалуйста, — сказал нью-мененнайтец по имени Фишер. — И, если не трудно, принеси-ка еще немного поленьев для костра.

Лен взял ручную тележку и побежал к месту, где были свалены поленья. Он быстро загрузил тележку и повернул обратно. Он шел мимо конюшен, фургоны закрыли его от торговцев, столпившихся у костра. В конюшнях было темно, остро пахло лошадиным потом, слышалось сочное хрупанье.

И вдруг Лен услышал голос, звавший его:

— Лен Колтер!

Лен остановился, как вкопанный. Сдавленный

резкий, торопливый голос. Лен осторожно огляделся, но ничего не увидел.

— Не пытайся найти меня. Это может доставить неприятности нам обоим. Просто стой и слушай. Я должен кое-что передать тебе от друга. Он просил сказать, что ты никогда не найдешь то, что ищешь. Он велел тебе вернуться в Пайперс Ран и помириться с родными. Он сказал…

— Хостеттер, — прошептал Лен, — это ты, Хостеттер?

— …что тебе необходимо покинуть Рефьюдж. Вскоре он будет охвачен огнем, и ты сгоришь в нем. Беги отсюда, Лен. Уходи домой. А теперь сделай вид, будто ничего не произошло и продолжай свой путь.

Лен двинулся вперед, но успел прошептать в темноту конюшни:

— Вы знаете, что единственное место, куда я, не задумываясь ушел бы, — это Барторстаун. Если вы хотите, чтобы я оставил Рефьюдж, — возьмите меня с собой.

— Вспомни ночь на проповеди. Тебя не всегда смогут спасти, — был ответ.

Часть 10

Прошло две недели, строительство нового склада подходило к концу, уже начали укладывать крышу. Лен работал там, где ему говорили: распределял рабочие смены, разбирал конторские книги и кипы бумаг, но работал автоматически. Мысли его были заняты другим. Как солдат в ожидании взрыва.

Свои пожитки Лен перенес к торговцам, оставив в распоряжении Исо весь верхний этаж, и каждую свободную минуту проводил там, совершенно забыв об Эмити, обо всем, кроме мечты, которая теперь после томительного ожидания могла наконец стать реальностью. Лен вновь и вновь восстанавливал в памяти каждое слово, сказанное незнакомцем. Этот голос звучал в его беспокойных снах. И теперь он знал совершенно точно, что не оставит Рефьюдж и Далинского ни за какие сокровища мира.

Лен знал о приближающейся опасности. Он чувствовал ее в воздухе, читал на лицах людей, заходивших взглянуть на строительство нового склада. Среди них было много незнакомцев, в

том числе и нью-мененнайтцев. В базарные дни город был наводнен фермерами, деревенскими проповедниками, торговцами.

Лен не сомневался, что Хостеттер или его друг рисковал головой, когда предупредил его, но непреклонно решил остаться.

Лен злился на Хостеттера и его земляков из Барторстауна. Сейчас, как никогда, стало совершенно очевидно: они прекрасно знают, где находятся он и Исо с тех пор, как оставили Пайперс Ран. Он вспоминал десятки примеров, когда какой-нибудь случайный торговец помогал им. И то, что он нигде не мог отыскать Хостеттера, не было случайностью. Хостеттер явно избегал встречи с ними, в любой момент мог бы забрать их из Рефьюджа туда, куда они так долго стремились.

Лен ничего не рассказал Исо, после ссоры он не верил ему. “Когда-нибудь, — думал Лен, — найдется время поговорить обо всем”.

Лен частенько наведывался к торговцам. Он ничего не рассказывал и ни о чем не расспрашивал, только смотрел и слушал. Но ни одного знакомого лица не встретилось ему, ни один тайный голос не заговорил с ним. Если среди торговцев и был Хостеттер, то он предпочитал

оставаться в тени. В Рефьюдже это было сделать очень сложно, и Лену показалось, что скрываться удобнее всего в Шедвелле. Он ощутил потребность сейчас же, немедленно отправиться туда. Может быть, Хостеттер решится заговорить с ним среди незнакомых людей.

У Лена не было предлога идти в Шедвелл, но придумал он его достаточно быстро. Однажды вечером, помогая Далинскому, он сказал:

— Думаю, было бы совсем неплохо наведаться в Шедвелл и выяснить, что там думают о твоем новом складе. Ведь если, в конце концов, все получится, мы лишим их лакомого кусочка.

— Я и так знаю, что они думают, — Далинский задвинул и закрыл на ключ ящик стола, взглянул на зарешеченное окно, — сегодня я видел судью Тэйлора.

Лен, замерев, ждал, что скажет Далинский. За последние недели у Лена сильно сдали нервы и ему показалось, что прошло не меньше часа, прежде чем Далинский заговорил.

— Он сказал, что если я не остановлю строительство, городские власти арестуют меня и всех, кто со мной работал.

— И вы думаете, они это сделают?

— Я напомнил, что не нарушил ни одного за-

кона, ведь тридцатая поправка — федеральный закон, и юрисдикции здесь не имеет.

— И что же он ответил?

Далинский пожал плечами:

— То, что я и ожидал: немедленно, мол, подам запрос в федеральный суд Мэрилэнда.

— Да… На это у него уйдет немного времени. Но ведь есть еще и общественное мнение.

— Общественное мнение — моя единственная надежда, и об этом знают все: и Тэйлор, и старшины Шедвелла. Только это сможет остановить федерального судью из Мэрилэнда.

— Завтра вечером вы проведете собрание. Не секрет, что Рефьюдж против того, чтобы Шедвелл отнял большую часть бизнеса, и многие поддерживают вас, — уверенно сказал Лен.

— А может, тебе действительно нужно наведаться в Шедвелл, — пробормотал Далинский, — ведь это собрание будет очень важным, от него зависит мой взлет или падение, и если старшины Шедвелла собираются причинить мне неприятности, я должен об этом знать. Я дам тебе поручение, чтобы никто не догадался об истинной цели твоего визита. И не вздумай никого расспрашивать, лишь запоминай то, что увидишь. Да, а еще тебе не следует брать Исо с

собой.

Лен догадывался о причине, но все же спросил:

— Почему?

— Ты достаточно умен и осторожен, чтобы избежать неприятностей. Кстати, ты не знаешь, где это Исо болтается по ночам?

— Понятия не имею, — Лен был заметно удивлен.

— Ладно, впрочем это не важно. Утром ты сядешь на паром, а к полудню жду тебя здесь, Лен. Твое присутствие на собрании необходимо. Мне нужно четко знать, сколько голосов меня поддержат.

— Я все понял. Доброй ночи! — И Лен пошел по дорожке мимо нового склада. Лен чувствовал, что Далинский все делает правильно, и готов был оказать ему любую услугу.

Из темноты послышался окрик сторожа.

— Привет, Гарри, это я, — сказал Лен.

Четыре человека с внушительными дубинками охраняли склад, всю ночь здесь горели фонари. Лен знал, что Далинский по несколько раз за ночь спускается к стройке, потому что не может заснуть.

Лен и сам плохо спал. После ужина он поболтал с торговцами и лег спать, но мысли о завтраш-

нем дне не давали ему покоя. Он думал о том, как обойдет весь Шедвелл, отыщет фургоны торговцев, встретит Хостеттера и тихо скажет ему что-то важное, а Хостеттер ответит:

— Ну хорошо, ребята, больше не будем мучить вас и возьмем с собой.

Лен вновь и вновь рисовал себе эту картину, а затем с горечью подумал, что так и не знает, существует ли на самом деле все то, к чему он стремился с детства. Память возвратила его к Далинскому, подумалось о том, где проводит ночи Исо. “Я выясню”, — пообещал себе Лен и удивился, что Эмити ему совершенно безразлична.

Лен окунулся в теплую темноту ночи. Было абсолютно тихо, лишь изредка доносился шум из конюшен. Он вышел на спящие улицы города и дал длинный крюк, чтобы обойти склад. Ему не хотелось вновь встречаться со сторожами.

Лен миновал дом судьи Тэйлора. Темные окна, ничто не нарушало тишины. Он отыскал глазами окно Мити и почему-то почувствовал себя неловко, побрел дальше, к пристани.

Дверь в конторе Далинского была закрыта, но это еще ничего не значило, потому что Исо имел свой ключ. Лен заколебался. Далеко внизу, у самой реки, горели смотровые огни. Ничто не

нарушало ночную тишину. Здание конторы казалось пустынным, Лен отпер дверь и вошел. Исо в комнате не было.

Лен постоял в раздумье, в нем закипал гнев, но он быстро успокоился, испытывая презрение к глупости Исо. Что же касается Эмити… В конце концов, какое его дело? Лен больше не сердился. Он отвернул покрывало на нетронутой постели Исо, поставил его сапоги под кровать, подобрал с пола рубашку и аккуратно повесил ее на крючок. Затем зажег лампу, уменьшил огонь почти до предела и вышел, закрыв за собой двери конторы.

В лагерь торговцев он вернулся глубокой ночью и долго сидел на ступеньке перед дверью, глядя в темноту и думая о чем-то. Утром Лен отправился к Далинскому за письмом, которое должно послужить предлогом его поездки в Шедвелл. Там он встретил Исо. Он выглядел таким жалким и замученным, что Лен почти пожалел его.

— Что это с тобой? — участливо осведомился Лен, — Ты как будто чем-то до смерти напуган. А может, кто-нибудь угрожает тебе?

— Занимайся-ка лучше своим чертовым делом, — свирепо отрезал Исо, а Лен улыбнулся про себя. Пусть поломает голову над тем, что за гость посетил его прошлой ночью, пока он околачивал-

ся там, где ему совсем не следует бывать. Пусть поразмыслит над тем, кто знает о таинственных свиданиях и ждет его возвращения домой.

Лен спустился к реке и направился к переправе — громадному плоту с лачугой на случай непогоды. Начался небольшой дождик, и противоположный берег заволокло туманом. Незнакомый торговец с юга переправлял свой груз — кожу и доски. Лен помог управиться с упряжкой лошадей, а затем уютно устроился в фургоне. Слушая тихий шелест дождя, Лен неожиданно вспомнил, какими магическими и манящими казались фургоны в детстве. Лен зябко вздрогнул и отвернулся, глядя вниз на реку, медленно несущую свои воды на запад. Против течения упорно прокладывал себе дорогу катер, он подал парому сигнал. Тот ответил, третий сигнал раздался с груженной углем баржи, блестящей от дождя.

Небольшой Шедвелл разрастался с такой быстротой, что недостроенные здания виднелись везде, куда бы ни посмотрел Лен. Паром прогудел еще раз, и впереди стеклянными глазами заблестели окна Шедвелла.

Лен поднялся к конторе шедвеллского склада, туда ему нужно было отнести письмо. Из-за дождя никто не работал. Небольшая кучка людей

виднелась на крыльце большого магазина. Лену показалось, что они уж слишком пристально его разглядывают, может быть, потому, что он был тут чужим и пришел с пристани. Лен вошел в контору и подал письмо маленькому человечку по имени Геррит. Тот бегло прочел послание и бросил на Лена уничтожающий взгляд.

— Передай Далинскому, что я следую заветам Библии, которая запрещает иметь дело с грешниками, а ты молод, молодость всегда грешна, и я не желаю попусту тратить слова. Вон.

Он швырнул письмо в корзину для мусора и отвернулся. Лен пожал плечами и вышел прочь. Через грязную площадь он направился к фургонам торговцев. Один из сидящих на крыльце магазина спустился со ступеней к конторе Геррита. Дождь заметно усилился, к реке устремились желтые ручейки.

Фургонов было много. Большинство торговцев спрятались от дождя. Лен не знал никого, и с ним никто не разговаривал. Он еще немного походил среди фургонов и, не найдя ни на одном имени Хостеттера, направился к переправе.

На крыльце магазина собралось уже довольно много народу. Все стояли под дождем лицом к Лену, промокнув до нитки, но уходить не соби-

рались.

— Ты из Рефьюджа? — спросил один из них.

Лен кивнул.

— Ты работаешь на Далинского?

Лен неопределенно пожал плечами. К нему подошли двое и крепко схватили за руки. Лен пытался вырваться, но безуспешно.

— Мы хотим кое-что передать в Рефьюдж, — сказал один, — и это сделаешь ты. Мы ни с кем не станем делиться тем, что по праву принадлежит нам. И если никто не остановит Далинского, это сделаем мы. Ты все запомнил?

Лен опустил глаза и ничего не ответил.

— Ну-ка, мальчики, заставьте его запомнить мои слова, — сказал незнакомец.

К Лену подошли еще двое. Они сбили его с ног, и Лен упал лицом в грязь, его пинали ногами, не давая подняться. Наконец его оставили — униженного, с головы до ног покрытого грязью. Лен с трудом поднялся и, пошатываясь, спустился к переправе, намереваясь вернуться в Рефьюдж, хотя там его ждали гораздо позже. Лен до нитки промок и дрожал.

Паромщик был родом из Рефьюджа. Он дал Лену одеяло и помог немного счистить грязь.

— Я убью их! — Лен с ненавистью сжал кула-

ки.

— А я вот что скажу тебе, — отозвался паромщик, — пусть только сунутся в Рефьюдж — сразу узнают, что такое настоящие неприятности.

К полудню дождь прекратился, а к пяти часам паром вновь был у пристани Рефьюджа. Лен подробно рассказал о случившемся Далинскому Тот лишь сокрушенно покачал головой.

— Мне очень жаль, что так вышло, Лен. Я должен был все предусмотреть.

— Зато теперь мы знаем, что они наверняка придут на собрание.

Далинский кивнул:

— Пожалуй, ты прав, — сказал он. — А теперь пойди переоденься и поешь. Встретимся позже.

В поселке торговцев Лен столкнулся с Фишером, и тот спросил, удивленно глядя на него:

— Что это с тобой?

— Так, маленькая неприятность, — неохотно ответил Лен, не желая ни о чем разговаривать.

Лен вошел к себе, закрыл дверь и сбросил одежду, покрытую толстым слоем желтой грязи. Сомнения мучали его. Он не переставал думать о том, смогут ли Хостеттер и его друзья что-нибудь сделать, если опасность станет реальностью. Лен помнил, что сказал ему незнакомец: “Тебя не

всегда смогут спасти”.

Часть 11

Широкая площадь Рефьюджа заросла травой. С севера ее подпирало суровое, мрачное и внушительное здание церкви, с запада и востока — магазины, дома и школа С южной стороны виднелась городская ратуша. В ней находились зал судебных заседаний, архив и другие помещения, необходимые городским властям. Лен заметил, что некоторые хозяева магазинов закрыли окна ставнями.

На площади собралась приличная толпа. Здесь можно было встретить и деревенских фермеров, и городских нью-мененнайтцев. Посередине возвышалась кафедра, обычно служившая проповедникам, а иногда, во время всеобщих выборов, ораторам. Сегодня вечером с этой кафедры будет говорить Майк Далинский.

Лен вспомнил один из рассказов бабушки, как раньше оратор мог разговаривать со всей страной через удивительные коробки. Лен с волнением подумал о том, что сегодняшний вечер, возможно, станет началом долгого пути назад. И Майк Далинский попытается сегодня убедить

в этом горстку людей из городка Рефьюджа на реке Огайо.

Из боковой двери церкви вышел проповедник, брат Мейерхоф, за ним — четверо дьяконов, пятого Лен не мог узнать до тех пор, пока пламя горящих факелов не осветило его. Это был судья Тэйлор. Они прошли мимо и вскоре исчезли в толпе. Лен был уверен, что эти люди первыми начнут спорить с Далинским, который в этот момент показался с другой стороны площади в сопровождении полудюжины молодцов с длинными шестами в руках. К шестам привязали факелы и установили их вокруг кафедры, и она казалась теперь огромным огненным столбом в кромешной тьме. Далинский начал речь.

Неожиданно кто-то схватил Лена за руку. Он обернулся и увидел Исо. Тот знаком попросил его выйти из толпы.

Когда они оказались вне пределов слышимости, Исо заговорил:

— На реке появились незнакомые лодки. Предупреди Далинского, Лен, а я — должен вернуться на пристань. — Он огляделся. — А Эмити здесь?

— Не знаю. Я видел только судью.

— О, Господи. Послушай, мне нужно уходить. Если увидишь Эмити, передай ей, что я вер-

нусь, — она поймет.

— Ты думаешь? А мне кажется, ты просто хвастался, когда говорил, что никто не смо…

— Заткнись! Передай Далинскому о лодках.

— Мне кажется, ты во что-то вляпался. Ладно уж, если не увижу Эмити, то передам твои слова ее отцу.

Исо выругался и исчез в темноте. Люди спокойно, серьезно и сосредоточенно слушали Далинского, говорящего со страстной искренностью. Его час настал, казалось, он приберег все свое красноречие для этого собрания.

— …что случилось восемьдесят лет назад. Но сегодня ничто не грозит нам. Почему же мы должны продолжать жить в страхе, если все давно позади?

В толпе послышались возгласы одобрения и негодования. Далинский не стал ждать, пока толпа успокоится.

— Я скажу вам, почему: нью-мененнайтцы потакают правительству. Их религия, их жадность направлены против них же. Нет, вы не ослышались, я сказал жадность! Все они — фермеры. И не хотят, чтобы центры торговли, подобные Рефьюджу, разрастались и богатели. Они будут сопротивляться, если мы попытаемся вытолк-

нуть их с тепленьких местечек в конгрессе, где они создают бессмысленные законы себе же на руку. Ведь это они запрещают нам строить новый склад, когда это необходимо. Я обращаюсь к вам, брат Мейерхоф, вы считаете, что нью-мененайтцы вправе учить нас жить, или Церковь Всеобщего Благодарения тоже имеет отношение к этому?

— Не собираюсь сейчас обсуждать ни то, ни другое. Поговорим лучше о вас, Далинский, и начнем с того, что все ваши речи — богохульство!

Его голос потонул в гуле толпы. Лен с трудом пробился к кафедре. Далинский не сводил с Мейерхофа глаз, на лбу его выступили капельки пота.

— Как вы сказали? Богохульство? Не соблаговолите ли объяснить подробнее?

— Вы были в церкви. Вы читали книги и слушали проповеди. И прекрасно знаете, что Всемогущий очистил землю нашу от городов, и с тех пор приказал детям своим следовать тропой праведника, подчиняясь душе своей, а не плоти. В пророчестве Наума…

— Но я не собираюсь строить-здесь город. Мне всего-навсего нужен новый склад.

В толпе послышались смешки, которые, однако,

быстро умолкли. Лицо Мейерхофа побагровело. Лен взбежал по ступенькам на кафедру и что-то прошептал Далинско-му. Тот кивнул, и Лен снова спустился вниз. Ему очень хотелось попросить Далинского оставить в покое нью-ме-ноннайтцев, но он побоялся, что это ухудшит их отношения.

— Кто, — вопрошал Далинский, — рассказал вам о больших городах? Вы, судья Тэйлор?

При свете факелов лицо судьи было особенно бледным. Когда он заговорил, тихий голос немного дрожал.

— Тридцатая поправка Конституции США запрещает вам делать это. И никакие собрания не изменят закона, Далинский.

— А, вот оно что. Вы ошибаетесь. Все изменить могут именно собрания. Если собирается много народу, если голоса их звучат достаточно громко и убедительно, новый склад будет построен, — голос Далинского перерос в крик, — подумайте об этом, люди! Ведь если дети ваши будут жить в Рефьюдже, то вашим внукам придется покинуть родину, потому что они не смогут построить дома для своих семей — это запрещено законом. И вы считаете это правильным?

Послышались одобрительные возгласы. Далинский усмехнулся.

Незнакомец приблизился к толпе, за ним — еще и еще, медленно и тихо подходили они откуда-то с реки.

— Всегда, во все времена отречение от Господа порождало зло, — дрожащим от ярости голосом сказал Мейерхоф.

— Возможно, — рассеянно ответил Далинский. Взгляд его был прикован к толпе, — и я публично признаюсь в том, что не верую.

Он быстро взглянул на Лена, предупреждая его глазами, затем спокойно продолжил:

— Я отрекаюсь от нищеты, голода и страданий. И не знаю ни одного человека, кто поступил бы по другому, за исключением разве что нью-ишмалайтцев. Не думаю, однако, что их мнение играет какую-то роль. По правде говоря, мы сами чуть не вышвырнули их за пределы страны. Повзрослевшее и здоровое дитя нельзя связать по рукам и ногам, чтобы прекратить его рост.

Судья Тэйлор взбежал на кафедру. Удивленный Далинский осекся на полуслове. Тэйлор ожег его горящим взором и заговорил:

— Действия человека часто не совпадают с его словами. Я собираюсь предоставить вам факты, и посмотрим тогда, что скажет на это мистер Далинский. Если вы нарушите городской закон, это

заденет не только Рефьюдж, но и все деревни вокруг. Нью-мененнайтцы — народ миролюбивый, их вероисповедание запрещает любое насилие. И они всегда и во всем будут следовать закону. В округе существует много сект с различными вероучениями. Не сомневаюсь, что они сочтут своим долгом выступить в защиту Господа.

Судья замолчал. Стало так тихо, что Лен слышал дыхание толпы.

— Подумайте хорошенько, — продолжил Тэйлор, — прежде чем бросить вызов, который неизменно обернется против вас.

Послышались аплодисменты.

— Кого же вы так испугались, судья? Фермеров? А может, людей из Шедвелла? — Далинский облокотился на перила и призывно кивнул головой в сторону толпы: — Ну-ка, поднимитесь сюда, старшины Шедвелла! Поднимитесь, мы хотим видеть вас. Таким храбрецам, как вы, нельзя бояться. Тут, в толпе, стоит парень, который может рассказать о вашей храбрости, Лен, поднимись сюда!

Лен поднялся, не глядя на судью Тэйлора, и Далинский подтолкнул его к перилам.

— Многие из вас знают Лена Колтера. Сегодня утром я послал его по делам в Шедвелл. Ну-ка, расскажите нам, шедвеллцы, как гостеприимно

вы приняли его.

В толпе послышались возгласы. Многие обернулись назад.

— В чем дело? — голос был громким и грубым, — Ему не понравился вкус шедвеллской грязи?

Раздавшийся смех прервал другой голос, который хорошо запомнился Лену:

— Эй! Передал ли ты наше послание?

— Да, — ответил Далинский. — Ну-ка повтори людям их слова, Лен. Громко, чтобы все слышали.

— Сегодня ночью вы еще пожалеете о том, что заварили эту кашу, — тяжело дыша, сказал Тэйлор и быстро сошел вниз.

Лен повернулся лицом к толпе:

— Они собираются помешать нам! Помешать разбогатеть и вырасти. Вот зачем они здесь сегодня! — Он продолжил срывающимся от волнения голосом: — Я не знаю, кто из вас боится их. Но только не я.

Лен перепрыгнул через перила и слился с толпой. Ярость закипала в нем, и Лену было безразлично, что сделают с ним. Он яростно прокладывал себе путь в толпе, и вдруг люди расступились. Прямо перед ним плечом к плечу стояли шедвеллцы. Далинский что-то кричал,

слышались названия обоих городов. Толпа заволновалась, закричала какая-то женщина. Шедвеллцы вытаскивали спрятанные под одеждой дубинки. Охваченный жаждой мщения, Лен пошел прямо на них. Толпа взревела, и началась драка.

Лен сбил обидчика с ног, топтал его ногами, вокруг слышались стоны и ругань. Кто-то ударил Лена по голове. На мгновение мир перевернулся, а когда все стало на свои места, Лен оказался в кипящем людском водовороте. Одной рукой он схватил кого-то за пальто, другой слепо наносил удары. Водоворот поднял и отшвырнул его к закрытым ставням какого-то дома. Он немного постоял там, чтобы отдышаться, струйка крови сбегала по рубашке из разбитого носа.

Толпа рассеялась. Вокруг кафедры все еще горели факелы, но никого не осталось на поросшей травой площади, лишь кое-где виднелись брошенные шляпы. Сражение переместилось на улицы, ведущие к пристани. Не задумываясь, Лен побежал на шум борьбы.

Когда он, наконец, достиг пристани, шедвеллцы, ругаясь, толкаясь и отпихивая друг друга, пытались как можно быстрее сесть в лодки. Вдоль берега стояли жители Рефьюджа. Трое

барахтались в воде, пытаясь влезть в лодки. Воздух звенел от криков и проклятий, а в середине толпы стоял Майк Далинский; темное пальто его было порвано, из разбитой губы сочилась кровь:

— Что, вы все еще хотите Домешать нам? Вы собираетесь диктовать, что нам можно делать, а что нет?

Внезапно парни подхватили его с обеих сторон и подняли на плечи. Когда лодки шедвеллцев скрылись из виду, толпа повернула назад, все еще не отпуская Далинского. Люди что-то выкрикивали и направлялись к новому складу, вокруг которого горели костры. К ним присоединились сторожа. Лен смотрел на них, испытывая радость, гордость, сладкое чувство победы. Но вдруг, оглянувшись, он заметил свет в поселке торговцев. Нахмурившись, Лен пристально всматривался в темноту, и когда шум толпы немного стих, он услышал отдаленные голоса и ржание лошадей и, сломя голову, бросился к поселку.

Площадь была освещена фонарями и факелами. Люди выводили из конюшен лошадей, запрягали их, укладывали вещи, готовили фургоны. Лен смотрел на все это, чувство триумфа и волнение оставили его, вернулась усталость.

Увидев Фишера, Лен подошел к его упряжке и

остановился. Фишер продолжал работать.

— Почему все уходят? — спросил Лен. Фишер внимательно и сурово посмотрел на него из-под полей шляпы.

— Фермеры покидают Рефьюдж, они боятся. И мы тоже не намерены ждать беды.

Фишер внимательно осмотрел, все ли готово. Лен отступил в сторону, и Фишер взглянул на него сверху вниз, так же как когда-то отец.

— Я был о тебе лучшего мнения, Лен Колтер, — сказал он. — Однако, подбирая горящие головни, каждый может обжечься. Да хранит тебя Господь!

Он встряхнул поводья, прикрикнул на лошадей, и его фургон со скрипом покатился в ночь, за ним — другие, а Лен все стоял и смотрел им вслед.

Часть 12

Ровно два часа. Жаркий, безветренный день. Рабочие покрывают брезентом северную и восточную стены склада. В Рефьюдже тихо, так тихо, что перестук молотков звучал, словно колокольный звон субботним утром. Большую часть товаров увезли к пристани, кругом пустынно.

— Думаешь, они снова нагрянут? — спросил Исо.

— Не знаю, — Лен пристально всматривался в противоположный берег. В глубине души он надеялся увидеть там Хостеттера или просто знакомое лицо — безразлично кого, лишь бы нарушить гнетущую неизвестность и пустоту ожидания. Все утро до восхода солнца из города катились повозки с женщинами и детьми на узлах, с ними уехали некоторые мужчины.

— Они ничего не станут предпринимать. Они не посмеют, — сказал Исо. В его голосе, однако, не было уверенности.

Исо и Лен стояли в дверях конторы, погруженные в жаркую тишину.

— Далинский расставил на всех дорогах своих

людей. Если что-нибудь произойдет, мы первыми узнаем об этом.

— Да, — отозвался Лен, — хотелось бы верить.

Удары молотков гулко раздавались в воздухе. У края площади, невидимые в тени деревьев, слонялись без дела люди, собирались маленькими группками, разговаривали, но к ним никто не подходил, и от этого Лен чувствовал себя совсем одиноким. Лен понимал сомнения, подозрения и дурные предчувствия этих людей, непонятно было их стремление приостановить прогресс. Время от времени рабочие доставали из укромного местечка в куче бочонков кувшин кукурузной водки, передавали его по кругу и вновь прятали, но только двое были по-настоящему пьяны.

Повинуясь внезапному порыву, Лен прокричал группе людей, расположившейся в тени дерева:

— Какие новости?

Один из них отрицательно покачал головой:

— Никаких пока.

Вчера вечером он был среди тех, кто громче всех поддерживал Далинского, но сегодня от былого энтузиазма не осталось и следа. Внезапно он наклонился, поднял камень и запустил его в стайку ребятишек, резвившихся неподалеку:

— Вон отсюда! Это вам не место для игр. Прова-

ливайте, и поживее!

Дети немного отошли в сторону, а Лен вернулся в контору.

— Слушай, Лен… — обратился Исо.

— Ну что еще?

— Как нам вести себя, если они все же придут?

— Откуда мне знать? Думаю, драться. Посмотрим по обстоятельствам. А сейчас оставь меня в покое, я сам ничего не знаю.

— Зато я знаю точно: не собираюсь рисковать своей жизнью из-за Далинского. Плевать мне на него.

— Поступай как знаешь, — раздраженно ответил Лен, он мог сейчас вспылить по самому ничтожному поводу. К тому же Лен прекрасно знал, о чем сейчас думает Исо.

— Ты сказал: “Поступай как знаешь”. А как, по-твоему, я должен поступать? Ведь это склад Далинского, а не мой, и я не стану рисковать головой ради него. Я…

— Заткнись. Смотри.

Мимо пристани к ним направлялся судья Тэйлор. Исо ругнулся и скрылся в дверях конторы. Лен ждал, зная, что люди у пристани наблюдают за ними, словно происходящее наполнено особым смыслом.

Тэйлор подошел ближе и остановился:

— Передай Майку, что я хочу поговорить с ним.

— Его здесь нет.

Судья пристально посмотрел на Лена, словно пытаясь угадать, правда ли это. Губы его были плотно сжаты, взгляд — суровый и строгий.

— Я пришел, — сказал он, — в последний раз предупредить Далинского.

— Он где-то в городе. Может быть, вы встретите его там.

Тэйлор отрицательно покачал головой.

— На все воля Божья, — сказал он и пошел прочь. Дойдя до угла, он остановился и опять заговорил:

— Я предупреждал тебя, Лен Не тот слеп, кто лишен зрения, но тот, кто наделен им, а не видит ничего вокруг себя.

— Постойте! — Лен вплотную подошел к судье. — Вы что-то знаете. Скажите мне!

— На все воля Божья. Придет время — узнаешь сам.

Лен подался вперед, схватил его за воротник дорогого пальто и сильно встряхнул:

— Вы разговариваете сами с собой. Господу, должно быть, до смерти надоело, что каждый

прячется за его спину. Ничто не происходит в этом городе без вашего участия. Так скажите же мне, я должен знать правду!

Обреченность затаилась в глазах Тэйлора. Он с удивлением посмотрел на руки Лена, все еще державшие его за воротник, и тот, покраснев, убрал их.

— Я прошу простить меня, — произнес он.

— Да-да, понимаю, — спокойно отозвался Тэйлор, — ты хочешь все знать, но это твои проблемы. Разве не я просил тебя остановиться, пока не поздно, — лицо его смягчилось, сострадание и печаль отразились в глазах. — Дела обстоят слишком плохо, Лен. А ведь я мог бы любить тебя, как собственного сына.

— Но что же, в конце концов, произошло?

— Никогда больше не будет городов. Существует закон, и все должны подчиняться ему.

— Да вы боитесь, — медленно и удивленно произнес Лен. — Я все понял, вы просто боитесь, считая, что если маленький город станет большим, с неба вновь посыпятся бомбы, и вы погибнете.

— Тс-с, — прошептал судья, подняв указательный палец.

Лен замер и прислушался. Люди в тени деревьев

и у пристани тоже замерли. В дверях конторы показался Исо. На стройке один за другим перестали стучать молотки.

Ветер принес звук песни — слабый и далекий, но воинственный, он почему-то наводил ужас, пугая своей неизбежностью, его невозможно было ни остановить, ни заглушить. Вначале Лен ничего не мог разобрать, но затем, напряженно вслушиваясь, понял: “Глаза мои видели пламя пришествия Господа”.

— Прощай, Лен, — сказал судья и отошел с высоко поднятой головой и бледным суровым лицом.

— Нам нужно срочно бежать отсюда, — прошептал Исо и скрылся в конторе. До Лена донеслись его шаги по деревянным половицам. С минуту Лен колебался, а затем изо всех сил понесся к городу, навстречу приближающемуся гимну: “Пламя, пламя, алиллуйя, да прийдет царствие твое!”

Ужас охватил Лена, он задрожал. Люди на пристани беспорядочно побежали. Женщины, старики, дети в панике высыпали из домов, прислушиваясь, покрикивая друг на друга, пытаясь выяснить у прохожих, что же случилось. На площади мимо Лена пронеслась повозка — так близко, что пена лошадей забрызгала его. В повозке неистово вопила женщина, испуганные

ребятишки прижались друг к дружке и плакали. Через площадь бежали люди: кто-то к главной северной дороге, кто-то — бесцельно, сломя голову.

Женщины беспрерывно приставали с расспросами: не видел ли кто-нибудь их мужей, сыновей, с просьбами объяснить, наконец, что происходит. Лен улизнул от них, опрометью бросившись к северной дороге.

Далинский был на окраине города — там, где среди полей созревшей озимой пшеницы проходила широкая дорога, и с ним — около двухсот мужчин, угрюмых и обеспокоенных, вооруженных дубинками, ломами, охотничьими ружьями и кирками. Бледный Далинский вытирал о штаны вспотевшие руки, перекладывая тяжелую дубинку. Далинский лишь молча взглянул на Лена, когда тот подошел к нему. Все его внимание было направлено на север, откуда приближалось желто-коричневое облачко пыли, звуки гимна и ритмичных шагов, и что-то до боли в глазах блестело на солнце.

— Этот город наш, — сказал Лен, — и мы имеем право перебить их всех.

Далинский вытер рукавом пот со лба и буркнул что-то непонятное. Лен оглянулся на защитников города:

— Они будут сражаться!

— Ты думаешь?

— Вчера ночью эти люди стояли за тебя горой!

— Это было вчера, а что ждет нас сегодня, — неизвестно.

Облако пыли приближалось, в нем уже были различимы сотни людей, а слепящий блеск превратился в лезвия кос и серпов, у некоторых в руках были ружья.

— Должно быть, они шли всю ночь, — отметил Далинский, — посмотри, да тут собрались проклятые навозные жуки по меньшей мере из трех округов.

Далинский вытер пот со лба и повернулся к людям:

— Спокойно, ребята, — и он вышел навстречу приближающейся толпе, надменный и гордый, глаза его метали искры.

Белоголовый человек с серьезным, непроницаемым лицом выступил ему навстречу, сжимая в руках дробовик. То, что он — типичный фермер, легко можно было определить по походке, медленной и степенной.

— Отойдите в сторону! — прокричал он Далинскому. Властные нотки в его голосе заставили Лена вспомнить о проповеднике, — мы не хо-

тим ничьей смерти, но, если нас вынудят, не остановимся ни перед чем. Отойдите в сторону, заклинаю вас именем Господа!

— Подождите минуту, — сказал Далинский, — ведь это наш родной город, и мы имеем право знать, что за дело привело вас сюда.

Человек окинул его с головы до ног холодным, беспристрастным взглядом:

— На нашей земле никогда не будет больших городов.

— Городов, — повторил Далинский и неожиданно рассмеялся. — А теперь выслушайте меня, сэр. Ваше имя — Ной Бардит, я наслышан о вас и даже знаю вас. В районе Двойных Озер вас считают проповедником. — Он подступил ближе, понизил голос. — Вы — искренний и честный человек, мистер Бардит, и я прекрасно понимаю: вы защищаете свою веру и пришли сюда, получив информацию, которую считаете истинной. Я готов вас обрадовать — все это ложь, в насилии нет необходимости.

— Вы сказали, насилие? Я пришел сюда не для этого. Но, повторяю, в случае необходимости не остановлюсь ни перед чем.

Фермер изучающе оглядел Далинского:

— Я тоже наслышан о вас. Уберетесь вы, нако-

нец, с дороги?

— Послушайте, — в голосе Далинского появились нотки отчаянья, — вам передали, что я собирался строить здесь город, но это сущий бред. Я лишь пытаюсь построить новый склад так же, как вы строите новые конюшни. И вы не имеете права врываться силой в этот город и приказывать мне, так же, как я не имею права командовать на вашей ферме!

Далинский бросил через плечо быстрый взгляд Лен рванулся к нему, словно хотел сказать: “Я тут, я с тобой!”

В этот момент из поредевших рядов мужчин Рефьюджа выступил Тэйлор.

— Разойдитесь по домам, — выкрикнул он, — и ждите Вам не причинят вреда. Сложите оружие и отправляйтесь по домам.

Они заколебались, глядя друг на друга, на Далинского, на плотно сомкнутые ряды фермеров. Лицо Далинского исказилось от ярости, он повернулся к судье:

— Эй, трусливая овца! Только ты виноват в том, что случилось!

— Ты причинил всем достаточно вреда, Майк. Жители Рефьюджа не должны больше страдать от этого. Уведи с дороги своих людей.

Далинский смерил злым взглядом его и Бардита:

— Что вы собираетесь делать?

— Очистить землю от зла.

— Проще говоря, сжечь мой склад и все, что попадется под руку. Вы — исчадия ада!

Далинский повернулся и прокричал мужчинам Рефьюджа:

— Послушайте, вы, идиоты! Надеетесь, они ограничатся моим складом? Да ведь они сожгут весь город. Разве непонятно, что настал момент, который на годы вперед определит вашу жизнь: останетесь ли вы свободными людьми или превратитесь в рабов! — голос его перерос в крик: — Вперед, боритесь, черт побери, боритесь же! — Он развернулся и пошел на Бардита с высоко поднятой дубинкой в руках. Не спеша, без колебания тот поднял свой дробовик и выстрелил.

Звук выстрела далеко разнесся в неподвижном воздухе. Далинский резко остановился, словно натолкнулся на невидимую твердую стену. Это продолжалось не больше двух секунд, затем дубина выпала из ослабевших рук, он схватился за живот, колени его подкосились, и Майк медленно начал оседать в дорожную пыль.

Лен бросился к нему, Далинский с трудом от-

крыл глаза, силился что-то сказать, но не мог, захлебнувшись кровью. Внезапно лицо его стало бледным, отрешенным и отдаленным, он вздрогнул и застыл навсегда.

— Майк! — глаза Тэйлора расширились. — Майк! — Он обернулся к Бардиту: — Что вы наделали?

— Убийца, — обезумев, закричал Лен, — проклятый толстобрюхий убийца!

Сжав кулаки, он рванулся к Бардиту, но и фермеры уже не стояли в стороне, словно смерть Далинского послужила сигналом, которого они ждали. Это застало Лена врасплох, и он столкнулся лицом к лицу с длинным здоровяком, чем-то напоминавшим человека, который во всеуслышание бросил обвинение против Соумса. В руках он держал длинную и узкую деревянную палку, из таких в Пайперс Ране делали изгородь.

Через мгновение Лена ударили по голове, и он упал. Его долго пинали и били ногами, а он, скорчившись, инстинктивно пытался защитить от ударов голову и живот. Затем день почернел, перед глазами Лена стояла пелена, и сквозь нее он с трудом различал, как защитники Рефьюд-жа удаляются все дальше и дальше, пока совсем не исчезли из виду.

Дорога опустела. Путь фермерам был открыт. И они двинулись к Рефьюджу, поднимая облако пыли, а на дороге остались лишь Лен, в трех—четырех футах от него тело Далинского и судья Тэйлор. Он не сводил глаз с мертвеца.

Часть 13

Лен медленно, с трудом поднялся на ноги. Голова его раскалывалась, к горлу подступала тошнота, но желание поскорее уйти подальше от этого страшного места было настолько сильным, что он невероятным усилием воли заставил себя идти. Он осторожно обошел тело Далинского, стараясь не смотреть на бурые пятна впитавшейся в пыль крови, прошел мимо судьи Тэйлора. Они не взглянули друг на друга и не проронили ни слова.

С трудом передвигаясь, Лен дошел до яблоневого сада около площади Рефьюджа. Почувствовал, что никто не видит его, Лен опустился в высокую траву и разрыдался, охваченный дрожью. Подождав, пока дрожь утихнет, он медленно поднялся на ноги и продолжил путь, петляя между деревьями.

Издалека, откуда-то со стороны речки, доносился странный шум, и порыв ветра принес еле уловимый запах дыма в неподвижном воздухе. Внезапно черный дым густой завесой взвился вверх, напоминая чадящий бочонок со смолой

или ламповым маслом. Казалось, весь берег реки охвачен пламенем.

По улицам города невозможно было передвигаться из-за множества повозок и обезумевших людей. То тут, то там кто-нибудь помогал нести раненого. Лен пробирался задворками. Дымовая завеса густо чернела, заволакивала небо, и солнце, отливая медью, проглядывало сквозь нее. С вершины холма Лен увидел людей, метавшихся по крышам домов, пытаясь потушить огонь. Лену был виден и новый склад, охваченный пламенем. Горели и четыре других склада Далинского. Группы людей двигались в различных направлениях, и там, где они появлялись, вспыхивало новое пламя.

А с другого берега за происходящим безучастно наблюдали шедвеллцы.

В конюшнях торговцев полыхало пламя, крыши построек разразились фейерверком искр. Лен подбежал к конторе, схватил парусиновый мешок и одеяло. Уже в дверях он услышал чьи-то шаги и поспешил скрыться среди деревьев. Сморщились листья, вздрагивали ветки от порывов страшного, обжигающего, нездорового ветра.

С реки поднималась группа фермеров. Они вошли в поселок торговцев, внимательно огля-

дывая все вокруг. Неповрежденными остались лишь аукционные залы. Один из фермеров, рыжебородый здоровяк, указал на них, обругав менял, а затем издал звук, похожий на вой гончих, идущих по следу. Они двинулись к залам, разрушая все на своем пути, поджигая все, что можно было еще поджечь, факелом, который нес один из них. К счастью, в своем безудержном неистовстве, они не заметили Лена, который в этот момент с горечью думал о Тэйлоре. Он и не предполагал, как много ему еще суждено повидать в этот длинный день.

Лен осторожно пробирался между деревьев вниз, к реке, сквозь зеленовато-желтую завесу. В воздухе пахло гарью и обгоревшими шкурами. Кружился пепел, словно грязноватый снег. Лен слышал звон пожарного колокола где-то в городе, но из-за дымовой завесы не видел ничего уже на расстоянии двух-трех футов. Он спустился вниз и направился в сторону строительной площадки нового склада, не переставая думать об Исо.

Казалось, весь берег был охвачен пламенем. Люди оставили это место. Некоторые спускались в лодках вниз по течению, с почерневшими от копоти лицами, в рваных одеждах, с обожженными руками. Отчаяние читалось в их глазах. Четверо

катались по земле, испуская стоны, извиваясь от боли. Другие же просто стояли и смотрели. Какой-то незнакомец держал в руках половину разбитого кувшина, наполненную водой.

Лен нигде не находил Исо и боялся за него. Он спрашивал о нем каждого встречного, но все лишь отрицательно качали головами. Казалось, они не понимают, о чем их спрашивал Лен. Наконец служащий по имени Ватте, который частенько бывал в конторе по делам, с горечью ответил:

— Не беспокойся, он в большей безопасности, чем кто-либо из нас.

— Что вы хотите этим сказать?

— Только то, что никто не видел его с тех пор, как все это началось. Он смылся, прихватив с собой девчонку.

— Девчонку? — ошалело переспросил Лен, пораженный уверенностью в голосе Ваттса.

— Ну да, девчонку Тэйлора. Сейчас он, наверное, где-то надежно укрылся. А куда это запропастился Да-линский? Я уж было поверил, что этот сукин сын — отчаянный борец.

— Я был на северной дороге, — медленно произнес Лен, — Далинский мертв. А поскольку ты жив, нетрудно догадаться, кто из вас дрался по-

настоящему.

Какой-то человек, стоящий рядом, тотчас обернулся, услышав имя Далинского. Несмотря на копоть, грязь, покрывшие его лицо, Лен все-таки узнал Эймса — владельца склада. Однажды утром он приходил с каким-то человеком поглазеть на новый склад и недоверчиво качал головой в ответ на предложение Далинского объединиться.

— Умер? — переспросил он. — Умер, я не ослышался?

— Они застрелили его. Фермер по имени Бардит.

— Умер, — в третий раз повторил Эймс. — Мне искренне жаль. Он должен, просто должен был жить!.. Какое наслаждение испытал бы я, увидев убийцу на виселице. — Он поднял руку, указывая на огонь и густую пелену дыма. — Посмотрите, как много он сделал для нас.

— Да, и не только он, — продолжил Ваттс, — братья Колтер с самого начала помогали ему.

— Если бы вы в свое время приняли предложение Далинского, — голос Лена дрожал от негодования, — ничего не произошло бы. Ведь он не раз предлагал вам сотрудничество, мистер Эймс. И мистеру Виннеру, и другим. Он обращался ко всему городу. Не вы ли танцевали вокруг

него прошлой ночью и кричали “ура”? Да и вас я видел там, мистер Ватте, а как только запахло жареным, все разбежались, как кролики. Никто на северной дороге и пальцем не пошевелил, чтобы предотвратить беду. Вы предоставили все Майку, и теперь он убит.

Лен бессознательно повысил голос. Люди, стоящие рядом, подошли ближе.

— Сдается мне, — сказал Эймс, — что ты, чужеземец, чересчур рьяно интересуешься нашими датами и слишком часто суешь нос, куда не следует. Почему ты думаешь, что способен что-либо изменить в нашей жизни? Не один десяток лет я работал для того, чтобы построить свой склад, и вдруг появились ты и Далинский… — он запнулся, из глаз его покатились слезы, губы задрожали.

— И правда, — сказал Ватте, — откуда ты взялся? Кто дал тебе право называть нас трусами лишь потому, что мы не хотим нарушать закон?

Лен исподтишка огляделся. Люди с непроницаемыми, бледными от ярости лицами со всех сторон обступили его. Дым обволакивал все вокруг черным облаком, уже не слышно было тревожного колокольного звона.

— Барторстаун, — произнес кто-то, и Лен принужденно рассмеялся.

Ватте резко подался вперед:

— Ах, ты, щенок, еще и позволяешь насмехаться над нами? Отвечай, откуда ты пришел?

— Я родился и вырос в Пайперс Ране.

— Почему же ты ушел оттуда? Зачем ты здесь?

— Он лжет, — сказал кто-то, — я уверен, что он — из Барторстауна. Там все хотят вернуть города.

— Это неважно, — голос Эймса был зловеще спокоен. — Он так или иначе во всем виноват, — руки его беспокойно двигались, словно в поисках чего-то.

— В Рефьюдже должен остаться хотя бы кусок веревки…

Окружавшие Лена люди согласно закивали.

— Веревка, — сказал кто-то. — Что ж, мы отыщем ее.

Кто-то добавил:

— Поищите заодно другого ублюдка. Мы вздернем их обоих.

Часть людей направилась в сторону реки, остальные крутились вокруг в поисках Исо.

Ваттс и еще двое набросились на Лена, сбили его с ног, месили ногами и кулаками. Эймс стоял в стороне, глядя то на Лена, то на зарево пожара.

Вскоре люди вернулись. Они не нашли Исо, зато принесли веревку — канат, которым при-

вязывали лодки на пристани. Ваттсу помогли схватить Лена. Один из мужчин завязал на веревке узел, сделал петлю и надел ее на шею Лена. Веревка была влажной, истрепавшейся, очень старой и пахла рыбой. Сильно дернувшись, Лену удалось порвать ее и освободить руки, но его снова схватили. Лен лягался, царапался, тузил их изо всех сил локтями, в эти мгновения ему смутно подумалось, что он сражается не только с этими людьми, но со всей необозримой, затравленной, подавленной страной — от моря до моря, от севера до юга, с жителями всех заснувших глубоким сном деревушек, не жаждущих пробуждения. Холодная веревка больно царапала шею, и Лен невольно содрогнулся от мысли, что никогда уже не сможет сойти с выбранного однажды пути.

Голова Лена кружилась и болела — сказывались удары, полученные на северной дороге, потом мир закачался, перевернулся, и Лен повалился на землю, ударившись о ствол дерева. Кто-то склонился над ним синие добрые глаза, рыжая борода с двумя седыми прядями.

— Если бы вас было не так много, я убил бы…

Но его прервали.

— Ты ведь не станешь убивать меня, Лен? Пойдем, мой мальчик, вставай.

Глаза Лена наполнились слезами.

— Мистер Хостеттер! — повторял он — Мистер Хостеттер!

Лен протянул к нему руки, страх и темнота остались далеко позади Хостеттер с усилием поставил его на ноги и перерезал петлю вокруг шеи.

— Беги! — сказал он — Беги, что есть сил!

И Лен побежал. С Хостеттером было еще несколько человек, они защищались шестами и баграми, но позиция нападавших была более выгодной, они совсем не собирались отпускать Лена, тем более, что внезапное появление Хостеттера и его людей подтверждало догадку о Барторстауне. Нападавшие кричали, ругались, хватали все, что попадало под руку камни, сучья, комья земли.

Лен, как только немного пришел в себя, рвался в бой, но Хостеттер взял его за руку и легонько подтолкнул к реке:

— Бегом вниз! Там ждет лодка.

Преследователи бросали камни, один попал в спину Хостеттера, и он так опустил голову, что его широкополая шляпа, казалось, лежит на плечах. Беглецы скрылись из виду в роще деревьев, и внезапно Лен остановился:

— Исо! Не пойду без Исо.

— Он уже в лодке! Быстрее!

Они бежали через пастбище, разогнав коров. У берега, надежно скрытая деревьями, стояла готовая к отплытию самоходная баржа. Несколько человек с топорами в руках ждали сигнала, чтобы рубить канаты. Лен увидел Исо, прислонившегося к перилам, а позади него — копну золотых волос и длинную юбку.

Беглецы вбежали на пристань, и Хостеттер что-то прокричал ожидавшим их людям с топорами. Их настигала разъяренная толпа, градом сыпались камни. Исо схватил Эмити и поспешно оттащил в сторону. Люди взмахнули топорами. Послышались крики, и показались рефьюджцы с Ваттсом во главе, а еще через мгновение они вбежали на пристань. Обрубленные канаты упали в воду, Лен, Хостеттер и еще несколько человек схватили длинные шесты, чтобы оттолкнуть баржу от пристани Ваттс и его люди упали в воду, потеряв равновесие. Послышались крики, ругательства, но баржа быстро отдалялась от берега, влекомая течением. Стоя по пояс в грязной воде, Ваттс грозил кулаком вслед:

— Теперь мы знаем, кто вы такие! Вам не уйти!

Остальные тоже что-то кричали — слов не разобрать, но смысл был ясен. Лен обернулся,

пристально всматриваясь в дома Рефьюджа. То, что не успели поджечь Бардит и фермеры, охватывало расползавшееся пламя.

Лен опустился на доски, обхватил колени руками, положил на них голову и почувствовал непреодолимое желание расплакаться, как ребенок, но слишком устал даже для этого. Он пытался заставить себя ни о чем не думать, но мысли вновь и вновь возвращались к Далинскому. вот он остановился и медленно начал оседать в дорожную пыль, Лен вновь чувствовал запах гари, и хриплый голос Бардита беспрерывно твердил:

— Мы не допустим возрождения городов.

Лен почувствовал, что кто-то стоит рядом. Он поднял глаза и увидел Хостеттера со шляпой в руках.

— Ну что ж, мой мальчик, мечте твоей суждено сбыться: ты на пути в Барторстаун.

Часть 14

Ночь была теплой и спокойной. Лунный свет, пробежавший зыбкой дорожкой по реке, превратил берега в темную бесформенную массу. Баржа медленно скользила по течению, покрытая парусиной на случай дождя.

Лену удалось немного вздремнуть, спать теперь не хотелось. Он сидел, прислонившись к какому-то тюку, и глядел на темную гладь реки.

Мимо, осторожно передвигаясь между ящиками, медленно прошел Хостеттер. Лен почувствовал запах его сигары. Хостеттер остановился:

— Тебе уже лучше?

— Мне тошно, — не скрывая раздражения, ответил Лен.

Хостеттер понял, что это значит, и кивнул:

— Теперь ты понимаешь, что я чувствовал в ночь, когда был убит Соумс.

— Убийцы, трусы, ублюдки! — Лен ругался до тех пор, пока голос его не сорвался и к горлу не подступил комок. — Ты бы видел, как они стояли на дороге, — продолжал он уже спокойнее, — а потом Бардит выстрелил в Майка. Он убил его,

словно какого-нибудь паразита в углу чулана.

— Да, — медленно произнес Хостеттер, — мы могли бы забрать тебя раньше, если бы ты не пошел к Далинскому.

— Неужели вы не могли помочь ему?

— Как? У нас нет армии, а если бы она и была, все равно никакого толку. Жизнь этих людей, их мировоззрение может изменить только некая всемогущая сверхъестественная сила. Наши же силы невелики, ты видел их вчера, да к большему мы и не стремимся.

— Майк умер ни за что, так ничего и не сделав.

— Не думаю, — возразил Хостеттер, — но чтобы победить, понадобится не один Далинский, а много, много таких, как он.

— И Бардитов тоже.

— Да. Однажды все изменится к лучшему.

— Этого придется ждать слишком долго.

— И тем не менее, будет так. А затем всех Далинских объявят великомученниками, павшими за идею. Знаешь, Лен, эти люди, так ожесточенно отстаивающие свои убеждения, в чем-то правы. Они довольны и по-своему счастливы. Никто из нас не в праве приказывать им перевернуть жизнь вверх дном.

— И поэтому ты стоял в стороне?

Раздражение послышалось в голосе Хостеттера:

— Мне кажется, что ты до сих пор не уяснил: ведь мы не завоеватели. Мы можем только защищаться, не пытаясь перекроить всю страну, тем более, что она сопротивляется.

— Как ты можешь говорить, что они правы? Эти невежественные болваны, подобные Бардиту, и двуличные ничтожества, подобные судье.

— Они честные люди, Лен. Да, они по-своему честны. И тот, и другой благородно отстаивали сегодня утром свои позиции. Они искренне убеждены в своей правоте. Со времен сотворения мира никто — ни ребенок, укравший леденец, ни диктатор, истребляющий свой народ, — не совершил ни одного поступка, не будучи полностью уверенным в своей правоте и справедливости содеянного. Твой порыв называется рационалистическим, подобные вещи вредили человечеству больше, чем все пороки, вместе взятые.

— Может быть, Бардит — с этим я готов согласиться. Но только не судья. Он прекрасно разбирается в ситуации.

— Да в том-то и дело, что не всегда. Прозрение приходит поздно, иногда слишком поздно. Подумай сам, Лен: убегая из дома, ты в чем-нибудь

сомневался? Говорил ли ты себе: “Я собираюсь ступить на стезю Дьявола и сделать родителей несчастными?”

Лен опустил глаза и долго молча смотрел на воду. Наконец он сказал:

— Как они там? Здоровы?

— Я слышал, что у них все хорошо.

— А бабушка?

— Умерла год назад, в декабре.

— Да, она была очень старой.

Странное чувство охватило Лена при мысли о бабушке, словно безвозвратно ушла частичка его самого. И вдруг он с болезненной ясностью увидел ее, залитую солнечным светом на ступеньке их дома, не сводящую глаз с полыхающих осенним пламенем деревьев, услышал ее слова о красном платье, которое она носила много лет назад, когда мир был другим.

— Отцу никогда не удавалось заставить ее молчать.

Хостеттер молча кивнул:

— И моя бабушка была точно такой же.

Вновь молчание. Лен сидел, глядя на воду, прошлое тяжким грузом навалилось на него, и он уже не хотел в Барторстаун. Ему хотелось домой.

— У твоего брата все прекрасно, и уже двое

детишек, — сказал Хостеттер.

— Я рад.

— Пайперс Ран совсем не изменился.

— Нет, я уверен, что это не так. О, замолчи!

Хостеттер улыбнулся:

— У меня есть преимущество: я возвращаюсь домой.

— Значит, ты все-таки не из Пенсильвании.

— Мои предки жили там, я же родом из Барторстауна.

Внезапно Лен разозлился:

— Послушай, ты ведь знал о нашем бегстве из Пай-перс Рана и наверняка знал, где мы находились все это время.

— Да, знал и наблюдал за вами, наверное, поэтому меня не покидало чувство вины.

— Но почему, почему вы заставили нас так долго ждать? Ты же с самого начала знал, что мы хотим!

— Помнишь Соумса?

— Никогда его не забуду.

— Он доверился мальчишке.

— Но ведь… — тут Лен вспомнил, как Исо однажды обругал Хостеттера, и осекся на полуслове.

— Все эти годы, когда одного слова Барторстаун достаточно, чтобы вздернуть на виселице, мы

строго подчиняемся законам Барторстауна. Соумс нарушил его. Я нарушаю его сейчас, но имею на то особое разрешение. И поверь мне, это — событие века. Я целую неделю до хрипоты спорил с Шермэном.

— Шермэн, — перебил его Лен, встрепенувшись. — Шермэн хочет знать, что нового слышно от Бэйера…

— Что за чертовщину ты несешь? — Хостеттер был явно ошарашен.

— Я слышал это имя по радио. Той ночью я нарочно оставил дверь в конюшню открытой, коровы ушли, и мы с Исо побежали их искать вниз к ручью. Исо слишком нервничал и уронил радио, затем случайно размоталась металлическая нитка и послышались голоса о том, что Шермэн хочет знать… И еще о какой-то реке. Вот потому-то мы и направились вниз по течению, к Огайо.

— А-а, то самое радио, с которого все началось? Я чуть не сошел с ума, когда обнаружил, что его похитили, — Хостеттер поежился. — Крис… Когда я думаю о том, насколько он был близок к тому, чтобы выдать меня, прямо мороз по коже. Твой народ изгнал бы меня навсегда.

— Я никогда ни в чем не винил вас и пытался убедить Исо, что все не так просто, как ему

кажется.

— Да, ты можешь сказать фермерам спасибо, потому что если бы не события прошедшего дня, я не посмел бы даже заикнуться о вас Шермэну. Я сказал, что не хочу вашей смерти, что это будет мучить меня всю жизнь. В конце концов он согласился, но запомни, Лен, когда в следующий раз кто-нибудь даст тебе хороший совет, не стоит им пренебрегать.

Лен почесал шею в том месте, где ее расцарапала веревка, и ответил:

— Да, сэр. И огромное вам спсибо. Я никогда не забуду, как вы спасли меня от смерти.

— Не стоит благодарности. Скажи это не мне и не Шермэну, а тысячам людей, чье будущее будет зависеть как раз от твоего “никогда не забуду”.

— Вы боитесь полностью довериться мне, — медленно произнес Лен.

— Дело не только в этом.

— А в чем же?

— Мы направляемся в Барторстаун.

Лен нахмурился, пытаясь сосредоточиться и понять, на что намекает Хостеттер.

— Но ведь я давно мечтал попасть туда, с этого все и началось…

Хостеттер сдвинул свою широкополую шляпу

на затылок, стало видно его лицо, освещенное лунным светом. Он не сводил с Лена усталых глаз:

— Мы направляемся в Барторстаун. Ты выдумал себе фантастический город. Однако скоро ты попадешь в настоящий Барторстаун, и я сомневаюсь, что он будет походить на плод твоего воображения. Вряд ли ты полюбишь его. Поэтому я повторяю тебе вновь: забудь о том, что ты обязан мне чем-то.

— Послушайте, но ведь в Барторстауне можно учиться. Можно читать, обо всем разговаривать, наконец, мыслить по-настоящему.

Хостеттер кивнул.

— В таком случае, мне там понравится, — Лен задумчиво разглядывал смутные очертания берегов, сонную, темную воду.

— Мне никогда не захочется вернуться сюда. Никогда в жизни.

— Да, я думаю, ты быстро привыкнешь. У меня будет много неприятностей с Шермэном из-за Эмити. О ней ведь речь не шла, но не было другого выхода.

— Да уж, он удивится.

— Представь, она искала Исо, а затем помогла ему скрыться и неожиданно заявила, что не мо-

жет вернуться домой, к родителям.

— Почему? На это есть причина?

— Так ты ничего не знаешь?

— Нет.

— Причина есть, Эмити ждет ребенка.

Лен с открытым ртом уставился на Хостеттера. Тот поднялся навстречу человеку, направлявшемуся к ним из-под навеса, и тихо произнес:

— Сэм только что связался с Коллинзом по радио. Мне кажется, тебе лучше спуститься вниз, Эд.

— Что-нибудь случилось?

— Коллинз говорит, что вскоре после восхода луны одна за другой показались две лодки. Одна из них из Шедвелла, другая — из Рефьюджа.

— Попросим Коллинза на всякий случай понаблюдать за ними, — сказал Хостеттер и затем обратился к Лену: — У Коллинза небольшая лодочка, это наш передвижной пост. Ладно, пойдем. Пришел черед и тебе становиться жителем Барторстауна. Используй эту возможность.

Часть 15

Вслед за Хостеттером и незнакомцем — как выяснилось позже, его звали Ковэкс — Лен вошел в шалаш, занимающий около двух третей баржи. Он был построен скорее для укрытия груза, чем для экипажа судна. Здесь стояли узкие койки. На одной из них неподвижно лежала Эмити. Волосы ее рассыпались по подушке, лицо бледное, опухшее от слез. Исо сидел рядом и держал ее руку. Казалось, он сидит очень давно. Лен никогда не видел его таким осунувшимся и озабоченным.

Лен посмотрел на Эмити. Она холодно поздоровалась с ним, стараясь не встречаться глазами. Лен сдержанно ответил на приветствие. Казалось, встретились двое незнакомых людей, и Лен с болью вспомнил о золотоволосой девушке, которую он целовал в увитой розами беседке. Как быстро все ушло! А сейчас на койке лежала женщина, чужая, незнакомая женщина, и бремя невзгод уже наложило на нее свой отпечаток.

— Ты видел отца, Лен? — спросила Эмити. — С ним ничего не случилось?

— Когда я видел его в последний раз, ничего.

Фермеры не преследовали его и никогда не сделают этого.

Исо поднялся:

— А теперь постарайся уснуть, тебе станет легче.

Он поднялся и задернул тонкое одеяло, служившее занавеской. Эмити пыталась возразить, но затем сдалась и только попросила Исо не уходить далеко.

— Не волнуйся, — ответил он с нотками отчаянья в голосе, — я отсюда никуда не денусь.

Исо украдкой взглянул на Лена, затем на Хостеттера. Лен сказал:

— Я поздравляю тебя, Исо.

Тот слегка покраснел, пожал плечами и ответил почти вызывающе:

— Замечательно, что все так получилось. Ее отец все равно не дал бы согласия на наш брак, и ты, Лен, знаешь это лучше, чем кто-либо другой.

— Да, конечно, — ответил Лен, — я знаю.

— И сейчас я готов сказать тебе больше, — продолжил Исо. — Я буду хорошим отцом моему ребенку, лучшим, чем мой отец.

— Посмотрим, — ответил Лен, — мой отец был самым лучшим в мире, а я вот не смог стать похожим на него.

Вслед за Хостеттером и Ковэксом Лен спустился в трюм, где хранился груз. Каждый фут был загружен товаром: тюками, ящиками и узлами. От них исходил запах размокшего дерева, речной тины и множества других товаров, незнакомых Лену. За стенкой рубки ритмично и громко шумел мотор.

В трюме была подвешена квадратная тяжелая доска с небольшими углублениями, в одном из них Лен увидел предмет, напоминавший радио, только во много раз больше того, которое было у них с Исо. За этим своеобразным пультом сидел незнакомый человек и с кем-то разговаривал.

— А вот и они, — сказал он, — подожди минутку. — Развернувшись, он обратился к Хостеттеру: — Кол линз убежден, что лучше всего сейчас встретиться у водопада с Роузином. Здесь медленное течение, и он утверждает, что мы проскочим, если постараться.

— Стоит попробовать. Ты как на это смотришь, Джо?

Ковэкс ответил, что разделяет мнение Коллинза:

— Конечно, мы не хотим столкновения, но противники постараются воспользоваться случаем.

Исо тоже спустился вниз и стоял рядом с Леном.

— Вы говорите о Ваттсе?

— Да. Должно быть, он уже успел смотаться в Шедвелл за помощью, чтобы догнать нас.

— Идиоты! Они ничего не могут поделать с фермерами, и теперь решили вместе преследовать нас, — сказал Ковэкс — высокий, хорошо сложенный молодой человек с бронзовой от загара кожей. Казалось, его невозможно ни удивить, ни испугать, и сейчас Лена поразила уверенность в его голосе.

Хостеттер кивнул радисту:

— Решено, Сэм. Поговори с Роузином.

Сэм попрощался с Коллинзом и принялся крутить рычажки.

— Господи, — со вздохом сказал Исо, — а помнишь, как мы возились с этой штуковиной в надежде услышать хотя бы шепот, но у нас ничего не вышло, и я стащил книги.

— Если бы вы не догадались слушать радио ночью, вам не удалось бы извлечь из него ни звука, — сказал Хостеттер.

— Идея принадлежала Лену. Это он предложил, что днем вы рискуете быть услышанными или замеченными.

— Как, впрочем, и сейчас, — сказал Ковэкс. — Нам ведь необходимо высоко поднимать антенну,

а ее прекрасно видно даже при минимальном освещении.

— Замолчи, — вспылил Сэм, колдуя над радио, — вы что же, думаете я… Эй, ваши ребята не могут на минутку предоставить мне эфир? Это крайне необходимо.

Жужжание голосов, прорвавшихся из динамика, стало утихать, и внезапно послышался голос:

— Говорит Петто с переправы. Вы хотите что-нибудь передать?

— Нет, — ответил Сэм. — Мне нужен Роузин. У нас на хвосте — лодки из Рефьюджа.

— Неужели? Если понадобится помощь, дайте нам знать.

— Благодарю, — Сэм что-то переключил, продолжая вызывать Роузина.

Лен стоял возле лестницы, и ему казалось, что прошла целая жизнь с тех пор, как в Пайперс Ране, на берегу Пиматаннинга он пытался извлечь голоса из маленькой упрямой коробочки. И сейчас, удивленный и уставший, он смотрел и слушал, еще не осознавая, что и сам становится частью новой жизни.

— Это радио намного больше того, которое я стащил, — подавшись вперед, сказал Исо. Его глаза искрились, как и раньше, а едва обозна-

чившаяся морщинка от усталости теперь была незаметной. — Как оно работает? А что такое антенна? А как… — сыпались вопросы.

Ковэкс пытался объяснить что-то довольно смутное о батарейках и транзисторах. Но мысли Лена были далеки от происходящего. Задумавшись, он не сводил глаз с лица Хостеттера, полузатененного полями шляпы, такой знакомой коричневой шляпы, и вспоминал отца, брата Джеймса, бабушку, которая больше не будет жалеть о былом, и малышку Эстер, наверное, она стала совсем взрослой, а затем отвернулся, всматриваясь в темноту, из которой смутно проступали неясные очертания грузов. Медленно и четко стучал мотор, его короткие вздохи напоминали чье-то спящее дыхание. Лен слушал, как острые лопасти гребного колеса с плеском рассекают воду, слушал поскрипывание баржи и бульканье воды под ее днищем. На какое-то мгновение ему показалось, что они плывут домой, все перемены и события последних двадцати четырех часов отошли куда-то, и Лен почувствовал страшную усталость.

Сэм разговаривал с Роузином.

— Мы развили приличную скорость. Все будет в порядке, если, конечно, не наскочим на мель.

— Будьте осмотрительными, — из динамика зазвучал хриплый, надтреснутый голос Роузина. — В это время канал ненадежен.

— А что за порогами?

— Кроме сплавного леса, ничего. Я приказал свалить его в концах канала. Пока преследователи не применяют силу, мне не хотелось бы вмешиваться Я провел лучшие годы над постройкой всего этого, и малейшая тень подозрения…

— Подозрения? — перебил Коваэкс. — Но ведь нам предстоит еще долгий путь и мне не хотелось бы, чтобы баржа получила пробоину.

— Дай подумать, — сказал Роузин.

Последовала долгая пауза. Тяжело дыша, люди с нетерпением склонились над радио.

Послышался чуть застенчивый голос:

— Это опять Петто с индейской переправы.

— О'кей, ну что там?

— Послушай, я только что подумал: река обмелела, канал узкий, его совсем не трудно заблокировать.

— У тебя есть идея?

— Да. Дело в том, что как раз в этом месте работает землечерпалка, а ночью рабочие возвращаются в деревню. Если вы сумеете попасть туда до рассвета, я буду наготове. Землечерпалку

можно легко столкнуть в воду, и тогда мимо сможет проплыть лишь каноэ.

— Петто, — сказал Сэм, — я обожаю тебя. Ты все слышал, Роузи?

— Да. Похоже, мы так и сделаем.

— Так-то оно так, но нужно еще успеть туда добраться.

— Я прослежу за всем, — ответил Роузи. — До встречи.

— Ладно, Петто, — и они начали обсуждать расположение канала относительно переправы и их теперешнего местонахождения. Ковэкс обернулся к Исо и Лену:

— Идемте, — сказал он. — У меня есть для вас работа. Вы что-нибудь знаете о паровых двигателях?

— Почти ничего, — ответил Лен.

— Ладно. Все, что от вас сейчас требуется, — знать, как поддерживать огонь в печи.

— Да, конечно, — сказал Лен, радуясь возможности поработать. Он устал, но еще больше его утомляли мысли о прошлом, перед глазами стояло лицо умирающего Далинского. Вслед за Ковэксом он поднялся вверх по лестнице. Эмити, очевидно, уснула и, когда они тихонько прошли мимо, даже не пошевелилась. С минуту они ды-

шали прохладным и чистым воздухом, а затем спустились вниз — туда, где шумел мотор.

Здесь резко пахло раскаленным железом, и в воздухе стояла угольная пыль. Покрытый потом человек с лопатой в руках беспрерывно перемещался от кучи угля к пылающей печке.

— Я привел тебе помощников, Чарли, — сказал Ковэкс.

Тот кивнул:

— Запасные лопаты вон там.

Лен снял рубашку. Исо тоже начал было расстегивать пуговицы, но внезапно остановился:

— Я представлял все это совсем по-другому.

— Что? — не понял Ковэкс.

— Ну, двигатели. Я представлял их более совершенными.

Ковэкс покачал головой:

— Единственное доступное для нас топливо — уголь и дрова. И нам приходится довольствоваться этим. Кроме того, мы вынуждены частенько останавливаться, сюда приходит много народу, и первое, что они хотят видеть, — это двигатель. Если он чем-то будет отличаться от обычного, это станет заметным. Вы очень устали?

— Нет, — ответил Исо.

Он явно был разочарован. Ковэкс вышел. Исо

снял рубашку и принялся копаться в куче угля. Пока Чарли дробил уголь, молодые люди поддерживали огонь. Клубы пара повалили из трубы, быстрее завертелось колесо. И баржа, заметно увеличив скорость, продолжила свой путь по течению. Наконец Чарли дал знак, что можно немного передохнуть, и Исо с Леном остановились, облокотившись на лопаты, вытирая пот с лица.

— Не думаю, что Барторстаун окажется таким, каким мы его представляли, — сказал Исо.

— Ничего, посмотрим, — ответил Лен.

Казалось, прошло много времени, пока пришел сменщик и сообщил, что состязание в скорости закончено и они могут идти отдыхать. Наверху Лен почувствовал, как содрогается баржа, словно лопасти поменяли направление. Сегодня ночью нечто подобное уже было, поэтому Лен ничуть не удивился.

Он облокотился о доски, подрагивая от ночной прохлады и вглядываясь в непроглядную темень. Луна уже спряталась, а солнце еще не взошло. У самой кромки воды белела полоска тумана.

Казалось, впереди выросла огромная черная стена, преградившая путь реке, а через минуту баржа уже поворачивала. Лен зевнул, вслуши-

ваясь в лягушачий концерт. На берегу скорее угадывалась, чем виднелась, деревушка, настолько смутными и неясными были очертания домов. Вскоре в темноте зажглись два красных огонька.

На барже ответили, трижды мигнув фонарем. Откуда-то снизу последовала ответная серия бликов. Лен с трудом различил в темноте каноэ и сидящих в нем двух человек, а затем, неожиданно, огромную замлечерпалку, летящую прямо на него. Она скользнула в воду, похожая на остров полуразрушенного дома, громадная и тяжелая. Затем Лен вновь увидел красные огоньки. Какое-то время баржа стояла на месте, потом немного продвинулась вперед, потом еще немного и наконец медленно увеличила скорость, причалила к противоположному берегу и остановилась. Через минуту послышался какой-то шум.

— Было бы неплохо, если бы им удалось до завтра вытащить ее отсюда, — сказал Исо.

Лен кивнул. Впервые за последние несколько недель он почувствовал себя в безопасности. Теперь лодки из Рефьюджа не догонят их.

Лен вошел в шалаш, Эмити спала, он выбрал для себя койку как можно подальше от нее и почти моментально уснул. Последняя его мысль была об Исо: что он станет отцом, — затем выплыло из

темноты лицо Ваттса, и запах проклятой веревки чувствовался в воздухе. Лен что-то пробормотал, погружаясь в темноту, глубокую и спокойную.

Часть 16

На следующее утро они уже плыли по каналу, пристроившись к веренице лодок, продвигаясь очень медленно, хотя Ковэкс сказал, что сегодня Роузин пропускает их быстрее обычного. Солнце уже взошло, ветер разогнал туман. Ковэкс сказал, что, похоже, собирается буря.

— Да, где-то к обеду, — заключил Хостеттер, взглянув на небо.

— Когда пройдем канал, присмотри-ка место, где мы сможем пристать к берегу, — сказал Ковэкс и отошел, погруженный в заботы о своей любимице-барже. Хостеттер уселся на деревянном настиле в единственном месте на палубе, где была тень — позади шалаша, и Лен примостился рядом. Эмити ушла спать, и Исо был с ней. Время от времени до Лена доносились их приглушенные голоса, но понять смысл разговора было невозможно. Хостеттер с завистью взглянул на неутомимого Ковэкса, затем принялся изучать свои большие, покрытые мозолями руки.

— Я очень скучаю, — сказал он.

— Что так? — отозвался Лен.

— Скучаю по лошадям, по фургону. После стольких лет на колесах не просто вот так сидеть без дела. Не знаю, смогу ли привыкнуть к этому.

— А мне казалось, вы счастливы вернуться домой.

— В общем, да. Мне давно пора было это сделать, пока еще живы старые друзья. Ведь я веду двойную жизнь, а это имеет свои недостатки. Я оставил Барторстаун около тридцати лет назад, и с тех пор побывал там лишь однажды. Деревушки, подобные Пайперс Рану, теперь роднее для меня. Когда я как-то сказал, что намерен оставить торговлю, мне не позволили этого сделать, и я вынужден был продолжать… — Хостеттер задумался, устремив на берег невидящий взгляд.

В шлюзах журчала вода, баржа медленно опускалась, приходилось уже запрокидывать голову, чтобы увидеть вершину холма и берег. Солнце было в зените, даже легкий ветерок не приводил в движение тяжелый воздух. Полузакрыв глаза, Лен поджал под себя ноги, чтобы они не сгорели на солнце.

— А чем ты занимаешься? — спросил Лен.

Хостеттер удивленно посмотрел на Лена.

— Я — торговец.

— Я имею в виду на самом деле. Чем ты зани-

маешься в Барторстауне?

— Торговлей.

Лен насупился:

— Значит, я неправильно все себе представлял. Мне казалось, в Барторстауне живут только ученые и изобретатели.

— Я — торговец, — повторил Хостеттер, — Ковэкс — матрос, Роузи следит за состоянием канала, так как это жизненно важно для нас. Петто с индейской переправы — я знал и его отца, тот отлично разбирался в электронике, — тоже торговец, как и я, вот только не ездит с места на место. В Барторстауне много ученых и техников, и им необходима наша помощь.

— Вы хотите сказать, — Лен медленно растягивал слова, пытаясь вспомнить что-то, — что все эти годы вы действительно…

— Торговал? Да, это так. Население Барторстауна — около четырехсот человек, не считая нас, и все они нуждаются в одежде, еде и многом другом — от железа и различных сплавов до химикатов и лекарств. Все это приходится добывать нам.

— Да, понимаю, — отозвался Лен. Последовала продолжительная пауза. Затем он уныло произнес: — Четыреста человек. Это меньше половины населения Рефьюджа.

— И на много больше, чем предполагалось. Поначалу там было лишь около сорока специалистов, занятых разработкой тайного правительственного задания. После разрушения городов население прибавилось: пришли люди со своими семьями — учителя и ученые, люди, которые стали изгоями в этом мире. Нам повезло. Дело в том, что подобных секретных поселений было много, но лишь Барторстаун остался нерассекреченным, и потому не был уничтожен.

Лен сжал колени руками, глаза его расширились:

— И что же они делали там, эти сорок специалистов?

Во взгляде Хостеттера появилось странное, необычное выражение, но он лишь сказал:

— Они пытались найти ответ на какой-то вопрос. Я не имею права рассказывать тебе все, Лен. Скажу лишь, что они не нашли его.

— Но исследования продолжаются? — допытывался Лен. — Или это тоже секретно?

— Потерпи. Скоро мы приедем туда, и там ты получишь ответ на любой свой вопрос от компетентных людей.

— Когда я приеду туда, — пробормотал Лен, — как странно это звучит. Когда я приеду в Бартор-

стаун. Миллион раз я это повторял про себя, а сейчас наконец все стало реальностью.

— Будь осмотрительней с этим названием.

— Не беспокойтесь. Но все же скажите мне, какой он?

— Внешне он напоминает огромную гору.

Лен перевел взгляд на чистенькие деревушки по обе стороны канала, широкие зеленые поля, ухоженные фермы и спросил, вспомнив о своей мечте:

— И в нем нет ни огней, ни башен?

— Огни? И да, и нет, а вот башен, боюсь, нет совсем.

Лен вздохнул и умолк. Через несколько минут Хостеттер снял свою фетровую шляпу, вытер пот со лба и сказал:

— Ну и жара!

Лен посмотрел на небо. Оно было пронзительно синим и безоблачным. Но он знал, что скоро погода изменится. Он вновь засмотрелся на деревушку.

— А ведь на этом месте был когда-то город, да?

— Да, и притом огромный.

— Я читал, что он был назван в честь короля Франции.

— Ты прав.

— А что случилось со странами, подобными Франции?

— Наверное, они живут почти так же, как и мы. Бог его знает, что произошло с остальными. С тех пор, как был прорыт этот канал, в мире все словно перевернулось. Люди против прогресса.

— Неужели так будет вечно?

— Ничто и никогда не бывает вечным.

— Но я не доживу до этого времени, — пробормотал Лен, вспомнив слова Тэйлора, — и мои дети тоже.

— В конце концов этот мир не так уж плох. Наслаждайся им, — сказал Хостеттер.

— О да, — с горечью произнес Лен, — особенно, когда он полон людей подобных Бардиту, Ваттсу.

— Лен, подобные люди жили и будут жить во все века. — Хостеттер посмотрел в глаза Лена и продолжил: — А я не требую невозможного.

— Что ты имеешь в виду?

— Это всего лишь вопрос времени, и время само решит его.

Они прошли шлюзы и вновь плыли по реке, направляясь к водопадам. К полудню с севера надвинулись огромные почти черные тучи, и все затихло.

— Приближается шквал, — сказал Ковэкс, и

вновь послал Лена и Исо вниз, поддерживать в топке огонь.

Баржа с шумом шла вниз по течению, лопасти ее взбивали брызги. Стало еще жарче, затем послышался грохот, заглушивший скрежет лопат и лязг двери топки. Наконец Сэм просунул в люк голову и крикнул Чарли, что пора бросать работу и выбираться на берег. Измученные и мокрые молодые люди вылезли на палубу. Казалось, наступили сумерки. Низко опустилось свинцовое небо, казалось, оно накроет землю. Баржа стояла на якоре на середине реки под защитой какого-то острова; берега почти отвесно поднимались вверх.

— А вот и буря, — сказал Хостеттер.

Сильный порыв ветра наклонил деревья к самой земле. Затем обрушился ливень и укутал все своим серым покрывалом. Летели листья и сломанные ветки. Затем сверкнула молния, и послышались раскаты грома. Через некоторое время все неожиданно стихло, лишь моросил мелкий дождик. Все собрались на палубе, проверяя, нет ли повреждений, и дрожа от вечернего холода, а затем улеглись спать. Дождь почти прекратился, но внезапно с удвоенной силой обрушился вновь, превратившись в ливень. Яркие

вспышки молний пронзали небо то тут, то там. Около полуночи сквозь обессилевший дождь и приглушенные раскаты грома Лен услышал какой-то звук и понял, что это шумит напитавшаяся ливнем река.

Они продолжили путь на рассвете, тихом и светлом. Дул легкий приятный ветерок, небо напоминало тончайший голубоватый фарфор. Облака были легкими и пушистыми, и о вчерашнем неистовстве напоминали лишь плывущие по реке ветви деревьев да бурая от грязи речная пена. Отдалившись на расстояние полумили от ночной стоянки, они проплыли мимо целой вереницы барж, выстроенных вдоль южного берега. Еще через две мили они увидели наполовину вытащенную на песчаную отмель лодку торговца, наткнувшуюся ночью на корягу.

Это было только началом долгого путешествия, длинного и странного периода в жизни Лена. Они приплыли к устью Огайо, затем повернули на север, войдя в Миссисипи. Теперь приходилось бороться с течением, дровами они запаслись в районе Иллинойса, затем вновь продолжили путь, достигнув устья Миссури, и вошли в Биг Мадди.

Почти все время было жарко. Иногда шли

дожди, а в середине августа выдалось несколько очень холодных ночей. Нередко ветер был настолько сильным, что им приходилось пришвартовываться и пережидать его, а мимо проплывали вниз по течению баржи и лодки. Иногда после ливня вода поднималась, и течение было трудно преодолеть; казалось, они почти не двигались, а затем вода быстро падала до прежнего уровня. В двигатель забивался песок, который нужно было вычистить, и Лен и Исо подолгу работали. Несколько раз приходилось останавливаться, чтобы пополнить запасы топлива, Исо ворчал:

— Эта дорога ведет в ад, а не в Барторстаун.

— Будь у нас самолет, — говорил Хостеттер, — мы бы с удовольствием добирались бы по воздуху. Но плыть по реке все же гораздо лучше, чем идти пешком, и вскоре ты это поймешь.

— Сколько еще осталось? — спрашивал Лен. Хостеттер делал неопределенный жест в сторону запада.

— Сколько это займет времени? — не унимался Лен.

— Еще месяц, а может, и больше, если что-нибудь произойдет, может, меньше, если все будет в порядке

— Почему вы не хотите рассказать нам о Барторстауне? — приставал Исо. — Какой он, как выглядит?

— Увидишь, когда попадешь туда, — отрезал Хостеттер.

Он упорно избегал разговоров о Барторстауне, ограничившись замечанием, что Пайперс Ран — куда более приятное место. Другие тоже не желали говорить с ним об этом, какими бы туманными и завуалированными ни были вопросы, ответов на них юноши не получили. Лен без труда догадался, что им просто не доверяли.

— Вы боитесь, что мы можем проболтаться? — спросил он однажды Хостеттера. И добавил без тени упрека, словно констатируя факт: — Думаю, вы просто не доверяете нам.

— Дело не в доверии. Ни один житель Барторстауна не станет распространяться о нем, и вы должны больше наблюдать, чем расспрашивать.

— Я прошу прощения, — сказал Лен, — но ведь нас тоже можно понять. Мы слишком долго ждали этого. Думаю, нам многое предстоит узнать.

— Да, очень многое, — задумчиво подхватил Хостеттер, — и это будет не так уж просто. Вы столкнетесь с понятиями, не похожими на те, к которым вы привыкли, и в общем мне безразлич-

но, как вы отнесетесь к ним, но. все же я уверен: кое-что вы примете сразу и безоговорочно.

— Меня это мало волнует, — вставил Исо.

— Не сомневаюсь. Но есть еще Лен, и он не похож на тебя.

— Чем? — немного рассердившись, спросил Лен.

— Исо пропускает все мимо ушей, а ты — нет.

Позже, когда Исо ушел, Хостеттер положил руку на плечо Лена и улыбнулся, глядя ему в глаза. Лен, улыбнувшись в ответ, сказал:

— В такие минуты вы напоминаете мне отца.

— Вот и хорошо. Просто замечательно.

Часть 17

Пейзаж изменился. Остались позади бескрайние густые леса. Небо, бездонное и глубокое, казалось, обнимает весь мир, синее до боли в глазах; взгляд жадно блуждал в поисках дерева или хоть маленького кустика в надежде нарушить безграничную пустоту горизонта. Вдоль реки бесконечно тянулись деревушки. Хостеттер объяснил, что несмотря на внешнюю непривлекательность, здесь расположены отличные фермерские угодья.

Лен уже почти ненавидел это однообразие, скучая по холмам и долинам, мимо которых они проплывали еще несколько дней назад. Но в глубине души Лен не мог не восхищаться величием и грандиозностью окружавших просторов.

— Трудно привыкнуть к этому краю, — сказал Хостеттер, — но и он красив по-своему. В каждом уголке есть своя прелесть. Вот почему, мне кажется, тебе не нужно говорить о Барторстауне.

— Знаете, о чем я подумал? Мне показалось, вы совсем не рады своему возвращению.

— Перемены — это всегда трудно. Поневоле

привыкаешь к любой жизни, и стоит большого труда что-либо изменить.

И тут Лену пришла в голову мысль, и он удивился, что не спросил об этом раньше:

— У вас есть семья в Барторстауне?

Хостеттер сделал отрицательный жест:

— Я слишком много времени провел на колесах и не хотел себя связывать.

И оба они, как по команде, посмотрели вперед — туда, где возле шалаша сидели Исо и Эмити.

— Как все быстро у них получилось, — сказал Хостеттер.

В позе Эмити, в том, как она держала за руку Исо, было что-то собственническое. Она заметно округлилась, стала очень раздражительной и серьезно относилась к своему еще достаточно отдаленному материнству. Вспомнив об увитой розами беседке, Лен содрогнулся.

— О да, — посмеиваясь, сказал Хостеттер, — надо отметить, они два сапога — пара.

— Не могу представить, что скоро Исо станет отцом.

— Он уже у нее под каблуком. Не завидуй, мой мальчик, придет и твое время.

— Хотелось бы знать, когда.

Хостеттер вновь рассмеялся.

Баржа проделала путь к устью Плэйта. Лен работал, ел, спал и размышлял. Он чувствовал, что лишился чего-то и вскоре понял: нарисованной воображением картинки Барторстауна, миража, который жил в нем все это время. Этот мираж исчез, растаял, его заменили лишь голые факты: Барторстаун — довоенный засекреченный центр, построенный с целью каких-то исследований, названный в честь основателя Генри Уолтмена Бартора, министра обороны США. Лену казалось, что он лишился чего-то дорогого и очень важного.

Образы бабушки и Барторстауна настолько слились в его сознании, что он не мог думать о них отдельно. Лен часто вспоминал бабушкины рассказы, которые выводили из себя отца.

Они стали на якорь возле низкого берега. Вокруг — выжженная солнцем сухая трава и бесконечное небо. Над широкими просторами застыла тишина, ее не смогли нарушить ни непрерывное журчание речной воды, ни неугомонный ветер. Утром начали разгружать баржу, и только к полудню Лен смог перевести дыхание и вытереть застилавший глаза пот. И вдруг вдалеке он увидел облако пыли, которое приближалось с каждой минутой. Хостеттер удовлетворенно закивал:

— Да, это наш человек, он пригонит фургоны. Отсюда мы поднимемся в долину Плэйта, заберем остальную часть груза с южной развилки.

— А потом? — спросил Лен, и знакомое волнение заставило сильнее биться сердце.

— Потом нам предстоит последний рывок.

Через несколько часов подъехали восемь фургонов, запряженных мулами. Ими правили загорелые, сильные люди, одетые в кожу, а когда они сняли шляпы, лбы их оказались совершенно белыми. Они, как старых друзей, приветствовали Ковэкса, матросов и Хостеттера. Затем один из них, такой широкоплечий и крепкий, что, казалось, может без труда поднять фургон, внимательно оглядел Лена и Исо и сказал, обращаясь к Хостеттеру:

— Значит, это и есть твои ребята?

— Да, — ответил тот, слегка покраснев.

С другой стороны к ним медленно приблизился уже немолодой человек:

— Мой сын плавал по Огайо пару лет назад. Он сказал, что там все знают этих парней. Нужно предупредить его, что они с нами.

— Это было бы неплохо, — Хостеттер покраснел, как помидор. — Всего-навсего двое юношей. К тому же, я знаю их с самого рождения.

Старик с серьезным видом протянул руку, похожую на дубовый сучок, и Лен с Исо по очереди пожали ее.

— Ребята, — сказал он, — я рад, что вам захотелось в Барторстаун до того, как мой старый друг Эд окончательно ушел в отставку.

Посмеиваясь, он отошел. Хостеттер хмыкнул и принялся разбирать коробки и бочонки. Лен ухмыльнулся, а Ковэкс разразился смехом, кивая в сторону старика:

— Он не шутит.

— А, иди ты к черту, — выругался Хостеттер.

Ночь они провели на берегу, а на следующий день загрузили фургоны, заботливо перенесли туда все вещи. Для Эмити отвели специальное место. Ковэкс собирался продолжить путь к Верхней Миссури. Сразу после полудня тронулись в путь. Каждый фургон окружали три-четыре человека на небольших выносливых лошадках, Лен ни разу не видел таких. Он помог запрячь мулов, а затем занял свое место в одном из фургонов. Послышались щелчки хлыстов, и мулы медленно потащили фургоны по прерии.

Мелкий, но широкий Плэйт весело нес свои воды среди холмов. Спряталось солнце, подул ветер, перед путешественниками простиралась

бесконечная дорога. Лен вспомнил, как долго плыли они по Огайо, проклиная этот новый мир, вспоминая зелень лесов и трав. Однако вскоре прижавшиеся к реке ранчо казались уже более приветливыми, чем родные деревушки, наверное, потому, что встречались они редко. Приземистые строения были достаточно удобными для жилья.

Лену нравились местные жители — крепкие и загорелые. Казалось, они теряли частичку себя, когда появлялись без лошадей. Позади песчаных холмов снова начиналась прерия, там стадами ходили мустанги и одичавшие мулы. Хостеттер сказал, что эти животные до войны жили на фермах, после разрушения городов они одичали, что впоследствии сильно подорвало систему доставки продовольствия.

— Они расселились до самой границы с Мексикой, — Хостеттер глубоко вздохнул, оглядываясь вокруг: — Своими холмами, перелесками, зеленой долиной этот край напоминает Восток… Что-то в нем есть, правда, Лен?

— Не могу сказать, что я разлюбил Восток, но этот край мне нравится. Он такой громадный и пустынный, что я боюсь потеряться.

Было сухо, слишком сухо. Дул горячий, колю-

чий ветер, словно пиявка, высасывающий из земли влагу. Лен все время пил, на дне кружки неизменно оставался песок, а он никак не мог утолить жажду. Мили оставались позади, мулы тащили фургоны так медленно, и пейзаж вокруг был настолько однообразен, что казалось: они стояли на месте.

По оврагам между песчаных холмов спускались на водопой дикие стада. По ночам слышался вой койотов, а затем — мертвая тишина, лишь изредка прерываемая голодным воем случайного волка. Иногда они неделями не встречали жилья, иногда натыкались на случайный охотничий лагерь, обитатели которого были заняты солением мяса и грубой выделкой шкур. А время шло: как и на реке, оно казалось вечностью.

Наконец место встречи — южная развилка. Вокруг выжженная солнцем земля, а дальше, сколько мог охватить взгляд, простирались пески. Когда путешественники вновь пустились в дорогу, их караван насчитывал около семидесяти фургонов. Некоторые пришли из Великой Пустоши, другие — с Севера и Востока. Фургоны были нагружены шерстяными нитками, чугунными болванками, оружейными патронами и еще всякой всячиной. Хостеттер сказал, что подобная

процессия движется сейчас из Арканзаса, пересекая страну с юга на запад. Все продовольствие и товары должны быть доставлены до начала зимы. Пустоши становятся суровым местом во время зимних ветров, и фургоны может занести снегом.

Время от времени путешественники встречались с группами людей, поджидавшими их в условленном месте, а неподалеку от южной развилки, в деревушке из четырех домов, они нагрузили еще два фургона шкурами и сушеной говядиной. Когда Лен оказался один на один с Хостеттером, он спросил:

— Неужели у этих людей не возникало и тени подозрения относительно цели нашего путешествия?

Хостеттер отрицательно покачал головой:

— Нет, не возникало Они знают.

— Знают, что мы идем в Барторстаун?

— Да. Когда мы достигнем Барторстауна, ты поймешь, что я имею в виду.

Лен замолчал, продолжая думать об этом. Слова Хостеттера казались полным абсурдом. А фургоны с грохотом продолжали свой путь, люди изнывали от зноя и палящего солнца. И однажды после полудня впереди послышался возглас, ко-

торый передавался от одного к другому. Услышав этот сигнал, Хостеттер взялся за ружье.

— Что это значит? — спросил Лен.

— Думаю, ты слышал о нью-ишмалайтцах?

— Да, немного.

— А сейчас тебе предоставится возможность увидеть их.

Лен посмотрел в ту сторону, куда указывал Хостеттер, и увидел на вершине небольшого холма тесно сплотившуюся группу людей, около полусотни, которые, в г. свою очередь, внимательно следили за ними.

Часть 18

Лен спрыгнул на землю вслед за Хостеттером. Возницы оставались на своих местах, чтобы, не медля, если возникнет необходимость, поставить фургоны в оборонительную позицию. К Лену и Хостеттеру присоединились Исо, затем еще несколько человек, и среди них — ясноглазый широкоплечий старина Вепплоу.

— Что мы будем делать? — спросил Лен.

— Ждать, — ответили ему.

И они ждали. С холма медленно спустились двое мужчин и женщина, а посланник торговцев так же медленно направился им навстречу под прикрытием пяти вооруженных мужчин. Лен, не отрываясь, следил за происходящим.

Люди столпились на холме, похожие на неуклюжие мохнатые пугала, сделанные из старых сучков и потемневших кожаных полосок. Среди них были дети, пристально наблюдавшие за чужеземцами. Одетые в козьи шкуры, они словно сошли с картинок старой Библии. Все выглядели изможденными, дети — неухоженными и запущенными. Глубоко запавшие глаза

подозрительно осматривали пришельцев. Лен всего однажды видел в глазах подобный блеск — у собаки, больной бешенством.

— Они нападут на нас?

— Пока неясно. Иногда они нападают, иногда — нет. Зависит от обстоятельств.

— Каких обстоятельств?

— Большую часть времени нью-ишмалайтцы проводят в молитвах. Но случается, что один из них внезапно начинает дико визжать, бросается на землю и сучит ногами, а это — знак свыше, знак того, что всем нужно делать то же самое. Поэтому остальные лупят, стегают, избивают друг друга колючими ветками или кнутами — единственными атрибутами их религии, а после того, как устанут, убивают какого-нибудь хозяина ранчо, который нанес оскорбление Господу своим набитым желудком и крышей над головой. Что-что, а убивают они профессионально.

Лен содрогнулся. Лица ишмалайтцев порядком напугали его. Он вспомнил лица фермеров, когда они подходили к Рефьюджу, тогда его потрясла их дикая, фанатичная и безграничная вера. Но тут все было по-другому. Фанатизм фермеров нужно было подстегивать, фанатизм этих людей был их сущностью, они жили во имя этого.

Лен надеялся, что все обойдется. И ишмалайтцы не нападали, нерешительно застыли на ветру два дикаря и женщина — выносливое, мускулистое создание. Когда ее одежда приподнималась во время ходьбы, видны были костлявые, худые ноги. Ишмалайтцы подошли к каравану, очевидно, в поисках какого-то особого фургона Вепплоу ухмыльнулся:

— Да, на этот раз им всего-навсего нужен порох.

— Порох? — недоверчиво переспросил Лен.

— Как ни странно, их религия не запрещает им иногда питаться мясом, и каждый клан имеет пару ружей. Я слышал, что они никогда не убивают молодняк — только старых быков, и этого достаточно для удовлетворения плоти.

— Но порох… Разве они не убивают хозяев ранчо из ружей?

Старик отрицательно покачал головой:

— Их оружие — ножи и ногти, они умеют подбираться достаточно близко, когда хотят убить. Кроме того, пороха, который даем мы, едва хватает на охоту, — и он кивнул в направлении двух человек, один из которых нес небольшой бочонок.

Из ближайшего фургона послышался слабый

звук, и Исо поднялся на ноги:

— О Господи, это Эмити зовет меня. Она, наверное, до смерти напугана, — и он побежал к фургону, а Лен остался наблюдать за нью-ишмалайтцами.

— Откуда они здесь? — спросил он.

— Когда-то их было несколько человек, — ответил Хостеттер, — однако дурное семя дает обильные всходы. Остальных привезли с востока и высадили здесь — это были преступники, от которых хотели избавиться.

Маленький бочонок с порохом сменил хозяев.

— А что они дадут взамен? — спросил Лен.

— Ничего. В священном писании нет разрешения на куплю и продажу. Да у них все равно ничего нет. Если подойти к ним поближе, становится непонятным, куда они девают мясо убитых животных.

— Я думаю, — вставил Вепплоу, — они кормят им детей. Знаешь, однажды я нашел одного малыша, он потерялся и пищал в кустах, словно щенок койота.

Женщина вскинула руки. Было ли это молитвой, обращением к Богу или частью ритуала, Лен не знал. Порыв ветра откинул назад ее волосы, и Лен с удивлением заметил, что она совсем молода

и даже могла бы быть привлекательной, если бы не впалые щеки и не голодный блеск в глазах. Минут через пять они исчезли за холмами. Этой ночью барторстаунцы удвоили караул.

Два дня спустя они пополнили запасы пресной воды, затем удалились от реки к юго-западу, а сейчас приближались к красноватой глыбе, видневшейся вдалеке. Мулы и люди выбивались из сил, и Лен начал ненавидеть солнце. Когда окончились запасы воды, они наконец приблизились к глыбе, в которой зияло отверстие, шириной в два фургона, и Хостеттер объявил:

— Это и есть первые ворота.

Путешественники вошли внутрь. Дорога была гладкой и скользкой, и все, за исключением Эмити, вышли из фургонов, чтобы облегчить работу мулов. Через некоторое время все остановились. Лен спросил, почему.

— Так положено, — был ответ. — Мы не настолько доверяем людям, с которыми ведем торговлю, как это может показаться на первый взгляд. Вслед за нами не должен проскочить даже кролик. Необходимо остановиться, чтобы тебя тщательно осмотрели.

Лен вытянул шею, но ничего не увидел. Рядом с ним шли Исо и Вепплоу, который, взглянув на

Лена, захохотал:

— Паренек, они наблюдают за тобой сейчас, сидя в Барторстауне. Они тщательно с головы до ног тебя изучают и, если ты им не понравишься, нажмут одну маленькую кнопочку, и бу-ум! — Он сделал резкий жест рукой, и Лен и Исо вздрогнули. Вепплоу вновь рассмеялся:

— Что ты хочешь этим сказать? — сердито спросил Исо, настороженно осматриваясь по сторонам. — Ты хочешь сказать, что нас могут убить прямо здесь?

— Могут, — уверенно сказал Хостеттер. — Но не волнуйтесь. Их оповестили о вашем приезде.

Лен почувствовал, как по спине пробежал холодок:

— Но как они видят нас?

— Сканнеры, спрятанные в трещинах. Маленькие, не больше человеческого глаза. Кто бы ни появился здесь, они видят его в Барторстауне.

— И чтобы уничтожить нежелательных гостей, им всего-навсего нужно на что-то нажать? — облизнув губы, спросил Исо.

— Бу-ум! — повторил Вепплоу.

— Должно быть, там действительно скрывают что-то важное, — сказал Исо.

Вепплоу явно хотел что-то сказать, но его пре-

рвал Хостеттер:

— Подтолкни-ка фургон вот здесь, — и Вепплоу поспешно налег на подножку фургона, хотя в этом, казалось, не было необходимости. Лен сердито взглянул на Хостеттера, но тот невозмутимо толкал фургон, сосредоточив на этом все внимание. Лен улыбнулся и промолчал.

Позади туннеля начиналась дорога — добротная и широкая. Хостеттер сказал, что ее сделали еще до Разрушения. Дорога змеилась среди гор, и путешественники медленно поднимались вверх, мулы фыркали и хрипели, люди помогали им. Хостеттер поднял руку, указывая на горный перевал высоко в горах:

— Завтра.

Сердце Лена учащенно забилось, знакомое волнение иголочками покалывало изнутри. Он удрученно покачал головой.

— В чем дело? — спросил Хостеттер.

— Я и не предполагал, что в Барторстаун ведет дорога.

— А как же мы, по-твоему, попадаем туда и выезжаем обратно?

— Об этом я не думал, но предполагал, что город защищен стеной, или солдатами, или еще чем-нибудь.

— Барторстауну не нужна такая защита.

— Ты хочешь сказать, что люди всегда беспрепятственно достигали Барторстауна, поднимаясь вверх по этой дороге?

— Да, — просто ответил Хостеттер. — А разве ты не знаешь: лучший способ спрятать что-либо — оставить это что-то у всех на виду.

— Я вас не совсем понимаю.

— Скоро поймешь.

В глазах Лена зажглись огоньки, и он тихо повторил:

— Завтра!

— Ты ведь долго и настойчиво шел к этому, не так ли? И добился своего, — с минуту Хостеттер молчал, словно вглядываясь в прошлое, затем продолжил: — Тебе нужно время, Лен Там не все так хорошо, как в твоих мечтах. Нужно немного потерпеть и не делать поспешных выводов.

Лен серьезно и изучающе посмотрел на него:

— Ты все время твердишь мне об этом Зачем?

— Я лишь хочу внушить тебе: наберись терпения — И с внезапной злостью продолжил: — Жизнь — нелегкая штука. Вот в чем я пытаюсь тебя убедить.

Он пристально посмотрел на Лена, а затем отвернулся, тяжело дыша, механически перебирая

что-то в руках, как это делает сильно расстроенный чем-то человек, стараясь не выдать своего волнения. Лен медленно произнес:

— Ты ненавидишь это место? — Он сам не мог поверить в это, но когда Хостеттер сердито отрезал: — Что за глупости, конечно, нет, — Лен понял, что его предчувствие оправдалось.

— Зачем же возвращаться? Ты ведь спокойно мог остаться в Пайперс Ране.

— Так же, как и ты.

— У меня все было по-другому.

С минуту Хостеттер шел с опущенной головой, затем угрюмо произнес:

— Я никогда не думал, что вернусь сюда.

И быстро пошел вперед, оставив Лена. Лену до конца дня не удалось поговорить с ним с глазу на глаз. Он чувствовал себя таким же подавленным, как много лет назад, когда отец сказал ему, что Бога нет.

После полудня путешественники зашли так высоко в горы, что дорога, по которой они поднимались, была видна, как на ладони. Лена терзали сомнения. Ни желтоватые утесы, ни пыльные, высушенные солнцем пустоши, ни палящее солнце, конечно же, не поднимали его настроения. Он страстно желал уйти отсюда, нет, не домой и не

в Рефьюдж, а просто куда-нибудь, где есть трава, вода, жизнь. Куда-нибудь, где нет этих безобразных утесов, похожих…

На что?

На правду, горькую правду, лишенную мечтаний и надежд.

Это была невеселая мысль. Он пытался избавиться от нее, но она возвращалась каждый раз, когда он смотрел на Хостеттера, потерянного, ушедшего в себя, а после того, как они разбили лагерь, Хостеттер и вовсе исчез.

Дул холодный, порывистый ветер, путешественники разбили лагерь прямо у дороги. Лен заметил какие-то слова, выбитые на одном из камней. Буквы были основательно повреждены непогодой, но достаточно большие для того, чтобы их смогли разобрать: “Фол Крик, 15 миль”. Хостеттера не оказалось поблизости, и Лен спросил у Вепплоу, что значит эта надпись.

— Что, читать разучился, молодой человек? Она значит именно то, что там написано. Пятнадцать миль — это расстояние отсюда до туда.

— Понятно. Отсюда до Фол Крика пятнадцать миль. Но что такое Фол Крик?

— Город.

— В каньоне Фол Крик.

Лен почувствовал, что начинает ненавидеть барторстаунское чувство юмора.

— Какое отношение к нам имеет Фол Крик?

— Самое прямое. Он почти рядом с Барторстауном. А ты еще не забыл, куда мы направляемся, паренек? — и Вепплоу рассмеялся.

Лен поспешил отойти. Он злился на Вепплоу, на Хостеттера, на Фол Крик, на весь мир. Он завернулся в свое одеяло и улегся. Лен устал, как собака, но прошло много времени, прежде чем ему удалось уснуть. Во сне он искал Барторстаун, спрашивал о нем каких-то стариков, но они лишь отрицательно качали головами и говорили, что до Фол Крика осталось. пятнадцать миль.

Наутро все снова тронулись в путь. И Лен, и Хостеттер угрюмо молчали. К полудню они пересекли седловину горы и пошли быстрее. Спускаться вниз было намного легче, мулы шли быстро и уверенно, словно чувствуя, что они почти дома. Все заметно повеселели. Исо часто убегал от Эмити, чтобы спросить:

— Мы почти прибыли?

А Хостеттер терпеливо кивал головой.

— Почти.

В свете полуденного солнца они вышли еще к одному переходу среди утесов и увидели ка-

ньон. Хостеттер указал на него и беспристрастно произнес:

— Это здесь.

Часть 19

Фургоны спускались вниз по крутой дороге, скрипела потертая обувь, мулы от нетерпения брыкались задними ногами. Лен подошел к самому краю и заглянул в каньон, и застыл, ошарашенно глядя вниз. Исо подошел и стал рядом с ним. Затем он обернулся, бледный, дрожащий от ярости, и закричал:

— Вы надумали шутить с нами? Вам кажется смешным привести нас…

— Заткнись, — устало сказал Хостеттер с внезапным нетерпением — так приводят в чувство надоедливого ребенка. Лен даже не повернул головы. Он все еще смотрел вниз.

А внизу был город. Сверху виднелись только крыши — обычные крыши обычных маленьких домиков. Лен много перевидел подобных за свою недолгую жизнь и подумал, что, они, наверное, сложены из бревен. С северной части каньона виднелась голубая водная гладь, перегороженная плотиной. Позади плотины, под горным склоном, возвышались два странных сооружения, вблизи них проходили рельсы, вверх и вниз по склону

двигались крошечные вагончики, груженные горной породой. У подножья виднелись и строения поменьше, по другую сторону плотины — короткая дорога, ведущая в туннель, но ни вагончиков, ни рельс не было видно.

Лен увидел людей, копошащихся внизу. Упряжки крохотных мулов тащили по рельсам крошечные вагончики. Через несколько минут до них донесся звук, слабый и гулкий, словно далекое эхо. Лен вопросительно посмотрел на Хостеттера.

— В Фол Крике, — сказал он, — ведутся горные разработки. Хотя серебро расположено не очень близко к поверхности, месторождения очень богаты. Существование Фол Крика ни для кого не секрет. Вот здесь мы и живем.

— Но ведь это не Барторстаун, — медленно произнес Лен.

Запинаясь, он выдавил:

— Отец говорил мне когда-то о том, что места с таким названием не существует.

— И все же твой отец был не совсем прав. Это место существует, сотни людей живут и работают там.

— Но где? — сердито спросил Исо.

— Вы ждали столько лет. Подождите еще

несколько часов.

И они вновь вернулись на дорогу. Тень, отбрасываемая горой, теперь почти полностью закрыла каньон и достигла восточной стены. Внизу, у старого забоя, зеленела сосновая роща, ярко выделяясь на фоне красновато-коричневатых и желтых склонов.

— Фол Крик — совсем другой город, — сказал Лен.

— Ты никогда не сможешь увидеть все с первого взгляда. Эти дома построены из досок и бревен, потому что нам необходимо было использовать только то, что есть под рукой. Когда-то в Фол Крике было электричество, но лишь потому, что это было модно. Мода прошла, и электричества в Фол Крике больше нет. Самое главное в нашем положении — ничем не выделяться, и никто ничего не заметит.

— Но вместе с тем, это тайный город. Город, о котором никто ничего не знает. — Лен нахмурился, пытаясь разобраться. — Место, которое вы от всех тщательно скрываете, находится тут, к нему ведет широкая дорога, по которой туда-сюда снуют чужестранцы.

— Как только начинаешь чинить препятствия на пути людей, они сразу подозревают неладное.

Фол Крик был построен первым, совершенно открыто. И первые поселенцы использовали обычные средства передвижения. Тут всего-навсего велись горные разработки. Барторстаун построен гораздо позже под прикрытием Фол Крика, и по сей день о его существовании никто не подозревает.

Лен обдумывал сказанное Хостеттером. Затем спросил:

— Неужели люди, появившиеся здесь после Разрушения, тоже ни о чем не догадывались?

— Тысячи беженцев бродили по стране в поисках места, подобного этому, — как можно выше в горах.

Вскоре в городе зажглись фонари — самые обыкновенные фонари, они ничем не отличались от тех, которых сотни раз приходилось видеть Лену. Уставшие мулы довольно резво тащили фургоны, возницы покрикивали на них, и щелканье кнутов напоминало ружейные выстрелы.

Внизу их поджидала целая толпа. Горели факелы, женщины окликали своих мужей, дети носились вверх и вниз по дороге и кричали.

— Да, Пайперс Ран, действительно, лучше, — с горечью сказал Лен, — я не вижу тут ничего, кроме голых утесов. Зачем здесь живут эти люди?

— У них есть на то причина.

— Чертовщина какая-то, — по тону Лена легко можно было догадаться, что он никому больше не верит.

Фургоны остановились. Возницы спрыгнули вниз и стали распрягать мулов, люди выходили из фургонов. Исо помог выбраться Эмити, которая недоверчиво осматривалась по сторонам. Мальчишки подбегали к мулам и уводили их прочь от фургонов. Кругом были незнакомые лица, и через минуту до Лена дошло, что почти все разглядывают его и Исо. Они инстинктивно прижались друг к дружке, стараясь держаться ближе к Хостеттеру. Подошел Вепплоу, обнимая невысокого роста черноглазую девушку. На ней была кофта с открытым воротом и закатанными по локоть рукавами и длинная, почти до пят, юбка. Вначале она окинула взглядом Эмити, затем Исо, дольше всех ее глаза задержались на Лене.

— Моя внучка, — представил Вепплоу, и было ясно, что она для него дороже всего на свете. — Джоан, это миссис Исо Колтер, это — мистер Исо и мистер Лен Колтер.

— Джоан, — сказал Хостеттер, — не могла бы ты позаботиться о миссис Колтер?

— О, конечно, — без особого энтузиазма сказала

Джоан. Эмити вцепилась в руку Исо и начала было протестовать, но Хостеттер решительно прервал ее:

— Отправляйся с Джоан. Никто тебя не укусит, а Исо придет, как только освободится.

И Эмити неохотно удалилась, опершись о плечо Джоан, та лукаво взглянула на Лена и исчезла в толпе. Хостеттер кивнул Вепплоу и обратился к Исо и Лену:

— Идите за мной, юноши.

Они последовали за Хостеттером. Люди вокруг оживленно разговаривали, не сводя с них глаз.

— Кажется, они еще не привыкли к чужеземцам, — сказал Лен.

— Дело не в этом. Просто ни один чужеземец не остается здесь навсегда.

“Парни Хостеттера”, — впервые за последние два дня Лен улыбнулся. Хостеттер улыбнулся в ответ. Он вел их по темной улочке к большому дому. Крыша была обшита досками, два бревна поддерживали почерневшее от времени крыльцо. И все же обветшалый дом выглядел внушительно.

— Дом строили для управляющего, — пояснил Хостеттер. — Теперь в нем живет Шермэн.

— Он тут главный? — спросил Исо.

— Во многом да, вместе с Гутиэррезом и Эрд-

манном. Им необходимо обо всем докладывать.

— Но ведь Шермэн позволил нам придти.

— Да, но вам так или иначе придется поговорить с остальными.

В окнах горел свет. По шатким ступенькам они поднялись на крыльцо, и не успел Хостеттер постучать, как дверь открылась и на пороге появилась стройная, высокая седовласая женщина с добрым приятным лицом. Она приветливо улыбнулась и протянула к Хостеттеру руки.

— Привет, Мэри, — сказал он.

— Эд, добро пожаловать домой, — и она поцеловала его в щеку.

— Да, прошло столько времени. Одиннадцать, нет, двенадцать лет!

— Как хорошо, что ты вернулся, Эд!

Затем она посмотрела на Лена и Исо.

— Это Мэри Шермэн, мой старый друг. Она часто играла с моей сестрой. Сейчас ее уже нет в живых… Мэри, это те самые молодые люди.

И он представил их. Мэри Шермэн грустно улыбнулась, будто жалела о том, что позволила себе лишнее в их присутствии.

— Проходите, — сказала она, — вас ждут.

Они последовали в гостиную. Пол был тщательно вымыт, старинная мебель. Лен знал, что она

сделана еще до Разрушения. На большом столе горела лампа, вокруг сидели трое. Двое мужчин одного с Хостеттером возраста, третий — чуть моложе. Самый старший, крепко сложенный человек с гладко выбритым подбородком и светлыми глазами, поднялся им навстречу и пожал руку Хостеттеру. Тот поздоровался, и началась оживленная беседа. Лен почувствовал себя неловко. Мэри Шермэн куда-то исчезла.

— Подойдите сюда, — сказал, наконец, великан. Лен и Исо приблизились к столу. Мужчины внимательно их изучали. Глаза самого старшего были цвета зимнего неба, умными и проницательными. Самый молодой из них сидел позади, облокотившись на стол. Рыжеволосый, он носил очки и выглядел очень уставшим, почему-то казалось, что это его обычное состояние. Между столом и большой железной печью сидел третий мужчина, невысокий и чем-то удрученный, с длинной белой, как снег, бородой. Лен смотрел на них с непонятным чувством злости, смешанным с благоговейным страхом, его бросило в жар.

Старший отрывисто заговорил:

— Я — Шермэн. Это — мистер Эрдманн, — человек помоложе кивнул. — Это — Гутиэррез, — невысокий белобородый хмыкнул:

— Вас обоих я знаю, как братьев Колтер. Кто есть кто?

Лен и Исо представились. Хостеттер подсел к столу и занялся трубкой. Шермэн повернулся к Исо:

— Итак, ты прибыл сюда с… м-м… будущей матерью.

Исо принялся было объяснять, но Шермэн остановил его:

— Я знаю обо всем. Единственное, что тебе нужно сделать, — это привести ее завтра сюда ровно в десять. Вас будет ждать священник. Об этом никто не должен знать. Ясно?

— Да, сэр.

Шермэн не был неприятным человеком, просто он всю жизнь привык отдавать приказы и привык, чтобы они исполнялись.

Затем он обратился к Лену:

— Объясни, что привело тебя сюда.

Лен опустил голову, не говоря ни слова.

— Отвечай, — подбадривал его Хостеттер, — расскажи ему все.

— Смогу ли я? Ладно, попробую. Мы надеялись встретить здесь других людей, с которыми можно говорить обо всем. Мы хотели посмотреть на машины и… многое другое.

Шермэн улыбнулся, и на мгновение холод в его глазах исчез, он уже не был боссом, отдающим приказы, а пожилым, уставшим от жизни человеком, похожим на Хостеттера, на отца. Внезапно Лен подумал, что он не совсем чужой среди них.

— Ты думал, — сказал Шермэн, — что попадешь в большой город, один из тех, которые существовали до Разрушения?

— Да, — ответил Лен. Он уже не злился, а испытывал только легкое сожаление.

— Но все, что у нас есть, — лишь часть твоих мечтаний.

— Остальное мы пытаемся найти, — добавил Эрдманн. — Мне рассказать подробнее, Гарри?

— Не сейчас, — отозвался Шермэн. Когда он повернулся к Исо и Лену, в его глазах был обычный холодный блеск. — Вы должны поблагодарить Хостеттера.

— Это лишнее, — вмешался тот, — причина и без того была достаточно веской.

— Что ж, ладно. Но знайте: если бы не Хостеттер, вы погибли бы от руки сумасшедших фанатиков в том городе, как его?

— Рефьюдж, — напомнил Лен, — да, мы понимаем это.

— Я лишь констатирую факты. Мы сделали вам

одолжение, и вы не сможете понять, как велико это одолжение, до тех пор, пока не поймете суть всего, что происходит здесь. Единственное, что от вас требуется, — это выполнять, что вам говорят, и не задавать слишком много вопросов.

Он замолчал. Эрдманн покашливал, а Гутиэррез пробормотал:

— А может, повести их в забой, Гарри? Там чисто и сухо.

— Ты что, пьян, Джулио?

— Пока нет. А хотелось бы.

Шермэн хмыкнул.

— Итак, вот что я хочу вам сказать. Вы обязаны не покидать Фол Крик. Даже не пытайтесь нарушить этот приказ. У нас слишком много поставлено на карту, гораздо больше, чем вы можете себе представить, и мы не имеем права рисковать этим, — он коротко закончил свою речь: — В противном случае вас убьют.

Часть 20

Воцарилось молчание. Затем Исо произнес:

— Мы оставили все ради Барторстауна. Разве это не может служить нам гарантией?

— Люди нередко изменяют мнения. Я обязан предупредить вас.

Исо положил руки на стол:

— Могу я задать вопрос?

— Пожалуйста.

— Что за чертовщина этот Барторстаун?

Шермэн, нахмурившись, подался вперед:

— Ты что-то знаешь, Колтер? Я никогда не стану разговаривать с вами об этом — ни сейчас, ни позже — до тех пор, пока не удостоверюсь, что вам можно доверять. Поймите: вы — самая большая для нас проблема. Обычно при встрече с чужеземцами мы становимся немыми и осторожными, хотя, в общем, в этом нет особой необходимости. Чужие здесь не задерживаются надолго. А вы собираетесь остаться здесь навсегда. Так знайте: вся наша жизнь — нравы, обычаи, климат, в конце концов, в корне отличаются от вашего, — он с интересом взглянул на Лена, — и

не стоит краснеть, молодой человек. Я знаю, что вы говорите правду и искренни с нами. Знаю, что вам пришлось пережить ради этой мечты. Но ведь завтра наступит новый день. И неизвестно, что он вам принесет.

— Мне все же кажется, что вы полностью обезопасили себя, — сказал Лен. — Во всяком случае, до тех пор, пока у вас есть пули.

— О, да. Мы решили рискнуть и рассказать вам все о Барторстауне. У нас просто нет другого выхода. Но это произойдет не раньше завтрашнего вечера, — Шермэн медленно поднялся и неожиданно протянул Лену руку, — не суди меня строго и наберись терпения.

Лен пожал протянутую руку и улыбнулся.

— Увидимся Гарри, — сказал Хостеттер. Затем они вышли на улицу, окунувшись в холодный, бодрящий ночной воздух, пропитанный незнакомыми запахами. Они шли по освещенному фонарями городу, в каждом окне горел свет, слышался смех и оживленные разговоры.

— Когда мужчины возвращаются, это всегда праздник, — пояснил Хостеттер.

Они вошли в опрятный бревенчатый домик, принадлежавший Вепплоу, его сыну и невестке. Тут жила Джоан. Все присутствующие принялись

здороваться с Хостеттером, передавали из рук в руки большой кувшин. Джоан весь вечер не сводила глаз с Лена и почти не разговаривала. Ближе к ночи пришел Гутиэррез. Он был мертвецки пьян и так пристально смотрел на Лена, что тот не выдержал и спросил, что ему нужно.

— Я просто хотел получше разглядеть человека, который так рвался сюда, — он вздохнул и вышел во двор.

Вскоре к Лену подошел Хостеттер и похлопал его по плечу:

— Пойдем, Ленни. Ты ведь не хочешь провести эту ночь на полу?

Казалось, Хостеттер пребывал в отличном расположении духа. Лен последовал за ним. Они шли по полусонным безлюдным улочкам Фол Крика, и Лен рассказал Хостеттеру о Гутиэррезе.

— Бедняга Джулио, — вздохнул тот, — последнее время он немного не в себе.

— А что с ним случилось?

— Три года он работал на Барторстаун и в конце концов выяснил, что ничего хорошего в этом нет. Прости, но я не могу всего рассказать тебе, Лен. Пока не могу.

— О чем рассказать?

— Нам придется спать на полу, в лачуге холо-

стяка, и это не так уж плохо. Главное — хорошая компания.

Лачуга холостяка оказалась огромным двухэтажным особняком, похожим на другие дома Фол Крика, но с достроенными позднее крыльями. Комната Хостеттера располагалась в самом конце одного из этих крыльев. Под окнами росли сосны, наполняя комнату смолистым ароматом. Одеялами их снабдил Вепплоу. Хостеттер расстелил свое одеяло на кровати, уселся и принялся снимать сапоги.

— И что же, она понравилась тебе? — вдруг спросил он.

— Кто? — с деланным равнодушием спросил Лен, хотя прекрасно знал, о ком пойдет речь.

— Джоан Вепплоу.

— Трудно сказать. Я ее почти не знаю.

— Тем не менее, ты весь вечер не сводил с нее глаз, — Хостеттер рассмеялся.

— Я думаю о гораздо, более серьезных вещах, чем какая-то девчонка, — и Лен завернулся в одеяло.

Хостеттер задул свечу и через несколько минут захрапел, а Лен долго еще ворочался без сна. Все было необычным, все волновало его — запах хвои, ночные шорохи за окном. Он чувствовал

себя ужасно, настолько ужасно, что разозлился на весь мир и изо всей силы ударил в стену пяткой. Эта выходка была настолько ребяческой, что неожиданно для себя Лен рассмеялся и вдруг вспомнил о Джоан Вепплоу.

Когда он открыл глаза, было утро, и Хостеттер уже успел куда-то сходить.

— Дать тебе чистую рубашку? — спросил он.

— Не отказался бы.

— Тогда одевайся, и побыстрее. Исо хочет, чтобы ты присутствовал.

Лен что-то пробормотал, скорчив недовольную гримасу, однако побрился, умылся, одел принесенную Хостеттером рубашку и направился вместе с ним к дому Шермэна.

Венчание прошло очень быстро. Эмити была в чужом платье, но выглядела опрятно и подтянуто, лицо Исо ничего не выражало. Молодой невысокий священник непрерывно покачивался, и это раздражало Лена. Шермэн, его жена и Хостеттер стояли в стороне. Когда все закончилось, Мэри Шермэн обняла Эмити, а Лен неловко пожал руку Исо. Он собрался было уходить, но его остановил Шермэн:

— Я бы хотел, чтобы вы ненадолго остались здесь, — он открыл дверь в гостиную, и Лен уви-

дел семерых незнакомцев, сидящих за столом.

— Не беспокойтесь ни о чем, — сказал Шермэн и подтолкнул их в гостиную. — Садитесь. Я хочу, чтобы вы поговорили с этими людьми.

Они сели в ряд, тесно прижавшись друг к другу. Рядом расположился Шермэн. На столе лежали бумаги, ручки и еще много каких-то непонятных предметов. Шермэн представил всех присутствующих, но Лен тут же забыл их имена. Эрдманн и Гутиэррез тоже находились здесь. Немолодые мужчины пристально оглядывали Исо и Лена и были безукоризненно вежливы с Эмити.

— Не подумайте только, что это допрос, — сказал Шермэн, — мы просто хотим выяснить до конца, как вы узнали о Барторстауне, почему так стремились сюда, одним словом, с чего все началось. Может быть, сначала ты что-нибудь скажешь, Эд?

— Да. Я думаю, все началось в ту ночь, когда Исо украл радио.

Шермэн вопросительно посмотрел на Исо, и тот смутился:

— Мне казалось, я не совершил ничего дурного. Ведь я был еще ребенком. А они убили этого человека, потому что он пришел из Барторстауна.

— Продолжай, — все заинтересованно при-

тихли.

Исо продолжил, вскоре присоединился Лен, они рассказывали о проповеди, о том, как забросали камнями Соумса, об истории с радио. Иногда в разговор вступал Хостеттер, а Шермэн или кто-либо из присутствующих задавали вопросы. Когда они дошли до Рефьюджа, пару слов вставила Эмити и описала все довольно подробно.

Наконец они закончили свой рассказ. Шермэн поднялся, подошел к двери в дальнем углу комнаты и открыл ее. Комната была заставлена какой-то непонятной аппаратурой, в самом центре ее сидел человек со странной штуковиной на голове. Когда он снял ее, Шермэн спросил:

— Ну как, все в порядке?

— Все отлично! — ответил тот. Шермэн закрыл дверь и повернулся лицом к присутствующим: — Теперь я могу вам сказать, что ваш рассказ слышали все жители Фол Крика и Барторстауна. — Он поднял странный предмет со стола: — Вот это — микрофоны. Каждое произносимое вами слово записывалось. Мне хотелось, чтобы этот рассказ слышали из ваших уст, и лучшего способа я не знал, и поэтому привел вас сюда.

— О, Боже, — вырвалось у Эмити, но она поспешно прикрыла ладошкой рот.

Шермэн обвел присутствующих взглядом:

— Занимательная история, не правда ли?

— Они так молоды, — сказал Гутиэррез. Он выглядел совсем больным, голос его был слабым, но не утратил обычной резкости, — и, я думаю, заслужили наше доверие.

— Вам обоим нужен отдых, — мягко обратился Шермэн к Гутиэррезу и Эрдманну, — вы можете сделать нам одолжение? Идите и отдыхайте.

— Ну, нет, — сказал Гутиэррез, — я хочу увидеть, как засияют эти юные лица при виде сказочного города.

— Так вы для этого позвали нас сюда? — спросил Лен, глядя на микрофоны.

— Отчасти, — был ответ. — Большинство жителей Фол Крика никогда не имели контакта с внешним миром, и ваш рассказ напомнит им о том, что жизнь продолжается, о том, что нам необходимо работать дальше, несмотря ни на что. Вы дали им понять, что даже восемьдесят лет строжайших запретов не могут приостановить жажду знаний.

— Откровенно говоря, Гарри, твои слова вносят в наше решение некоторую сентиментальность, — сказал Гутиэррез.

— Возможно, — Шермэн задумчиво посмотрел

на них. — Вы первые чужеземцы, которые появились здесь. И мы не отпустим вас. Мы не хотим, чтобы нас силой заставили прекратить работу, которую мы ведем здесь. Нужно время для того, чтобы полностью доверять вам. А пока мы будем следить за каждым вашим шагом до тех пор, пока вы не станете гражданами Барторстауна в полном смысле этого слова. Вам необходимо забыть все, чему учили в Пайперс Ране. — Он взял Эмити за руку: — Спасибо, миссис Колтер, вы очень нам помогли. А теперь, почему бы вам не позавтракать с моей женой? Она во многом может оказаться полезной вам.

И он подвел Эмити к Мэри Шермэн, стоящей в дверях. Затем вернулся к Лену и Исо.

— Ну что, — сказал он, — пойдем?

— В Барторстаун? — дрожащим голосом спросил Лен.

— В Барторстаун, — твердо ответил Шермэн.

Часть 21

Все оказалось просто, настолько просто, что Лен даже удивился, как ему раньше не пришло это в голову. Они поднимались вверх вслед за Шермэном мимо самой большой шахты. С ними были Гутиэррез, Эрдманн, Хостеттер и еще двое незнакомых людей. Нестерпимо жгло солнце, воздух был пропитан пылью, запахом хвои и животных. Лен украдкой взглянул на Исо — тот был бледен, суетился, глаза его беспокойно бегали, казалось, он не видит ничего впереди себя. Лен знал, что чувствует Исо. Вот сейчас они узнают правду, и мечте конец. Наверное, и Лен должен волноваться, переживать. Но он был совершенно спокоен. Все чувства, казалось, умерли в его душе.

Они поднимались вверх по горному склону, из-под ног скатывались камни. Палящее солнце было невыносимым, а они все поднимались и поднимались к большой пещере, черной дырой зиявшей в отвесной скале. Подойдя ближе, они увидели, что вход закрывают огромные деревянные ворота, почерневшие от непогоды, но все еще достаточно надежные. Надпись над ними

гласила: “Подземный туннель. Опасно”. Ворота были закрыты. Шермэн вытащил ключ, отпер тяжелый замок, и все вошли.

— Присматривайте за теми, кто здесь впервые, — сказал он.

Внутри туннеля, там, куда еще достигал слабый солнечный свет, виднелись беспорядочно сваленные валуны, стены оказались рыхлыми, казалось, они могут обрушиться в любую минуту. Повсюду виднелись распиленные бревна и опорные столбы. Да, ни один человек, пожалуй, не станет бродить бесцельно по этому туннелю. Шермэн сказал, что работы здесь давно прекращены, и никто никогда не догадывался почему.

Солнечный свет растворился в кромешной тьме туннеля, все свернули налево. Неожиданно вспыхнул свет — голубоватый и очень яркий. Лен никогда не видел ничего подобного, и в первый раз за последнее время знакомое волнение шевельнулось в нем. Он слышал, как Исо, задохнувшись от восторга, прошептал:

— Электричество!

Стены туннеля здесь были гладкими, ничем не укрепленными. Все быстро пошли вперед, и вскоре в конце туннеля Лен увидел дверь.

Они остановились. Лен до боли в глазах смот-

рел на свет, он слепил почти так же, как солнце.

— Все совсем не так, как рассказывала бабушка, — прошептал Исо.

— Тут встроены сканнеры. Нужно подождать секунду. Ну вот, а теперь пойдем.

Дверь отворилась — массивная железная дверь, и они вошли в Барторстаун.

За дверью продолжался туннель, под самым потолком ярко горели лампочки. Воздух странно пропитался запахом разогретого металла. Лен чувствовал металлический привкус во рту. Откуда-то издалека доносился тихий приглушенный звук. Нервы Лена были напряжены до предела, он даже вспотел.

— Неужели вся подземная часть выглядит так? — спросил Исо.

Шермэн кивнул.

— В то страшное время было прорыто много подземных туннелей — единственное безопасное место в период Разрушения.

Исо пристально всматривался в туннель. Казалось, ему не будет конца.

— Он очень большой?

На этот раз вмешался Гутиэррез:

— А что ты подразумеваешь под словом большой?.. С одной стороны, Барторстаун — самое

грандиозное сооружение из всех, которые существуют здесь, с другой стороны — это всего лишь дыра в камнях, достаточно большая для того, чтобы похоронить в ней человека.

Несколькими футами ниже в темноте открылась дверь, из нее вышел парень, примерно одних лет с Исо. Он перекинулся двумя словами с Шермэном и остальными; а затем принялся откровенно разглядывать Колтеров.

— Привет, — сказал он, — я видел, как вы шли. Меня зовут Джонс.

И он протянул руку. Они по очереди пожали ее и подошли ближе к двери. Высеченная в камне пещерка была довольно большой, в ней лежало, висело и стояло множество непонятных вещей, проводочки, кнопочки, катушки. Исо пристально осмотрел все это, затем повернулся к Джонсу:

— Значит, это ты нажимаешь на кнопку?

Все непонимающе переглянулись, и вдруг Хостеттер рассмеялся:

— Об этом в шутку говорил Вепплоу. Нет, Исо, Джонс не имеет таких полномочий.

— Собственно говоря, — прибавил Шермэн, — мы еще ни разу не нажимали на эту кнопку, но держим ее в рабочем состоянии, на всякий случай. Подойдите сюда.

И они подошли, осторожно, нерешительно, ни до чего не дотрагиваясь. Джонс приступил к привычной работе, нажимая на кнопки. Шермэн указал Лену на квадратное стеклянное окно, и тот уставился в него, осознав лишь через несколько секунд, что это вовсе не окно, но, как ни странно, через него видно тропинку, по которой они подходили к воротам.

— Сканнеры передают изображение на этот экран, — сказал Шермэн и хотел было продолжить, но его перебил Исо. Он воскликнул с детскими нотками восторга:

— Телевизор!

— Да, кое-какие принципы используются и тут. А откуда вы знаете это слово?

— От бабушки. Она много говорила нам об этом.

— А, да, вы рассказывали, — он вновь повернулся лицом к экрану, — в этой комнате постоянно кто-нибудь дежурит. Никто не пройдет незамеченным через эти ворота.

— Даже ночью? — удивленно спросил Лен.

Шермэн серьезно и холодно посмотрел на него:

— А разве ваша бабушка ничего не рассказывала об электрических глазах?

— Ничего.

— С их помощью можно видеть в темноте. Покажи им, Джонс.

Парень достал предмет с маленькими стеклянными пупырышками, расположенными друг против друга в два ряда.

— Вот эти маленькие пупырышки и есть электрические глаза. Когда вы проходите между ними, то пересекаете невидимый луч, и эти лампочки загораются, и мы точно определяем ваше местонахождение.

Исо не сводил с Джонса восторженных глаз:

— А вы можете мне объяснить, как они действуют?

— Почему нет? Если, конечно, ты действительно хочешь это знать.

Исо улыбнулся. Они вышли и продолжили спуск по коридору, освещенному яркими огнями. Справа и слева были двери с номерами, затем коридор раздваивался. Лен на секунду задержался, раздумывая, в какой из туннелей пойти, но Шермэн уверенно повернул направо. Тут тоже было множество комнат, и еще больше — непонятных вещей. Лен даже не пытался расспрашивать о том, что это такое, он уже понял, что понадобятся годы для того, чтобы разобраться во всем.

Шермэн объяснил. Иногда подключался Гутиэррез, иногда Эрдманн, иногда один из двух сопровождающих. Хостеттер почти всю дорогу молчал.

По их словам, Барторстаун был предельно изолирован от внешнего мира. Сами строили его, сами прокладывали новые туннели, для этого имелись все необходимое оборудование и материалы. Шермэн показывал им комнаты, лаборатории, радиомагазин, комнаты, заполненные странными приборами — блестящими, сделанными из стекла и металла. Они слышали непонятные звуки, вдыхали незнакомые запахи, временами их окружала полная тишина, лишь легкий ветерок играл волосами.

Шермэн рассказывал о воздушных трубах, помпах и воздуходувках, вновь и вновь звучало слово “автоматика”. Это слово было удивительным. Двери открывались автоматически, стоило к ним подойти, свет зажигался и выключался автоматически.

— Автоматика, — хмыкнул Хостеттер. — Теперь я понимаю, почему меноннайтцы выжили. Другие народы были настолько испорчены этой самой автоматикой, что с трудом завязывали шнурки вручную.

— Эд! Ты делаешь Барторстауну плохую рекламу.

— Ну, не знаю, не знаю. Днем раньше тебе казалось наоборот.

Лен посмотрел на Хостеттера. Он уже без труда научился определять его настроение и увидел, что Хостеттер чем-то явно обеспокоен. По спине Лена пробежал холодок, он отвернулся, продолжая рассматривать странные, непонятные предметы. Удивительные, захватывающие, они ничего не значили до тех пор, пока кто-нибудь не объяснял их назначение.

Лен поделился своими мыслями, и Шермэн кивнул:

— Мне хочется показать вам весь Барторстаун. В период Разрушения был приказ спасти его во что бы то ни стало.

Хостеттер начал было что-то говорить, но Шермэн перебил его.

— Следуй лучше моему примеру, Эд. — Он повел их в обход центрального коридора:

— Вместо подъемника мы используем простые ступени.

На протяжении всего спуска Лен пытался вспомнить, что такое подъемник, но тщетно. Когда все спустились вниз, Лен огляделся.

Отовсюду неслись непонятные Лену звуки, слившиеся в один общий шум и означавшие слово, которое он слышал раньше в дуновении ветра, раскатах грома и журчании воды: энергия. Каменный потолок здесь почти не был обработан, все пространство освещено ярким светом. Посредине высились два сооружения — подавляющих, грандиозных, колоссальных, и двое мужчин суетились вокруг.

Сердце Лена забилось сильнее. Он вдохнул полной грудью незнакомый новый запах.

— Это — трансформаторы, — объяснил Шермэн, — а вот этот кабель через изоляционные трубы передает энергию в Барторстаун. Это — генераторы, это — турбины, это — паровой двигатель.

Какое знакомое слово! Только этот мощный двигатель, несомненно, был больше тех, с которыми им приходилось иметь дело Но все же приятно встретить старого друга среди этих чужеродных гигантов. Один из рабочих, имя которого тут же вылетело у Лена из головы, терпеливо объяснял им различия в конструкции.

— Но я не вижу отверстия для топлива, — сказал Исо. — Ни огня, ни топлива, а откуда тогда берется тепло?

— Вот отсюда, — человек показал огромное

сооружение, из которого поднимался пар, — это теплообменник.

Исо нахмурился, не сводя глаз с бетонированного сооружения:

— Но я не вижу…

— Конечно, все это надежно предохраняется, и температура там очень высокая.

— Высокая? В таком случае понятно, почему кипит вода. Но я не вижу… — он растерянно огляделся. — Я не могу понять, какой вид топлива вы используете.

Наступила гробовая тишина. Казалось, на этой площадке еще ни разу не было так тихо. Лен вдруг почувствовал, что стоит на пороге тернистого пути к познанию. Он прочел это и по глазам своих спутников, а вопрос Исо гулким эхом отозвался под сводами громадной комнаты.

— Дело в том, — просто ответил Шермэн, — что мы используем уран.

Лен вскрикнул, и крик его был поглощен огромным пространством, утонул в нем, превратившись в странный шепот:

— Уран! Но ведь…

Шермэн поднял руку и указал на бетонированное сооружение, встроенное в глухую каменную стену.

— Да, — сказал он, — этот щит из бетона предохраняет нас от реактора, который замурован позади него.

И вновь тишина. Бетонированная стена неясно вырисовывалась в тусклом освещении, словно врата ада, сердце Лена почти перестало биться, и кровь застыла в жилах.

Позади стены — реактор.

Позади стены — ночь, ад, ужас и смерть.

И в ушах Лена зазвучал голос, голос проповедника, стоящего на краю фургона на фоне фейерверка искр: “И разожгли они огонь тайный, секрет которого знаю лишь я, Бог Джехован, и сказал тогда Господь: “Да очистятся они от грехов своих!”

— Этого не может быть! — голос Исо дрожал — Ничего подобного не осталось во всем мире.

“Да очистятся они, молвил Господь, и сгорели они в огне, который сами же создали, и рухнули гордые башни в свете врат Господень!”

— Вы лжете! Во всем мире это уничтожили во времена Разрушения.

— Нет, Исо, это правда, — усилием воли Лен заставил себя отвести взгляд от бетонной стены, — им удалось спасти его.

Исо что-то пробормотал и неожиданно сорвал-

ся с места. Хостеттер поймал его за руку, Шермэн схватил другую руку.

— Спокойно, Исо, — прикрикнул Хостеттер.

— Не могу! — вопил тот. — Огонь загорится внутри меня, моя кровь испарится, а кости разрушатся, и я умру.

— Не будь дураком, — остановил его Хостеттер. — Смотри, все мы стоим рядом с тобой, и никто не собирается умирать.

— Его страх вполне естественен, Эд, — сказал Шермэн, — ты ведь не хуже меня знаешь, чему их учили. Пусть сначала освоятся. Исо, послушай, ты думаешь, что реактор и бомба — одно и то же. Но все не так, пойми. Эта штука абсолютно безвредна. Более ста лет мы живем рядом с ней — и ничего, не взрывается, и как видишь, никто из нас пока не сгорел. Вот, погляди, — он отпустил Исо, подошел к стене и приложил к ней ладони. — Видишь? Тут нечего бояться.

Исо облизал сухие губы. Тяжело дыша, он повернулся к Хостеттеру:

— А теперь ты дотронься! — словно Хостеттер не такой же, как Шермэн.

Хостеттер пожал плечами. Он подошел ближе к щиту и тоже приложил к нему ладони.

— Что ж, — Исо дрожал, словно испуганная

лошадь Лен сжал кулаки и перевел взгляд на Шермэна, который все еще не отходил от стены.

— Нет ничего удивительного в том, что вы убиваете людей, которых посвящаете в ваши тайны. Если бы кому-нибудь удалось выбраться отсюда и рассказать всем, что скрывается в этом подземелье, они разорвали бы вас на куски, и во всем мире не нашлось бы горы, которая могла бы укрыть вас, — произнес Лен.

— Да, — кивнул Шермэн, — ты прав.

Лен встретился глазами с Хостеттером.

— Ну почему, почему ты ничего не сказал нам, почему не предупредил, не отговорил идти сюда?

— Лен, Лен, — Хостеттер сокрушенно покачал головой. — Ты прекрасно знаешь, что я не хотел этого и при каждой возможности пытался предупредить тебя.

Шермэн и все остальные следили за происходящим. Гутиэррез — с сожалением, Эрдманн — смущенно, Исо казался большим напуганным ребенком. Лен смутно понимал: они предполагали такой поворот событий, они внимательно следили за его действиями, прислушивались к его словам. Отчаянье волной захлестнуло его, он закричал:

— Один из таких реакторов погубил весь мир! Почему вы не уничтожили этот?

— Лишь потому, — спокойно сказал Шермэн, — что не имеем на это права. Ведь реактор — не наша собственность, к тому же подобный способ решения проблемы слишком примитивен, так поступил бы тот, кто поджег Рефьюдж и создал тридцатую поправку. Подобное разрушение было бы лишь иллюзором, ведь ты не в силах уничтожить знание. Его нельзя ни поджечь, ни запретить.

— Да, — с горечью согласился Лен, — и так будет вечно, до тех пор, пока существуют дураки, хранящие подобные знания. Да, я хотел вернуть города и считаю, что глупо бояться удобств, но я не мог предположить, что…

— Значит, ты думаешь, что живущие на бескрайних просторах этой страны правильно поступили, убив Соумса, твоего друга Далинского, разрушив город?

— Я… — слова застряли в горле Лена, и наконец он выкрикнул: — Нет! Я так не считаю! Но в Рефьюдже не было ядерного реактора.

— Ладно. Попробую убедить тебя иначе. Допустим, Барторстаун уничтожили бы до последнего жителя. Разве есть гарантия, что где-то, спрятан-

ный глубоко под землей, не существует подобный секретный город? И можно ли быть уверенным в том, что какой-нибудь старичок, профессор ядерной физики, не сохранит тайно свою книгу, ведь случалось же нечто подобное в мире, ты сам говорил об этом. Или ты настаиваешь, что можно каким-то образом уничтожить все книги?

— Он прав, Лен, — сказал Исо.

— Книга, — Лен чувствовал дыхание антихриста за стеной, — да, у нас была одна книга, в которой мы, однако, ни слова не могли разобрать.

— Да, но кто-нибудь, когда-нибудь все равно сделал бы это. Ведь у первого человека, открывшего тайну атомной энергии, не было вообще никакой книги. Все, что он имел в своем распоряжении, — собственный мозг. Ты ведь согласишься с тем, что невозможно уничтожить всех ученых мира?

— Ладно, — не выдержал Лен, загнанный в угол, — а что еще может делать эта штука?

— Вот, наконец, первый здравый вопрос мыслящего человека! — сказал Шермэн. — А сейчас вы поймете, для чего был построен Барторстаун.

Часть 22

В Барторстауне оказалось три этажа. Сейчас они находились посредине — над ними была лаборатория, под ними спрятался за стеной старый дьявол. Лен шел впереди Хостеттера, Исо беспрерывно вытирал губы тыльной стороной ладони, их спутники молчали. Лен чувствовал себя одиноким и опустошенным. И тут он увидел картину — выше человеческого роста, вставленную в длинное изогнутое стекло, на ней можно было разглядеть каждую мелочь: разрушенные дома, обломки машин, словом, полное опустошение. Картина была объемной.

— Вы много говорили о бомбе, но никогда не видели, как все происходило. Эта картина — частица прошлого. Мы поместили ее здесь, чтобы никто не забывал об ответственности перед людьми. Это руины после первой бомбы, сброшенной на японский город Хиросиму. Пойдем дальше.

На этот раз впереди оказался Гутиэррез:

— Я слишком часто здесь бываю, — пробормотал он и скрылся за дверью в той части стены, где картина заканчивалась. Эрдманн последовал за

ним, а Шермэн продолжал объяснять:

— А вот люди, которые выжили после того, как была сброшена первая бомба.

— О Господи, — пробормотал Исо. Он содрогнулся и опустил голову, стараясь ничего не замечать.

Лен молчал. Он не сводил горящих глаз с Шермэна, и тот продолжил:

— В те дни все были категорически против. Люди страстно жаждали гарантий, что не случится ничего подобного и никогда больше не будет Хиросимы.

— А разве они не могли сразу уничтожить все бомбы? — Лен вдруг понял, что сказал глупость, и рассердился на себя. Он не раз обсуждал подобные вещи с судьей Тэйлором и читал об этом в книгах. Поэтому он поспешил предупредить возражения Шермэна: — Да, я знаю, этот враг никогда не сможет уничтожить нас, никогда не появится новая бомба.

— Кроме того, у нас на руках — козырь.

— Что вы имеете в виду?

— Защиту. Нет, не подумай, что это — радарные сети, далеко не совершенные и ненадежные, мы имеем нечто гораздо более основательное и всеобъемлющее. Наш аппарат способен кон-

тролировать взаимодействие ядерных частиц на их же уровне. Это позволяет регистрировать любой процесс расщепления ядер или их синтеза — ничто не остается незамеченным, пока этот защитный аппарат в действии. Абсолютно все под контролем, Лен. Полная власть над атомом. И никаких бомб.

Молчание. Все смотрят на Лена, ждут его реакции. Перед глазами Лена — картина разрушенной Хиросимы, он пытается сосредоточиться, смысл сказанного не доходит до его сознания. Абсолютный контроль… Никаких бомб…

Нет.

Полный контроль, никаких бомб. Но ведь существование бомбы — непреложный факт, такой же, как существование атомной энергии. Этот факт находится совсем рядом, прямо здесь, под ногами — смертоносная сила, превратившая в руины город. Ее нельзя уничтожить, разрушить, стереть с лица земли, она подобна змее, подобна злу — оно никогда не умирает, восстанавливая себя бесконечно.

Нет. Нет. Нет. Так считал проповедник Бардит. Полный контроль над атомом. И никаких бомб. Никаких— жертв. Никакого страха. Да, вы создали печи, где разожгли этот страшный огонь.

Но что толку от этой защиты? Все равно она не помогла, когда возникла необходимость.

Они направились к двери, за которой исчез Гутиэррез, и очутились в такой же пещерообразной комнате, как и предыдущая, выдолбленной в камне с отшлифованными стенами. Со всех сторон в глаза бил яркий свет. Напротив виднелась стена, собственно, даже не стена, какое-то подобие гигантской стеклянной панели. Возле нее стояли несколько машин. Панель около шести футов высотой почти доставала до потолка. В нее было встроено множество приборов и лампочек. Ни одна из них не горела, стрелки приборов оставались неподвижными. Рядом, с искаженным от злости лицом, стоял Гутиэррез.

— Это Клементина, — произнес он, не поворачиваясь. — Не совсем подходящее название для машины, от которой зависит наше будущее.

Лен опустил руки, словно выронил нечто большое и громоздкое, причиняющее боль. “Внутри меня — пустота, и пусть она медленно заполняется новыми знаниями, и, может быть, значительно позже я узнаю, что…”

Нет, не это слово. Другое. Клементина.

Лен вздохнул и произнес:

— Не понимаю.

Шермэн подошел к панели:

— Эта штука называется компьютер. Ему нет равных в мире. Смотри, вот здесь… — он указал на странные выемки посредине панели, и Лен увидел неисчислимое множество разноцветных проводочков и трубочек, расположенных в строгом порядке вперемешку с блестящими стеклянными цилиндрами, — ее механизм, и это лишь небольшая часть.

Страсть Исо к машинам переборола страх, и дрожащим от волнения голосом он произнес:

— И все это — одна машина?

— Да. Вот в этих ячейках памяти собрана вся информация, выраженная в математических уравнениях, о природе атома, об исследованиях, проводимых до и после Разрушения. Без этой машины мы не способны ни на что. На разработку математических методов, которые мы используем, у человека уйдет вся жизнь, Клементине на это требуются считанные минуты. Она разработала план Барторстауна со всеми его лабораториями вверху и реактором внизу. Без нее мы никогда не смогли бы решить наши проблемы в ближайшее время. С ней — другой разговор. Она находит решение в считанные минуты.

Гутиэррез издал звук, похожий на смешок. Лен

вновь покачал головой:

— Я не понимаю. И к тому же не думаю, что хочу разобраться во всем этом. Во всяком случае, не сегодня, не сейчас. Вы рассказываете мне не о машине, а о чем-то совсем другом, и я не желаю больше вас слушать.

— Она способна совершить любую вычислительную операцию и запомнить ее? — спросил Исо. — Но это совсем не свойственно машине. Это скорее похоже на э… — он неожиданно замолчал, а Шермэн с деланным безразличием произнес:

— Некоторые называют ее электронным мозгом. Но это неверно, — продолжал Шермэн, — Клементина способна думать не больше, чем обычный паровой двигатель. Это всего-навсего машина, — он внезапно обернулся. Лицо его было суровым, голос пронзительным. — Я не тороплю вас. Не тешу себя надеждой, что вы сразу поймете, о чем я говорю, и сразу ко всему приспособитесь. Я дам вам для этого достаточно времени. Однако мне хотелось бы напомнить: вы прошли через ад, чтобы попасть в Барторстаун, и вот вы здесь, и мне безразлично, разочарованы вы или нет — вам придется со всем смириться. Все мы выполняем определенную работу, свою работу, хотя нас никто об этом не просит, так

уж получилось. Мы будем продолжать свое дело невзирая на то, что думают по этому поводу два отпрыска, выросших на ферме.

Он стоял, не шевелясь, и Лен подумал, что он чем-то похож на Бардита, у того тоже был такой взгляд, когда он говорил: “На нашей земле никогда не будет городов”.

— Вы сказали, что пришли сюда за знаниями? Мы откроем перед вами все пути. Однако конечный результат будет зависеть только от вас самих.

— Да, — поспешно сказал Исо, — конечно, сэр.

“Голова моя совершенно пуста, — думал Лен. — Такое впечатление, что все мысли выдуло ветром. А он смотрит на меня и ждет, что я отвечу. Так или иначе, мы попали в ловушку, которую сами же создали. А впрочем, весь мир в ловушке. Разве не от этого мы бежали? Все вокруг боялись, и я ненавидел их за это. И мне нечего ему сказать. О Господи, помоги мне подобрать слова, он ждет, и мне некуда скрыться”.

— Когда-нибудь, — сказал Лен, и брови его напряженно доползли вверх, и он стал похож на мальчика, сидящего на крыльце рядом с бабушкой теплым октябрьским днем, — сила атома вернется вновь, и никто не сможет остановить

ее.

— Да, то, что однажды было открыто, не забывается.

— Так же, как города.

— Наступит время, и они неизбежно возродятся.

— И все повторится вновь: и города, и бомбы, если вы сейчас не остановитесь.

— До тех пор, пока люди не попытаются изменить завтрашний день, это может случиться.

— Значит, — Лен все еще безрадостно хмурился, — все просто идет своим чередом. В таком случае все, что вы делаете, правильно, — он с трудом заставлял себя говорить.

Исо подошел к панели машины. Он осторожно дотронулся до нее.

— Можно нам посмотреть, как она работает?

— Позднее. Недавно мы закончили разработку трехлетнего проекта и сейчас отключили ее, чтобы все тщательно проверить.

— Три года… — сказал Гутиэррез. — Я хотел бы, чтобы меня тоже отключили. Разбери на части мой мозг, Фрэнк, а затем вновь собери его, — разволновавшись, он ударил рукой по панели: — Фрэнк, она ведь может ошибаться.

— Ты прекрасно знаешь, что не может, — Эрд-

манн сердито посмотрел на него.

— Блуждающий заряд, немного пыли могут помешать ей, и как ты узнаешь об этом?

— Джулио, ты прекрасно понимаешь, если что-нибудь будет не так, Клементина отключится автоматически и объявит о своей неисправности.

Шермэн прервал разговор, и все молча направились в проход. Гутиэррез шел позади. Сквозь сомнения и страхи, терзавшие Лена, звучал голос Гутиэрреза: “Она оожет ошибиться”.

Часть 23

Хостеттер стал для Лена надежным пристанищем в водовороте жизни. Он был звеном, некогда связавшим Лена с Барторстауном, и старым другом, дважды спасшим его от смерти. Лен очень привязался к нему.

— Думаешь, это правильно? — спросил Лен, обращаясь к Хостеттеру, заранее зная ответ.

Они спускались вниз по дороге, удаляясь от Барторстауна. Шермэн и остальные заметно отстали, возможно, нарочно, для того, чтобы оставить Лена и Исо наедине с Хостеттером. Он взглянул на Лена:

— Да, я так считаю.

— Но работать с ним, держать его в рабочем состоянии… — задумчиво произнес Лен. Он с наслаждением вдыхал пронизанный солнцем воздух. Каменные стены Барторстауна больше не довлели над ним, Лен точно знал: он больше не хочет спускаться туда, но понимал, что должен будет сделать это еще не один раз, независимо от своего желания.

— Я ведь предупреждал, что многое здесь при-

дется тебе не по душе, — сказал Хостеттер.

— Но ты не боишься? — сказал Исо.

Глубоко задумавшись, он пинал носком ботинка дорожные камни. Высоко в горах в лучах заходящего солнца дремала деревушка Фол Крик, похожая на Пай-перс Ран, если бы Сатана не расставил возле нее цепи гор.

— Нет, — ответил Хостеттер. — Никто никогда не говорил мне, что город — то, что запрещено, неправильно, опасно или проклято Богом. Мы никогда не принимали чужеземцев. Нас некому было предостерегать.

— А мне наплевать, проклята Богом эта штука или нет, — сказал Исо. — Единственное, что меня волнует, — это не сделает ли она меня калекой.

— Нет, если ты не попадешь за щит.

— И она не обожжет меня?

— Нет.

— И не погаснет?

— Нет. Может погаснуть паровой двигатель, но не реактор.

— Что ж, хоть это хорошо, — глаза Исо загорелись, он неожиданно рассмеялся. — Интересно, что думают о нас эти старые ослы из Пайперс Рана. Ведь они собирались публично высечь нас за какое-то старое радио. Господи, думаю, они

убили бы нас на месте, а, Лен?

— Вряд ли, — мрачно отозвался Хостеттер. — Скорее всего, вас постигла бы участь Соумса.

— Я не собираюсь предоставлять им такую возможность. Атомная энергия — сильнейшая в мире! — от волнения его руки сжались в кулаки, затем он вновь спросил: — Ты уверен, что это безопасно?

— Я же сказал тебе, — Хостеттер потерял терпение. — Реактор уже целое столетие здесь, и до сих пор не причинил вреда ни одному человеку.

— Мне кажется, — сказал Лен, подставив лицо прохладному ветру, — нам еще рано жаловаться.

— И это действительно так.

— А еще, я думаю, в правительстве знали, что делают, когда отдавали приказ строить Барторстаун, — неуверенно произнес Лен.

“Они тоже боялись, — шептал прохладный ветерок. — В их руках была слишком большая сила, они боялись, что не удержат ее”.

— Да, конечно, — сказал Хостеттер.

— Господи, — сказал Исо, — как было бы здорово, если бы они нашли способ обезвреживать бомбы.

— Я думаю, у каждого жителя Барторстауна комплекс вины из-за этого. Но тогда было другое

время.

— Время? А может, и причина была другая?

— Сколько времени это займет? — спросил Лен. — Мне кажется, не меньше столетия.

— Боже мой, да знаешь ли ты, сколько времени потребовалось для разгадки мощи атома? Первое предположение о его строении принадлежит еще греку Демокриту.

— Да, но Шермэн сказал, что при помощи той машины… — не удержался Исо.

— Конечно, Клементина сократит время. Но все равно, кто может сказать, сколько потребуется времени, сто лет или год?

— Но с машиной…

— Дело не только в машине. Она ведь не может извлечь ответ на твой вопрос из воздуха.

— Я хочу увидеть, как она работает, — глаза Исо блестели. — Неужели она действительно… — он заколебался, прежде чем выговорить невероятное слово, — неужели она думает?

— Нет, во всяком случае не так, как ты себе это представляешь. Когда-нибудь Эрдманн объяснит тебе все.

Хостеттер обратился к Лену:

— Думаешь, создавать мозг — это привилегия Господа?

Лен покраснел, чувствуя, что Шермэн прав, и обиделся на Хостеттера за его тон.

— Да, я думаю, это так.

Исо хмыкнул.

— Ты еще насмехаешься, Исо, черт тебя подери! — Лен окончательно разозлился. — Ведь если бы не я, ты до сих пор выгребал бы навоз на ферме своего папочки!

— Ладно уж, — Исо готов был уничтожить его взля-дом, — вспомни, для чего мы здесь, кончай скулить и плакаться.

— Я никому не плакался.

— Что ты говоришь? Напрасно ты ослушался своего отца и не остался в Пайперс Ране.

Лен со злостью пнул ногой камень и пробормотал:

— Что ж, это пугает меня, но и тебя тоже. Посмотрим, кто из нас первым сбежит отсюда, поджав хвост!

— Я убежал бы и от медведя, если б знал, что он съест меня, — сказал Исо. — А пока никуда бежать не собираюсь. Слушай внимательно, Лен, это важно. Сможешь ли ты еще когда-нибудь отыскать что-либо такое же важное и значимое? Я хочу знать все об этой машине.

“Важное… Да, наверное, это так. Господи, зачем

ты создаешь подобных моему брату Джеймсу, которых ничего не интересует, и подобных Исо, которые ни во что не верят, почему ты не идешь на компромисс?

Но все же Исо прав. Теперь уже слишком поздно что-либо менять. Отец всегда предупреждал, что пути антихриста нелегки, и мне кажется, это лишь начало трудностей. Что ж, посмотрим".

Исо остался у Шермэнов, а Лен и Хостеттер направились к дому Вепплоу. Когда они подошли к крыльцу, Хостеттер неожиданно повернулся к Лену:

— Я должен кое-что сказать тебе. Ты помнишь фанатиков, убивших Соумса, помнишь Бардита и его фермеров, помнишь нью-ишмалайтцев. Так вот, Лен, мы тоже фанатики. Нам нельзя иначе. У нас тоже есть вера, и не пытайся что-либо изменить, иначе даже я не смогу спасти тебя.

Хостеттер поднялся по ступенькам и скрылся за дверью. В доме послышались голоса, зажглись лампы, но снаружи было тихо и почти темно. И вдруг из-за угла дома кто-то появился. Это была Джоан. Она кивнула в сторону дома:

— Пытался запугать тебя?

— Не думаю. Скорее, просто сказал правду.

— Я слышала все, — Джоан держала какую-то

тряпку, словно вышла затем, чтобы вытряхнуть. Лицо ее казалось необычно бледным, но голос был острым, как нож.

— Значит, мы фанатики? Что ж, может быть, он и еще кто-нибудь, но только не я. Что заставило тебя прийти сюда, Лен Колтер? Может, ты просто сумасшедший?

Он пристально посмотрел на нее, не зная, что ответить.

— Я слышала ваш рассказ сегодня утром

— Мы не предполагали… — выдавил Лен.

— Они заставили вас рассказать об этом, правда?

— О чем?

— О том, что в мире, откуда вы пришли, живут страшные люди, о том, как жесток этот мир.

— Я не совсем понимаю, что ты имеешь в виду, однако наш рассказ — сущая правда от первого до последнего слова. И если ты сомневаешься, что ж, всегда есть возможность испытать подобное на себе.

Лен попытался было подняться по ступеням к двери, но Джоан схватила его за руку:

— Прости, если обидела тебя. Я не сомневалась в том, что вы сказали правду. Но Шермэн хотел, чтобы вас слышали все, потому и включил свои

микрофоны. Обычная пропаганда. Мне кажется, они пустили вас сюда только для того, чтобы лишний раз доказать, как мы счастливы.

— А разве это не так? — спокойно спросил Лен.

— О, да, — ответила Джоан, — мы очень счастливы. Мы обладаем гораздо большим, чем остальные. Неважно, что в повседневной жизни нам недостает еды и свободы, зато у нас есть Клементина, поэтому с отсутствием остального можно смириться. Кстати, как тебе первое знакомство с Дырой?

— С чем?

— Так некоторые называют Барторстаун.

Что-то в ее тоне привело Лена в замешательство.

— Думаю, мне лучше войти, — сказал он и еще раз попытался преодолеть ступеньки.

— Надеюсь, ты полюбишь каньон и Фол Крик, — сказала Джоан. — Они никогда не выпустят тебя отсюда.

Ему вспомнились слова Шермэна. Лен не винил его, он пока не стремился бежать отсюда, но и здесь ему не нравилось.

— Когда-нибудь они доверятся мне полностью.

— Никогда.

Лен не имел ни малейшего желания спорить

с ней.

— Что ж, так или иначе, я потратил полжизни для того, чтобы добраться сюда.

— Но зачем?

— Ты выросла здесь и никогда не поймешь меня.

— А, ты хотел учиться, так, кажется, вы объясняли сегодня? Ну, иди, учись. Всего хорошего.

Он привлек ее к себе:

— Что это с тобой?

— Мне просто кажется, что ты ненормальный. Подумать только, оставить весь мир ради этого!

— Будь я проклят! — Лен отпустил ее. — Неужели никто здесь не любит Барторстаун? За эти два дня я услышал о нем больше гадостей, чем за всю жизнь.

— Если бы ты провел тут жизнь, ты понял бы меня, — с горечью сказала Джоан. — Да, конечно, некоторые из нас бывали во внешнем мире, но очень немногие. И даже им нужно обязательно возвращаться рано или поздно. А мы не видим ничего, кроме этих отвесных скал. Твой друг прав: для того, чтобы любить это место, нужно быть фанатиками.

— Я провел много лет во внешнем мире, и знаю, что произойдет, если…

— Если Клементина даст когда-нибудь правильный ответ? Да, конечно. Прошло уже целое столетие, а они так и не приблизились к ответу ни на шаг, продолжая говорить о терпимости, преданности… Преданности чему? Этим чертовым механическим мозгам, замурованным в гору, с которыми нужно возиться, словно это сам Господь-Бог.

Внезапно она придвинулась к нему:

— Я не фанатик, Лен Колтер. И если тебе захочется с кем-то поговорить, помни об этом.

Она быстро удалилась за дом, послышался звук хлопнувшей двери. А Лен медленно поднялся по ступенькам, вошел в дом, не спеша поужинал. Он ничего не слышал из того, что говорили ему за столом.

Часть 24

Наутро Лена и Исо вновь пригласили в дом Шермэна, на этот раз Хостеттер не сопровождал их. Хозяин сидел за столом гостиной и вертел в руках два ключа.

— Вчера я говорил, что не стану принуждать вас быстрее приспосабливаться, и сдержу слово. Но тем не менее, вы должны работать. Если я пошлю вас, например, пасти мулов, или в подручные к кузнецу, вы так ничего и не узнаете о Барторстауне.

— Да, конечно, — охотно подхватил Исо, — а можно мне работать с той большой машиной, с Клементиной?

— Без подготовки, конечно, нет. Но ты можешь помогать Фрэнку Эрдманну, он занимается этим. И не беспокойся, скоро будешь работать там, где хочешь. Но прежде необходимо многому научиться, а пока что… — он немного поколебался, а может, это просто показалось Лену, — я поручаю вам работу с паровым котлом. Некоторый опыт у вас есть, поэтому обучение не займет много времени. Джим Сидней, с которым мы беседовали

вчера, во всем поможет вам. — Он поднялся и протянул ключи.

— Это от больших ворот. Джим расскажет вам, когда приходить на работу, и ответит на все вопросы. В свободное время можете ходить, где угодно, например, наведаться в библиотеку к мистеру Фотстайту. И не делайте такие каменные лица, я вижу вас насквозь.

Лен испуганно посмотрел на Шермэна, и тот улыбнулся.

— Ты подумал о том, что паровой котел отделяет от реактора лишь бетонная стена? Так вот, я хочу, чтобы вы свыклись с этим и забыли о страхе.

“Так ли это, — думал Лен, — или нас еще раз проверяют, сможем ли мы преодолеть свой страх, сможем ли научиться жить рядом с этой штукой?”

— А теперь идите, — сказал Шермэн, — Джим ждет вас.

Лен и Исо поднимались по пыльной дороге, которая петляла среди валунов, к Барторстауну. У ворот они остановились, оба нервничали, ожидая, кто первый решится открыть их.

— Не думал, что ты такой трус, — сказал Лен.

— Дело не в этом. Просто поблизости работают

люди. Ну вот, теперь все в порядке. Идем.

Исо осторожно вставил в замок ключ и повернул его. Замок открылся, и они вошли. Лен тщательно закрыл ворота.

“Ну вот, я и закрылся вместе с ним, с этим огнем, который обрушился с неба много лет назад”, — пронеслось в голове Лена.

Вслед за Исо он спустился в туннель, вошел во внутреннюю дверь, миновал комнату сторожа, где юный Джонс кивком головы приветствовал их. Боялся ли он чего-нибудь? Нет, Джонс никогда не знал, что такое страх, как и Эд Хостеттер. И он живет себе спокойно, сторожит Барторстаун в полном здравии. И Господь не покарал его. Господь позволил спастись Барторстауну, разве это не доказывает, что эти люди выбрали правильный путь? Однако неисповедимы пути Господни, у каждого в жизни наступит момент, когда…

— О чем ты там замечтался? — подтолкнул его Исо. — Пойдем быстрее.

Над его верхней губой выступили бисеринки пота, он заметно нервничал, спускаясь по ступенькам, которые гулко звенели под ногами. Юноши миновали этаж с большим компьютером, и мимо турбин и генераторов вошли в широкую, просторную пещеру возле бетонной стены.

Джиму Сиднею пришлось дважды окликнуть их, прежде чем молодые люди очнулись от своих мыслей. И Лен подошел к громадному котлу, чувствуя себя маленьким и ничтожным рядияя с этой всемогущей силой. Он стиснул зубы, внутри что-то сжалось: “Это потому, что ты боишься преодолеть свой страх, — подумал Лен, — но ведь другие, такие же люди, как ты, не боятся. Они верят в то, что делают, гордятся тем, что правительство доверило им эту работу. Бабушка была бы рада за меня. “Никогда не бойся знаний”, — говорила она. И я не буду бояться. Не буду. Я сольюсь с этим миром, поверю в него. И Эд Хостеттер поможет мне в этом. На него можно положиться”.

И Лен принялся за работу, за день он даже не взглянул в сторону бетонной стены. Но он чувствовал ее, чувствовал почти физически, чувствовал даже тогда, когда вернулся в Фол Крик и улегся спать. А когда он заснул, ему приснился реактор.

Лен ничего не мог поделать с этим. Тот же кошмар мучил его и на следующий день, и через день, и еще долгое время. Лен переставал думать о страшной силе лишь по вокресеньям в церкви или во время прогулок с Джоан Веп-

плоу. Поэтому он стал охотнее бывать в церкви. Его успокаивали слова проповедника о том, что Господь благословил их деяния, что они должны быть терпимыми ко всему. Да и слова Шермэна, казалось, оправдывались: с каждым днем Лен все меньше и меньше боялся ужасной стены. Он уже немного освоился, знал основные принципы работы прибора и контроля за ним.

Иногда они с Исо болтали и смеялись, представляя себе реакцию жителей Пайперс Рана, если бы они увидели их за работой: мистера Нордхолта, который считал, что очень много знает, и так скудно делился своими знаниями, отца и дядю Дэвида, которые ремнем отвечали на любой вопрос. Лен слишком хорошо знал, что сказал бы отец, поэтому не любил об этом думать. Зато часто вспоминал судью Тэйлора. Из-за его страха был убит человек, сгорел почти весь город, и Лен сотни раз проигрывал сцену, как скажет ему, что Барторстаун существует, что он, Лен Колтер, не боится больше силы атома, что в нем не больше зла, чем в кухонном ноже или холостом ружейном патроне. Зло лишь в том, как использовать его, зло, однажды совершенное, уже не повторится никогда. Господи, какое счастье, что закончились казавшиеся бесконечными

ночи холода, отчаянья, жары и москитов, страха и голода, на протяжении которых они грезили о Барторстауне.

Но реальность оказалась иной. В их мечтах все было светлым и удивительным, как рассказы бабушки, в них не было зла.

“Теперь я действительно преодолел свой страх” — удовлетворенно подумал Лен.

Его растолкал Хостеттер:

— Что тебе снилось?

— Я не знаю. Просто странный сон. — Он встал с постели, глотнул воды, затем непринужденно осведомился: — Я что-нибудь говорил?

— Нет, просто постанывал.

Лен поймал себя на мысли, что Хостеттер смотрит на него по-особому задумчиво, словно знает, что было в его ночном кошмаре.

Исо переживал происходящее не так глубоко, как Лен. Все сводилось лишь к убеждению, что кости его могут разрушиться, но, в конце концов, он тоже привык к реактору. Иногда Лен скрашивал:

— Ты никогда не задумывался над тем, что если бы не было реактора, исчезла бы и необходимость отвечать на подобные вопросы.

— Ты ведь слыхал слова Шермэна: могут быть и другие реакторы в руках наших врагов. К тому

же, он не вредит никому. Шермэн говорит, что рано или поздно кто-нибудь все равно откроет секрет атома.

“Возможно, он прав, а может, и нет. Возможно, он хочет оправдаться в собственных глазах. Так или иначе, этот поиск не может длиться вечно, и мне столько не прожить”.

— Моя жена — просто класс! — Исо рассмеялся.

Лен почти не общался с Эмити. Они относились друг к другу с прохладцей, и такая обоюдная неприязнь отнюдь не скрашивала их встречи. Поэтому Лен уточнил:

— Это как?

— Когда она впервые услышала об атомной энергии, ужасно испугалась и клялась, что потеряет ребенка от таких переживаний. А знаешь, что она говорит теперь? Все, что здесь делается, чрезвычайно важно, и она, мол, может это доказать.

— Интересно, как?

— Каждый знает, на что способна атомная сила, и если за ней не следить, каньона не было бы — только кратер, как рассказывал судья Тэйлор. Ей легче жить с такими мыслями, — Исо улыбнулся. — Я почему-то уверен, что у меня будет сын. Может быть, я так и не научусь работать на

этой большой машине, тогда это сделает он.

Клементина действовала на Исо, как удав на кролика. Она гипнотизировала и зачаровывала его. Он проводил возле нее все свободное время, задавал вопросы Эрдманну даже при встрече на улице. Частенько к машине подходил и Лен. Он стоял неподвижно, глядя на мертвые приборы, и нервничал. Ему казалось, что он стоит у постели спящего, который вовсе и не спит, а пристально наблюдает за ним исподтишка.

“Но ведь это не настоящий мозг”, — думал он.

По ночам его частенько посещали кошмары — создания с огромным мозгом и сердцем.

Вообще же Лен упорно работал, и другое создание частенько посещало его мысли, не оставляя покоя душе, создание из плоти и крови — девушка по имени Джоан.

Часть 25

Время для Исо и Лена летело незаметно. Фол Крик уже три раза посетили чужеземцы, оставаясь ненадолго поторговать. Дважды наведывались небольшие группки смуглых охотников за мустангами, менявших жеребцов на муку, сахар и пшеничный виски. В третий раз приезжали нью-ишмалайтцы. Они не захотели ночевать в Фол Крике и остановились на окраине городка, словно боялись чего-то. Шермэн прислал то, что они просили, и начались молитвы, крики. Половина населения Фол Крика пришла поглазеть на это зрелище. Лен с Джоан были среди них.

— Смотри, один из них, кажется, собирается читать проповедь, — сказала Джоан, — этого-то все и ждут.

— Я наслушался за свою жизнь достаточно проповедей, — угрюмо пробормотал Лен, но все же остался.

С заснеженных горных вершин дул ледяной ветер, все были одеты достаточно тепло, кроме нью-ишма-лайтцев. Сквозь их лохмотья проглядывало посиневшее тело.

— Они очень страдают зимой, — сказала Джоан. — Мрут, как мухи, от голода и холода. Весной часто находят их околевшие тела, иногда даже несколько. Особенно страдают дети, — она окинула оборванную толпу холодным, презрительным взглядом. — Мне кажется, они должны дать шанс выжить хотя бы детям. Пусть вырастут и решают сами, обязательно ли им замерзать до смерти.

Худые, словно скелеты, посиневшие от холода, бегали дети, размахивали ручонками и что-то кричали. Даже в старости у них никогда не будет собственного мнения. Обычаи, стадное чувство, среда, в которой они растут, — все обязательно скажется на их сознании.

Из толпы выступил человек и начал проповедь. Его волосы и длинная борода были грязно-серыми, и Лен подумал, что он не такой уж старый, как кажется. Нью-ишмалайтцы почти не доживают до старости. На проповеднике была козья шкура, засаленная и отвратительно грязная, волосы спутались и свалялись. Ребра, похожие на стальные прутья, выпирали так, что их без труда можно было сосчитать. Он погрозил в сторону населения Фол Крика кулаком и воскликнул:

— Покайтесь, покайтесь, заклинаю вас именем Господа! Вы, живущие ради своей плоти, близит-

ся ваш конец. Господь низвергнет с небес гром и пламя, земля разверзнется и поглотит грешников. Но сейчас Господь, в безграничной милости своей лишь дал вам еще немного времени, дабы вы успели покаяться и замолить грехи свои. Посмотрим, что вы скажете, когда снизойдет Господь на землю вершить свой суд. Как будете вы тогда ползать и рыдать, умоляя о пощаде, и что тогда будет значить вся ваша роскошь и суетность? Только лишь пламя ада. Огонь, сера и боль, длящиеся вечно, — вот что грозит вам, если не искупите вы грехи свои.

Слова проповедника потонули в сильном ветре, он относил их куда-то в сторону:

“Покайтесь, покайтесь!” — навязчивым эхом отдавалось где-то в каньоне.

“Интересно, — думал Лен, — что сделал бы этот ненормальный, если бы шепнуть ему на ушко, что находится под горой в полумиле отсюда. Вон, вон, сумасшедший старик, прекрати свою глупую проповедь!”

Наконец проповедник замолчал, удовлетворенный своей платой за дары, преподнесенные жителями Фол Крика, присоединился к остальным, и все двинулись вверх по дороге, к перевалу. Ветер становился все сильнее, угрюмо завывая в

скалах, и Лен невольно содрогнулся.

— Вначале мне тоже было жалко их, — сказала Джоан, — но лишь до тех пор, пока я не почувствовала, что они могут в любой момент растерзать кого-нибудь из наших. — Она критически оглядела себя: коричневое пальтишко, длинная шерстяная юбка, ботинки… — Роскошь! Излишество! — она рассмеялась как-то невесело. — Грязный, старый болван. Он даже не знает, что значат эти слова. — Джоан посмотрела Лену в глаза. В них горел озорной огонек. — А ведь я могу показать тебе, Лен, что значат эти слова.

Лена всегда волновал ее взгляд, такой проницательный, что, казалось, она насквозь видит его. Он чувствовал: Джоан сейчас бросила вызов, поэтому ответил:

— Ну что ж, покажи.

— Для этого нам нужно идти домой.

— Я так или иначе приду, к вам обедать, ты ведь не забыла?

— Нет, идти нужно прямо сейчас.

— Ладно, — пробормотал он.

Дома было тихо и тепло, лишь две мухи монотонно жужжали возле оконной рамы. Джоан сняла пальто.

— Думаю, мои не скоро вернутся, — сказала

она, — это тебя не смущает?

— Нет, — ответил Лен.

Он тоже снял пальто и устроился на стуле. Джоан подошла к окну, безуспешно попыталась прихлопнуть муху. Когда возвращались домой, она очень торопилась, теперь же от этой спешки не осталось и следа.

— Тебе все еще нравится работать в Дыре?

— Конечно, — ответил Лен, — это просто замечательная работа.

Молчание.

— Они уже нашли ответ?

— Нет пока, но как только Эрдманн… А почему ты задала этот вопрос? Сама ведь прекрасно знаешь ответ на него.

— А тебе говорил кто-нибудь, сколько им нужно еще времени?

— Это ты тоже знаешь сама.

Вновь молчание. Одна из мух замертво упала на пол.

— Почти столетие, — тихо сказала она, задумчиво глядя в окно. — Как это долго. Трудно предположить, проживем ли мы еще одно столетие.

Лен поднялся, стараясь не смотреть ей в глаза:

— Наверное, я лучше пойду.

— Почему?

— Ну, твоих дома нет, и…

— Они вернутся только к обеду.

— Но до обеда еще куча времени.

— А разве ты не хочешь увидеть то, ради чего я притащила тебя сюда? — Она рассмеялась. — Подожди немного.

Джоан скрылась за дверью соседней комнаты. Лен вновь опустился на стул. Он сжал руками колени, его бросило в жар. Однажды он уже испытывал нечто подобное в беседке судьи Тэйлора, где он сидел с Эмити. Он слышал возню Джоан за дверью. Прошло уже довольно много времени, и Лен начал нервничать, не понимая, что она там делает так долго, прислушиваясь к шорохам на крыльце. Вместе с тем он знал, что, не будь у них достаточно времени, Джоан не заварила бы эту кашу.

Дверь в соседнюю комнату распахнулась.

Джоан была в красном платье. Немного великоватое, оно долго лежало на дне сундука и безнадежно помялось, но это не имело значения. Оно было огненно-красным, сшитым из какого-то тонкого, блестящего материала, шелестело при каждом движении и спадало до самого пола. Джоан развела руками и медленно повернулась.

Платье оставляло обнаженными спину и плечи, плотно обтягивало грудь. Ее блестящие черные волосы каскадом спадали на обнаженные плечи.

— Когда-то его носила моя пра-прабабушка. Ну как, тебе нравится?

— Боже, — только и смог сказать Лен, — это самая… Самая неприличная вещь из всех, которые мне приходилось видеть.

— Я знаю. Но разве оно не красиво? Вот настоящая роскошь. Послушай, как оно шелестит. Представляешь, что сказал бы этот старый грязный дурак, если бы увидел его?

Джоан стояла совсем близко, Лен видел бархатистую кожу ее дивных плеч, видел, как опускалась и поднималась ее грудь, обтянутая ярко-красной тканью. Она улыбнулась. И внезапно до Лена дошло, до чего же она красива, — не просто хороша, как Эмити, а именно красивая. Он заглянул в ее темные глаза, внутри что-то оборвалось и вспыхнуло, словно электрическая лампочка зажглась в темном туннеле. Он никогда не испытывал подобного с Эмити.

Лен крепко прижал ее к себе, нашел ее губы. Ему было жарко, красное платье, шелковое и мягкое, хранило тепло ее тела. Лен закрыл глаза и поцеловал ее, затем еще раз и еще, руки его сами

собой поползли вверх, к этим дивным плечам. Джоан резко отстранилась, уже не улыбаясь, глаза ее сияли, словно в них зажглись звезды.

— Когда-нибудь, — сказала она, — ты захочешь уйти отсюда, Лен Колтер. Прошу тебя, приди за мной.

И она вновь скрылась в соседней комнате, послышался скрип засова. Следовать за ней было бесполезно. А когда Джоан появилась вновь в своей обычной одежде, на крыльце послышались шаги.

В следующий раз и не в этом доме Джоан рассказала Лену о Нулевом Решении.

Часть 26

Пришла зима. Фол Крик напоминал маленький заброшенный островок света и жизни в мрачной стране холода, ветра и колючего снега. Перевал был занесен снегом, до весны все застыло. Убеленные снегом горные вершины, величественные в лучах солнца и угрожающие в сумерки, отталкивали своей неприступностью.

В Барторстауне не было ни зимы, ни лета, ни ночи, ни дня: те же огни освещали каменный туннель, тот же воздух шипел в комнатах, выдолбленных в камне. Бессмертное, неустанное сердце продолжало биться за бетонной стеной, а над ним дремал в своей комнатке мозг — Клементина, — глупое название для надежды, огромной, словно мир, — дремала, пока люди заботливо и тщательно протирали и смазывали каждый проводок и транзистор. А еще выше, в комнате сторожа, следили и прислушивались стражи этого маленького мирка.

А Лен все работал, потел от усердия, пытаясь разобраться в книжках, которые ему рекомендовали прочесть, и думал, как много он уже знает

и насколько несведущи все остальные в том страшном внешнем мире. Люди, оставшиеся за горами, не смогли бы сделать и сотую часть того, что делают они с Исо во спасение светлого завтра от ужасного вчера. Лен не мог понять, почему он так плохо спит по ночам, завидовал Исо, однако ничего ему не рассказывал. Он уже не радовался, что потратил полжизни ради того, чтобы добраться сюда, смирившись с реальностью. Лен часто думал о Джоан, старался встречаться с ней как можно реже, но это ему не удавалось. Он боялся ее, но гораздо больше боялся признаться самому себе. Джоан, как никому другому, ничего не стоило доказать, что он, Лен Колтер, хочет уйти, бежать из Барторстауна. Она бросила вызов, который он не в силах был принять. А еще она была девушкой, и он сходил по ней с ума.

Другие, конечно, тоже работали. Хостеттер много времени проводил с Шермэном. Он давал ему полезные советы, используя свой многолетний опыт, как усовершенствовать систему внешней торговли. За эти дни Хостеттер очень изменился: волосы и бороду он коротко подстриг, нью-мексиканскую одежду спрятал глубоко в сундук. Они все еще жили в одной комнате, но каждый занимался своим делом, у Хостеттера были свои

друзья, а Лен большую часть времени проводил с Джоан. Через некоторое время Лену пришло в голову, будто вся семья Вепплоу считает, что они должны пожениться. От этих мыслей Лен чувствовал себя уже не так свободно у них в доме, как раньше.

“Женские разговоры, и больше ничего, — твердил он себе. — Эмити тоже не подпускала меня к себе. Они и сами не знают, чего хотят, эти девчонки. Вбила себе в голову, что хочет уехать отсюда, точно так же, как я раньше рвался в Барторстаун”.

И он вновь и вновь пытался убедить Джоан, что ей не понравится там, откуда пришли они, без устали описывал ей спящие деревушки и скучную, монотонную жизнь живущих там людей. Он пытался заставить ее понять, что не нужно уезжать отсюда. И вдруг ему так захотелось домой, что он осекся на полуслове. А в ее глазах он увидел явное удовлетворение.

Кроме того, бессмысленно было даже думать о побеге. Обратного пути просто не существовало. Горы были слишком высокими, за всеми дорогами тщательно следили. Была и еще одна причина. Лену никто не говорил об этом, но он знал абсолютно точно: Шермэну известен каж-

дый его шаг. Добраться до Барторстауна оказалось гораздо проще, чем вернуться назад.

Все вокруг тщательно следили друг за другом, каждый поступок живо обсуждался местными кумушками. Перед Рождеством предметом разговоров стал Гутиэррез. “Бедняга Джулио, как тяжело переживает он свое разочарование. Знаете, он отдал свою жизнь этой работе, да, конечно, однако рано или поздно каждый в чем-нибудь разочаровывается. Разве можно так много пить? Почему бы не взять себя в руки и не попробовать начать все заново? В конце концов жизнь… кстати, вы слышали, что недавно его нашли под забором Сойера мертвецки пьяным, он чуть не замерз до смерти. О, его бедная жена, как ее жаль, гораздо больше, чем самого Джулио. Мужчина его возраста должен отдавать себе отчет в том, что жизнь не состоит целиком из приятных событий, случаются и полосы невезения. Я слышала, что и бедняга Фрэнк Эрдманн близок к помешательству. Я слышала…”

Все они видят и слышат, а затем обсуждают. Говорили, конечно, и о других людях и других событиях, но Гутиэррез оставался в центре внимания до конца зимы. С чего бы ни начинался разговор, он все равно сводился к Гутиэррезу.

Лен тоже несколько раз видел его — и пьяным, и выпившим, в такие минуты казалось, что Гутиэррезом целиком владеет неясная потерянная надежда, которую он пытается обрести вновь. Ночью в большой комнате его дома всегда горел свет. Гутиэррез сидел за столом, на котором были разбросаны бумаги, он перебирал их, то и дело прикладываясь к большому кувшину. Так он работал и пил до тех пор, пока не сползал под стол, и тогда жена тащила его к кровати. Любой случайный ночной прохожий мог наблюдать в освещенное окно подобную сцену.

Наступило Рождество, и после церкви Вепплоу давали у себя обед. Холодный воздух был хрустально чист, погода — чудесной. Десятки подобных обедов прокатились по всему Фол Крику, люди с трудом пробирались к домам, по ночам на улицах зажигали фонари. Джоан пребывала в каком-то странном волнении, и однажды, по пути к кому-то в гости, она повела Лена в сад, где они, забыв о холоде, долго стояли, прижавшись друг к другу.

— Ты любишь меня?

В ответ он страстно поцеловал ее.

— О Лен, если ты по-настоящему любишь меня… — Внезапно она еще сильнее прильнула к

нему и быстро прошептала: — Увези меня отсюда. Я сойду с ума, если еще немного побуду в этой Дыре. Если бы я была мужчиной, то давным-давно сбежала бы отсюда. Только ты сможешь помочь мне. Я буду боготворить тебя за это всю жизнь.

Лен медленно и осторожно отодвинулся, словно от зыбучего песка.

— Нет.

— Почему, Лен? Почему ты вбил себе в голову, что должен провести остаток жизни в этой дыре. Ведь Барторстаун для тебя — лишь детская мечта, и ничего больше.

Он отвел взгляд.

— Они твердят тебе, что работают ради будущего благополучия всего мира? Я с рождения слышу эти басни, — лицо ее исказилось от ярости, которую она так долго подавляла в себе. — Эту бомбу создавала не я, и не я разрушила мир, так почему меня силой держат здесь и твердят о каком-то долге? Ответь мне, Лен! Ведь у меня нет долгов! Ну что же ты молчишь? А, наверное, ты боишься. Боишься признаться самому себе в том, что напрасно растратил все эти годы? Боишься открыто столкнуться с реальностью?

“Да, конечно, — думал он, — я сталкиваюсь с этой реальностью каждый день. С реальностью

за бетонной стеной”.

— Оставь меня в покое, — выпалил он, — я никуда не собираюсь уходить. Я не могу. Прошу тебя, хватит об этом.

Джоан рассмеялась:

— Они забивают тебе голову всякой чушью, но я уверена, что об одном не упоминали ни разу. Могу поспорить, они не рассказывали тебе о Нулевом Решении. — В ее голосе был неподдельный триумф. Лен точно знал, что не желает больше слышать ни слова. Но она продолжала смеяться: — Так ты хочешь учиться, да? Что же они не выложат тебе всей правды? Ты ведь хочешь знать всю правду, верно? Или и этого ты боишься?

— Нет, не боюсь. Так что же значит Нулевое Решение?

— Ты уже имеешь представление об их работе: построение теорий, потом — кодирование их в уравнения. Эти уравнения и вводят в Клементину, которая решает их. Если все сработает, это будет означать шаг вперед. Если нет, как в прошлый раз, — шаг назад. Но главное в этом процессе — окончательное решение. Предположим, одно из маленьких уравнений просто не сработает. В этом случае они получат математическое доказательство того, что все эти годы прошли

впустую. Машина сообщит, что решения нет. Это и есть Нулевое Решение.

— Господи… И это возможно? — он, не мигая, смотрел на нее, чувствуя себя обманутым уже в который раз.

— Это обязательно рано или поздно произойдет, вопрос лишь в том, когда. Спроси у Шермэна, если не веришь мне. У нас все знают, что такое Нулевое Решение, только молчат. Об этом не принято говорить, как и о смерти. Теперь ты знаешь, чего все это стоит.

И Джоан ушла. Она всегда знала, когда Лену хотелось побыть одному. Он не пошел в гости. Он вернулся домой и сидел там в одиночестве до тех пор, пока не явился Хостеттер. К этому моменту настроение Лена испортилось окончательно, и не успел Хостеттер закрыть за собой дверь, как последовал вопрос:

— Что ты знаешь о Нулевом Решении?

По лицу Эда пробежала тень:

— Вероятно, мы имеем одинаковые сведения на этот счет.

— Да, но почему все молчат об этом?

— Я бы посоветовал тебе то же самое. К тому же, это всего-навсего предрассудок.

Хостеттер сел и принялся снимать сапоги. Та-

лый снег стекал на пол и образовал маленькую лужицу.

— Это не удивительно, — пробормотал Лен. Хостеттер упорно продолжал стягивать сапоги. — Ни одно исследование не проводится подобным образом. Как они могут впустую тратить столько времени?

— Даже если знаешь наверняка, можно ли перестать пробовать? — Хостеттер швырнул сапоги к печке. Обычно он аккуратно ставил их.

— Но ведь это бессмысленно!

— Ты действительно так считаешь? А когда твой отец бросает в землю семена, есть ли у него гарантия, что все они взойдут и урожай будет хорошим? А есть ли у него гарантия, что каждый новорожденный ягненок и теленок выживет и сторицей отплатит за заботу? — Хостеттер принялся снимать рубашку и штаны.

— Все это так, урожай может погибнуть, а теленок умереть, но приходит следующий сезон, следующий год. А что придет на смену этому? Ничего.

— Они начнут сначала, пойдут по другому пути. Возможно, какая-то часть работы не пропадет впустую и не все будет потеряно, — Хостеттер повесил одежду на стул у кровати и залез под

одеяло: — Черт возьми, значит, ты считаешь, что человечество достигло такого уровня развития без ошибок и испытаний?

— Но это займет так много времени!

— На все уходит много времени. Мать носит ребенка в себе девять месяцев, а жизнь неизбежно приводит к смерти, так на что же ты сетуешь? Ты получил то, к чему стремился. Поживи с мое, тогда, может быть, твои выводы будут стоить большего.

Хостеттер с головой залез под одеяло, и через несколько минут Лен погасил лампу.

На следующий день весь Фол Крик не переставал говорить о том, что Джулио, напившись у Шермэна, ударил Фрэнка Эрдманна, но вмешался Хостеттер, который буквально на руках отнес Гутиэрреза домой. Ссора между старшим физиком и главным инженером электроники была достаточным поводом для сплетен, но Лен видел в этом нечто зловещее, может быть, потому что всю ночь думал о погибших урожаях и умирающих ягнятах?

Часть 27

Еще не начало светать, а Исо уже тарабанил в дверь. Был понедельник, третье января, и снег опускался на землю в такой отчаянной спешке, словно сам Господь внезапно отдал приказ засыпать каньон.

— Ты что, еще не готов? — вскипел Исо. — Быстрее же, иначе мы просто не сможем добраться туда из-за снега.

Хостеттер проснулся и поднял голову:

— Чего это ты так суетишься?

— Клементина, — затараторил Исо, — большая машина. Они собираются проверять ее сегодня утром, и Эрдманн сказал, что мы можем присутствовать. Поторопись же!

— Дай мне обуть сапоги! Никуда не денется твоя Клементина.

— Ты надеешься, что сможешь работать на ней? — спросил у Исо Хостеттер.

— Нет. Слишком сложная математика. Я хочу в совершенстве разобраться в радио. Ведь это оно привело нас сюда. Но увидеть, как думает этот огромный мозг, конечно, интересно. Ну, готов ты

наконец? Точно? Тогда идем!

Мир слепил своей белизной. Снег продолжал падать и кружиться в морозном воздухе. Они не без труда миновали деревню: дома были едва различимыми за снежной завесой. Однако идти по дороге оказалось еще сложнее, она напоминала поле в родном Пайперс Ране. Белая равнина простиралась перед ними. Куда идти? У Лена даже закружилась голова. Белое покрывало скрыло все, приглушило звуки.

Юноши шли рядом, обмениваясь обычными репликами по поводу зимы, погоды, и вдруг Лен спросил:

— Исо, ты ведь счастлив здесь, правда?

— Конечно. И не вернусь в Пайперс Ран ни за какие сокровища мира. А ты разве не счастлив?

— Конечно, счастлив.

Они продолжали пробираться в сугробах, снежные хлопья падали на лицо, мешали дышать.

— Как ты думаешь, — спросил Лен, — найдет ли машина когда-нибудь ответ? Или выдаст Нулевое Решение?

— Черт возьми, мне это безразлично. Я и так занят по горло.

— Неужели абсолютно все безразлично?

— Конечно, нет. Например, моя работа. Мне на-

плевать на старых идиотов, которые вообразили, будто могут распоряжаться мной и бесконечно указывать, что можно делать, а чего нельзя.

— Да, — рассеянно пробормотал Лен, — конечно. Можно делать и думать, что хочешь, за исключением одного — нельзя говорить, что не разделяешь больше их веры, и в этом Барторстаун не слишком отличается от Пайперс Рана.

Молодые люди подошли к двум огромным валунам. Лену показалось, будто похожая на снежную бабу фигура с трудом пробирается к ним. Когда фигура заговорила, они узнали Гутиэрреза. Он был так засыпан снегом, словно уже долгое время стоял тут, ожидая, когда кто-нибудь придет.

— Прошу прощения, что задерживаю вас. Я куда-то подевал свой ключ. Вы не будете возражать, если я войду вместе с вами?

В Барторстаун они вошли втроем, Лен косился на Гутиэрреза, думая о его бессонных ночах, проведенных с бумагами и кувшином. Лен жалел его и вместе с тем боялся. Ему отчаянно хотелось задать вопрос о Нулевом Решении, но он был уверен, что, услышав подобное, Гутиэррез ударит его. Поэтому Лен сдержался.

За воротами тоже намело горку снега, а дальше — лишь темень, холод и пустота. Гутиэррез ше-

ствовал впереди. Он несколько раз споткнулся, но теперь шел неестественно ровно и прямо. Лен слышал, как он тяжело дышал, словно после забега на длинную дистанцию. В проходе зажегся свет, где-то возле внутренней двери, Гутиэррез ушел далеко вперед и, казалось, вообще забыл о них.

Бок о бок они вновь стояли под сканнерами. Гутиэррез не сводил глаз со стальной двери до тех пор, пока она не отворилась, и он поспешил вниз. Из комнаты сторожа выглянул Джонс, посмотрел ему вслед и вслух удивился:

— Что он здесь делает в такую рань?

Исо пожал плечами:

— Он вошел вместе с нами. Сказал, что потерял ключ.

— Эрдманн не обрадуется. — сказал Джонс. — Впрочем, ладно. Ведь никто не велел мне закрывать перед ним дверь. Значит, моя совесть чиста. Расскажите мне, что у них там получилось, а?

— Прошлой ночью Гутиэррез опять был пьян. Обычно после этого у людей ничего не получается.

— А мне все равно, — сказал Исо, — я хочу видеть мозг в работе.

Лен и Исо оставили одежду в специальной ком-

нате и поспешили вниз, на другой этаж, мимо макета Хиросимы и ее жертв. За дверью громко разговаривали.

— Я сожалею, Фрэнк. Позволь мне извиниться перед тобой.

— Забудем об этом, Джулио. Каждый из нас совершает проступки. Давай забудем об этом.

— Спасибо тебе, — с безмерным достоинством произнес Гутиэррез.

Лен заколебался, не решаясь войти, и вопросительно взглянул на Исо.

— Как она работает? — послышался голос Гутиэрреза.

— Чудесно Все идет, как по маслу.

Тишина. Сердце Лена бешено стучало, внутри будто что-то оборвалось. Из-за двери донесся еще один голос — деловой, чуть сдавленный, но достаточно внятный — голос Клементины. Исо тоже услышал его.

— Мне наплевать на них, — прошептал он. — Я пошел.

И он тихонько проскользнул в дверь, а Лен, осторожно ступая, последовал за ним. Клементина работала. Мигали лампочки на центральном пульте, внутри кипела жизнь.

“Мозг и сердце”, — подумал Лен.

— О, — в голосе Эрдманна слышалось явное облегчение, — привет!

На дисплее внезапно зажглась надпись, затем исчезла, экран снова стал темным, мерцал только маленький огонек, который указывал на то, что машина готова к работе. Исо затаил дыхание. Он молчал, потому что об этом просил Гутиэррез. Джулио извлек из кармана какие-то бумаги со словами:

— Жена была права, мне не нужно было приходить сегодня. Это она спрятала ключ. Но я не мог ждать. — Он взглянул на бумаги. — Я перерешал всю последовательность уравнений и нашел ошибку.

— И что? — Эрдманн напрягся.

— Все было спланировано отлично. Смотри сам. Вот.

Он передал бумаги Эрдманну, который бегло их просмотрел.

— Видишь, — с горечью сказал Гутиэррез, — она ошиблась, Фрэнк. Ты твердишь, что это невозможно, а она все-таки ошиблась.

— Джулио, я… — Эрдманн нервно встряхнул головой и в отчаянии перевел взгляд на Лена, затем вновь углубился в бумаги.

— Неужели ты не видишь, Фрэнк?

— Джулио, я не настолько хорошо разбираюсь в математике…

— О черт, ведь ты же инженер, и должен знать. Тут все просто. Вот она, видишь?

— И что же ты теперь хочешь от меня?

— Запусти эту программу вновь. Корректируй ее. И тогда ты получишь ответ. Понимаешь? Ответ!

Эрдманн облизал губы.

— Но если она сделала ошибку недавно, это может повториться и сейчас, Джулио! Почему ты не привел Вентца или Джекобса?

— Для проверки им потребуется целая зима, а то и больше. Клементина же может прямо сейчас заняться этим. Ведь ты проверил ее и сказал, что все идет, как по маслу. Поэтому я настаиваю сейчас прокрутить всю программу, пока она не устала. Вводи это.

— Да, но… Хорошо, я введу.

Эрдманн подошел к пульту и принялся нажимать какие-то кнопки. Гутиэррез ждал. Он не снял верхнюю одежду и не обращал на жару никакого внимания. Он не сводил глаз с Эрдманна, время от времени посматривал на компьютер, кивал и улыбался, подобно человеку, нашедшему чужую ошибку, которая подтвердила его собственную

правоту.

Лен отошел ближе к двери. Он не мог смотреть на Эрдманна. Ему очень хотелось уйти, но он знал, что это невозможно. Огоньки на пульте мигали так заманчиво, неясный голос так завораживал, что он, как и Исо, не мог заставить себя сдвинуться с места. И тут Эрдманн обратился к ним:

— Я скоро освобожусь, ребята, и отвечу на все ваши вопросы.

— А может, нам лучше подойти попозже? — спросил осторожно Лен.

— Нет, — Эрдманн с опаской взглянул в сторону Гутиэрреза. — Нет, оставайтесь здесь.

Гутиэррез спокойно стоял, скрестив руки, и ждал. Эрдманн беспокойно ерзал, на лбу его выступил пот.

— Мне кажется, произошел сбой цикла, Джулио. Ее проверили не до конца.

— Ты рассуждаешь прямо как моя жена: не волнуйся, мол, все пройдет.

Послышался стук принтера, и Эрдманн подался вперед. Гутиэррез оттолкнул его, выхватил отпечатанную полоску бумаги. Он смертельно побледнел, лицо его исказилось, руки дрожали.

— Что ты сделал, Фрэнк! Посмотри, что ты сде-

лал с моими уравнениями?

— Ничего, Джулио…

— Посмотри сюда! Нет решения, ищите ошибки. Нет решения! Нет решения!

— Джулио… Послушай, Джулио. Ты устал, ты работал слишком много. Эти уравнения я ввел правильно, но они…

— Они что? Договаривай, Фрэнк! Ну же, продолжай!

— Джулио, я прошу тебя, — с ужасающей беспомощностью начал было Эрдманн и протянул Гутиэррезу руку, словно ребенку, которого нужно успокоить.

И Джулио ударил его так неожиданно и с такой силой, что отразить удар не было возможности. Эрдманн пошатнулся, неловно взмахнул руками и упал, а Гутиэррез спокойно произнес:

— Вы оба против меня. Ты договорился с ней никогда не давать мне правильного ответа, чтобы я ни делал. Ты всю зиму совещался с ней, Фрэнк, и вы вместе смеялись надо мной. Но теперь я заставлю ее дать ответ!

Гутиэррез вытащил из карманов камни. Так вот почему он не снял пальто, несмотря на жару:

— Я заставлю тебя сказать, сука, заставлю! — и первый камень полетел в Клементину.

Стекло в центральной панели треснуло. Одно из больших стекол, за которым находилась память Клементины, разбилось вдребезги.

Эрдманн с трудом поднялся на ноги, взывая о помощи и пытаясь убедить Гутиэрреза остановиться. Но тот продолжал кидать камни, затем подбежал к машине. Он бил ее ногами, не переставая твердить:

— Сволочь, дрянь, я заставлю тебя хорошо работать, в тебе — вся моя жизнь и мой разум, я заставлю тебя сказать!

Эрдманн сцепился с ним:

— Лен, Исо, что же вы стоите, помогите мне! Его нужно удержать!

Лен медленно, словно лунатик, сделал несколько шагов вперед и схватил Гутиэрреза, неожиданно сильного. Удерживать его было очень трудно, еще труднее оттащить от полуразрушенного пульта, на котором зажигались и гасли красные огоньки, взывая о помощи. У Эрдманна из губ тоненькой струйкой сочилась кровь.

— Джулио, умоляю тебя, опомнись! Все в порядке, Лен, можешь отпустить его. Джулио, пожалуйста, перестань.

И Джулио как-то сразу сник. Его мышцы, которые еще секунду назад казались Лену сде-

ланными из стали, расслабились и обвисли. Он посмотрел на Эрдманна и смиренно произнес:

— Кто-то против меня, Фрэнк. Кто-то против нас всех.

Из его глаз катились слезы, а Клементина продолжала молить о помощи красными огоньками.

“Ищи свой предел, — говорил когда-то судья Тэйлор, — ищи его, пока не поздно”.

“Я достиг этого предела, — думал Лен. — Правда, кажется, слишком поздно”.

Пришли люди и увели Гутиэрреза. Лен и Исо спустились вниз и провели еще один день рядом с бетонной стеной.

Наутро начались разговоры: “Его де отвели домой, приходил доктор и сказал, что он не в своем уме. Как, вы не слышали? Говорят, его будут теперь держать взаперти под надзором”.

“Всех вас держат взаперти в этом каньоне, — думал Лен, — ради этого Молоха[2] с медной головой и огненными внутренностями. Молоха, который свел с ума человека. Но наконец-то я знаю всю правду. Они никогда не получат ответ. О Господи, я пошел по-ложному пути. Горьким оказался

---

[2] Примечания: 2

Молох — почитавшееся в Палестине, Финикии, Карфагене божество, которому приносились человеческие жертвы, часто дети.

запретный плод, я болен душой!”

Этим же вечером, утопая в снегу, Лен пробрался к дому Вепплоу. В комнате Джоан он тихо прошептал ей в самое ухо:

— Я хочу того же, что и ты. Расскажи мне о своем плане.

В ее глазах вспыхнули искорки, она поцеловала Лена и прошептала:

— Весна придет не скоро. Можешь ли ты хранить тайну, Лен?

— Да.

— И ничего не говорить даже Хостеттеру?

— Да.

Даже Хостеттеру. Ради неясного света на пути к раскаянию.

Часть 28

Февраль. Март. Апрель.

Ожидание.

Лен усердно работал возле бетонной стены, изо дня в день выполнял то, что ему говорили. Теперь Лен без труда мог бы сладить с любыми машинами, производящими энергию, мог насладиться ни с чем не сравнимым чувством превосходства над ними. Он постоянно прикидывал, как можно было бы использовать ту или иную машину в местах, подобных Рефьюджу и Пайперс Рану. Лен начал понимать, почему его народ так яростно восставал против удобств и прогресса: однажды они уже шли по этому пути, и с неба на них обрушился огонь и ливень, заставив вернуться туда, где тихо и безопасно.

Назад, в Пайперс Ран, к его лесам и полям, подальше от сомнений и страха. Назад, туда, где не было проповедей, не было Соумса, где никто не знает о Барторстауне. По ночам он молил Бога, чтобы ничего не случилось с отцом до его возвращения. Лену так хотелось облегчить душу, сказав отцу, что тот был прав.

За это время произошло два знаменательных события: у Исо родился сын, которого нарекли Дэвид Тэй-лор Колтер, своего рода вызов обоим дедушкам. Лен с Джоан решили создать семью. Уже был назначен день свадьбы, и Джоан тщательно готовилась к переезду в новый дом. Но эти события казались ничтожными по сравнению с предстоящим побегом.

Ничто сейчас не значило для Лена и Джоан так много, даже предстоящая свадьба.

— Я годами строила этот план, лежа в постели без сна, — шептала Джоан, — а теперь я боюсь. Боюсь, что он далёк от совершенства. Боюсь, что кто-нибудь прочитает мои мысли.

Она прильнула к нему.

— Не беспокойся. Они же всего-навсего люди и не смогут нам помешать.

— Наверное. Мой план хорош, ему недоставало лишь тебя.

Талый снег грохочущими лавинами сползал с гор. Вот-вот должен открыться перевал, и можно будет осуществить план.

Через три дня они поженились, их венчал тот же священник, который меньше года назад сочетал законным браком Исо и Эмити. Хостеттер стоял рядом с отцом Джоан. Событие, отметили.

Исо пожал руку Лену, поцеловал Джоан, а старина Вепплоу достал откуда-то кувшин и обратился к Лену:

— Малыш, тебе досталась самая замечательная в мире женщина. Смотри же, береги ее, а не то тебе придется иметь дело со мной. — Он расхохотался и похлопал Лена по плечу.

Тем улыбнулся, вышел из дома и уселся на ступеньки. Через некоторое время на крыльцо вышел Хостеттер. Он помолчал немного, любуясь ранней весной, затем произнес:

— Боюсь наскучить тебе, Лен, но все же скажу: я очень рад. Ты правильно поступил.

— Я знаю.

— Я имею в виду не только это. Теперь ты окончательно прижился у нас, и я очень этому рад, и Шермэн тоже. Все мы рады.

Да, Лен знал, что он правильно поступил. И боялся смотреть в глаза Хостеттеру.

— Шермэн не был уверен в тебе, — продолжал он, — я, признаться, тоже. Отрадно, что ты, наконец, помирился со своей совестью. Удачи тебе, — и Хостеттер протянул Лену руку.

— Спасибо, — Лен, улыбнувшись, пожал ее.

“Я предаю его, — думал он. — Предаю, как однажды предал отца. Боже, как мне не хочется этого,

но другого пути нет”.

На протяжении вечера Хостеттер больше не заговаривал с ним, и Лен был рад этому.

Дом на окраине Фол Крика, в который переехали молодожены, был старым и маленьким, но чисто вымытым, наполненным различной утварью, которая досталась Джоан от матери. Лену дали двухнедельный отпуск, и, они с Джоан приготовили все необходимое для побега. Теперь оставалось только ждать, пока откроется перевал.

— Все станет ясно с приходом нью-ишмалайтцев, — говорила Джоан, — они всегда являются, как только дорога становится свободной.

— Они обязательно придут, — отвечал Лен, уверенность в скором освобождении не покидала его.

Пришли ишмалайтцы, те же, что и осенью, или уже другие, Лен не мог их отличить, разве что эти были более ободранными, измученными и отощавшими. Они просили пороха и патронов. Шермэн присовокупил к этому большой кусок мяса для детей, которые схватили его с жадностью. Джоан пристально наблюдала за ними, а вечером сказала Лену:

— Молись, чтобы ночь выдалась темной.

— Посмотри на небо, скоро пойдет дождь, а если температура упадет, то снег…

— Все, что угодно, лишь бы было темно.

В дорогу взяли еду и одеяла. Лен поспешно набросал несколько слов Хостеттеру: “Клянусь, я никому не скажу ни слова о Барторстауне. Мне жаль, что так вышло, но иначе я не могу”.

Записку он оставил на столе в гостиной. Чтобы никто не беспокоил их, свет выключили рано.

Решительность Джоан улетучилась. Она дрожала, сидя на краешке кровати.

— Не волнуйся, — уговаривал ее Лен. — Никто не увидит нас.

Он был уверен в этом и не боялся, словно кто-то свыше шепнул ему, что ничто не причинит им вреда по пути в Пайперс Ран.

— Пойдем сейчас, Лен!

— Подожди, мы должны быть уверены.

Чернильно темная ночь. Нервы Лена натянуты, как струны, сердце бешено колотится. “Пора, — подумал он. — Я возьму Джоан за руку, и мы пойдем”.

Дорога к перевалу была скользкой и безлюдной. Дождь усилился и перешел в мокрый снег. “Господь опустил на землю свое покрывало, чтобы спрятать нас. Скорее, скорее к перевалу, через

мокрый снег, утопая в грязи”, — лихорадочно думал Лен.

— Лен, мне нужно отдохнуть.

— Нет, не сейчас, дай руку. Только достигнув перевала, где небольшими горками лежит грязный снег, мы можем передохнуть. Но только одну минутку.

— Лен, кажется, начинается метель. К утру перевал вновь засыпет снегом.

— Отлично. Они не смогут найти наши следы.

— Да, но мы замерзнем. Послушай, может, вернемся?

— Неужели ты потеряла веру? Ведь метель на руку нам. Пойдем!

То вниз, то вверх, выбиваясь из сил, чуть быстрее, чем тащат фургон ленивые мулы, мимо места чьей-то стоянки, по каменистому склону.

Лен и Джоан не оглядывались. Взоры их были обращены к Богу.

А внизу, под скалой, в комнатке сторожа кто-то сидит сейчас. Нет, не Джонс, сегодня не его смена. Кто-то наблюдает за огоньками. Кто-то думает: “А, это сумасшедшие нью-ишмалайтцы бредут в свою пустыню”. Кто-то зевает, зажигая сигару, поджидая сменщика Джонса.

Кто-то сидит, и пальцы его лежат на кнопке,

готовые нажать ее.

Не нажмут.

Светает. Ишмалайтцы исчезли за снежной завесой, их не видно больше

— Джоан, Джоан, проснись, смотри, мы вышли на перевал. Мы свободны.

Часть 29

Весенняя метель. Словно двое диких зверьков, забились они в небольшую пещерку, согревая друг друга своим теплом. Метель, не жалея сил, уничтожила их следы и улетела дальше, к югу.

— Они будут выслеживать нас.

— Я оставил записку, и клянусь, что…

— Все равно они попытаются нас поймать. И ты это знаешь.

— Пусть попробуют.

Лен вспомнил, как в Барторстауне напали на след двух убежавших из Пайперс Рана мальчишек.

— Мы должны быть осторожными, Лен.

— Не волнуйся. Мне кажется, они не собираются искать нас.

“Господь с нами, он нас спасет. Пайперс Ран и рука Господа”.

Дом и дорога к нему затмили все вокруг. Лен видел зеленеющие поля, утопающие в цвету яблони, конюшню во дворе, теплый, золотой, солнечный покой. Лен стоял на пути к этому, и никакая сила в мире не смогла бы остановить его.

Но препятствий было много: горы, обрывы, перевалы, холод, голод, жажда, непогода, боль. И неожиданно Лен понял, что дорога к дому и есть его покаяние, его расплата за грехи. За все неправедное, что он совершил, нужно платить. И это справедливо. Лен не замечал сомнений и боли в глазах Джоан, которые мало-помалу сменялись презрением.

Эйфория свободы долгое время властвовала над Леном, до тех пор, пока однажды он не упал, очень сильно поранив при этом ногу. Боль, которую он испытал, была болью прозрения. Мир перевернулся, и все стало на свои места. Он хотел есть, замерз, смертельно устал. Горы были высокими, прерии — широкими, Пайперс Ран — в тысяче миль отсюда. Болело колено.

Джоан тщательно ухаживала за ним, исполняя свой долг.

— Еще немного, — говорила она, — и ты станешь так похож на нью-ишмалайтца, что я буду бояться подойти к тебе.

Лен пробормотал что-то о том, как очищает душу покаяние, а затем попросил ее помолчать. Он не подал вида, что слова Джоан задели его, потому что она сказала правду.

Лен должен вернуться в Пайперс Ран. Только

теперь до него дошло, каким тяжким и долгим будет этот путь, и нет такой силы, которая просто перенесла бы его туда.

— Скоро мы будем в безопасности, — говорил Лен. — Барторстаунцы не посмеют даже приблизиться к нам.

“Спокойствие лесов и полей, умиротворенное сердце. Отец говорил, что это самое лучшее, что есть на свете. Он был прав. Я потерял Пайперс Ран, и вновь обрету его. Когда я представляю себе Пайперс Ран, он кажется крошечным и далеким, озаренным золотом солнца, я ее могу приблизить его даже в мечтах. Когда я вспоминаю маму, отца, брата Джеймса и малышку Эстер, между нами словно опускается завеса, лица их становятся далекими и туманными.

Я вижу себя и Исо, мы со всех ног бежим через пастбище, вижу себя, сломленного, в пыли и соломе, вижу, как поднимается и опускается со свистом кнут в руке отца. Но когда я пытаюсь представить себя там теперешнего — взрослого, женатого мужчину, убеждаюсь, что это невозможно. Пытаюсь представить Джоан в белом чепце — и тоже не могу. И все же я должен вернуться, должен отыскать то, что потерял. Я должен обрести покой”.

Однажды вечером, в лучах заходящего солнца Лен увидел фургон и упряжку лошадей, которые мирно тащили его. Он так быстро исчез из вида, что казался миражом. Джоан разводила огонь. Лен заставил ее потушить робкие язычки пламени, и они шли без остановки всю ночь напролет.

Привал устроили рядом с охотниками — так было безопаснее. Лен сочинил длинную историю о нью-ишмалайтцах. Охотники качали головами.

— Они — настоящие дьяволы, — сказал один из них. — Я — тоже верующий, — он с опаской взглянул на небо, — но чтобы убивать людей в угоду Господу…

“А ведь ты убил бы нас, если бы знал правду. Убил бы в угоду Господу”, — думал Лен. Позднее он отчитал Джоан за то, что она слишком много говорила. После этого бедняжка боялась произносить даже собственное имя.

— Неужели все вокруг готовы, словно волки, растерзать нас? — прошептала она, когда они легли спать.

— Конечно, если услышат, что мы из Барторстауна. Ты должна молчать, как рыба, не давая ни малейшего повода думать так.

Охотники подвезли их немного до того места, где должны были встретиться с другими

охотниками, чтобы вместе продолжить путь. Джоан с облегчением увидела, что знакомых из Барторстауна среди них нет. Она все время молчала, с удивлением разглядывала крошечные деревушки и одинокие ранчо, мимо которых они проезжали и проходили.

— Но ведь Пайперс Ран не такой, правда, Лен?

— Нет, конечно, нет.

Гораздо больше солнца, зелени, доброты. А во всем остальном — точно такой же, но там его дом.

Однажды в полнолуние они увидели приближающийся фургон и поспешили скрыться от него, пробираясь от поселения к поселению окольными тропинками.

— И что только люди делают в этих скучных местах? — спросила Джоан.

— Живут, — сердито буркнул Лен.

Шло время. Все труднее становилось преодолевать бесконечные мили. Вид Пайперс Рана в воображении Лена уже не был столь четким, как вначале, день ото дня он мрачнел и тускнел, пока совсем не исчез. А человек в фургоне постоянно преследовал их. Лен ни разу не видел его вблизи, поэтому не мог разглядеть ни лица, ни фургона.

Сентябрьским погожим днем в маленьком

зеленом городишке на границе с Техасом Лен решил дождаться загадочного фургона.

— Ты сошел с ума, — в отчаянии пыталась переубедить его Джоан. — Это не он, он не может быть здесь!

— Нет, он. И ты так же уверена в этом, как и я.

— С чего ты взял? Даже если…

— Перестань, Джоан, я знаю, когда ты обманываешь меня.

— Что ж, ладно. Да, конечно, это он. Он отвечает за тебя перед Шермэном. И что ты теперь собираешься делать?

Щеки ее пылали, тонкие загорелые руки сжались в кулаки.

— Ты хочешь вернуться с ним назад, Лен Колтер? Будь мужчиной, в конце концов. Вставай, бежим отсюда.

— Нет.

— Но он может быть не один.

— Пусть.

— И ты позволишь им схватить тебя? — голос ее дрожал. — Но ведь на меня им плевать, не так ли? Поэтому я, пожалуй, пойду.

— Нет, Джоан, ты останешься со мной, — Лен никогда не разговаривал с женой таким тоном. Джоан недоуменно уставилась на него.

— А что будешь делать ты?

— Еще не знаю, буду решать. — Лицо его было непроницаемым и беспристрастным. — В одном я абсолютно уверен: я никуда больше не буду убегать.

Джоан неподвижно и тихо стояла рядом с ним.

Лен ждал. Прошло два дня. Фургона не было, но вскоре он появится обязательно. Лен это предчувствовал. Может, время ожидания Господь послал ему, чтобы не спеша все обдумать и принять правильное решение.

В своей жизни Лен уже дважды принимал решение. Первое в Пайперс Ране. Детские, наивные мечты о загадочном городе. Затем Барторстаун, где тесно переплелись радость от достигнутого и горечь разочарований. Бесследно развеялись детские мечты, а дни скитаний помогли трезво оценить происшедшее. Третье решение должно быть самым верным, потому что его примет мужчина.

“Итак, я не вернусь в Пайперс Ран. Куда угодно, только не на родину. Пайперс Ран — детское воспоминание, а с воспоминаниями покончено. Эта дверь навсегда закрыта. Пайперс Ран — воспоминание о покое, покой навсегда утерян”. Четвертый день ожидания. Фургона все нет. Лен

окончательно возвращается с небес на землю. Нет необходимости убегать. Нужно остановиться, чтобы правильно выбрать свой путь.

Рано или поздно каждый должен сделать это.

В город съехалось много людей. Наступило время торговли, время беспощадной жары, когда сочная трава желтеет и клонится к земле, а кора деревьев трескается от палящего солнца. Фургоны торговцев выстроились на маленьких пыльных улочках.

Лен без устали шагал по городу. Он останавливался возле каждого фургона, читал вывески, прислушивался к разговорам.

“Все они нашли свою веру. Нью-ишмалайтцы — свою, нью-меноннайтцы — свою. Своя вера и у жителей Барторстауна. Теперь моя очередь”, — размышлял Лен.

Джоан исподтишка следила за ним, боясь говорить. На пятый день ярмарка закончилась. Небольшое пространство в конце улочки осветили факелами, ярко сияли звезды, и земля щедро отдавала людям накопившееся тепло.

Лен опустился на старую, потрескавшуюся скамью, держа за руку Джоан. Он не заметил, как с другой стороны улочки подъехал фургон. А когда через некоторое время Лен, повинуясь неясному

чувству, обернулся, позади него сидел Хостеттер.

Часть 30

Раздался резкий и сильный Голос проповедника: “Тысячу лет, братья мои. Вот что обещали нам. И теперь мы живем в это благословенное время. Я расскажу вам…”

Хостеттер посмотрел в глаза Лену. Молчание. Наконец Джоан что-то прошептала, кажется, имя Хостет-тера. Она хотела подняться навстречу Хостеттеру. Лен властно взял ее за руку, почти силой усадил рядом с собой:

— Сиди здесь.

— Пожалуйста, Лен, отпусти меня.

— Сиди здесь, Джоан. Она успокоилась.

“Небеса не принадлежат грешникам, не принадлежат тем, кто глумится над верой. Нет, братья мои и сестры! Господь спас вас от Разрушения…”

То была другая ночь, другая проповедь, когда Лен встал на этот путь. Той ночью умер человек по имени Соумс. Борода его была рыжей. Они до смерти забросали его камнями, потому что Барторстаун был его родиной.

“…тысячу лет, — воскликнул проповедник,

потрясая своей запыленной книгой, — ради этого вы должны работать. Помните о священном долге перед Господом!”

“Пусть слова эти фанфарами звучат во мне. Я могу сказать. Я могу убить человека, так же, как тот мальчишка в свое время — Соумса; и остаться на свободе.

Я могу не промолчать и показать дорогу в Барторстаун, как в свое время Бардит вел в Рефьюдж своих фермеров, и тогда многих ждет верная смерть, как когда-то Далинского. И Молох будет повержен”.

То была другая ночь. Ночь в Рефьюдже.

“Вправе ли я оросить все это кровью?”

“Алиллуйя! Да очистятся ваши души! Исповедуйте грехи ваши, дабы не низвергнул Господь вновь потоки огненные!”

— Ну, Лен? — голос Хостеттера.

“Как и той ночью, они вопили и визжали. А что, если я сейчас встану и исповедаюсь? Если принесу в жертву этого человека? Но от знаний избавиться невозможно.

А что, если свергнуть Молоха с огненным нутром и медной головой?

Знание несмотря ни на что будет существовать. В какой-то запыленной книге, в чьем-то усталом

мозгу, спрятанное в подземелье, под другой горой. Открытое однажды, оно никогда не исчезнет".

Хостеттер поднялся:

— Ты забыл мои слова, Лен. Ты забыл, что я не могу отпустить тебя.

— Иди вперед, — вполголоса попросил Лен. Он тоже поднялся, держа за руку Джоан.

Освященные светом факелов, они взглянули друг на друга. А толпа вокруг визжала и бесновалась.

"Я знаю, что железными оковами сковало этот мир. Они называют это верой. Есть другое название, более точное: страх. Люди сбились в кучу, словно стадо, укрывшись своим невежеством, нарекли его богом и действительно боготворят его. Это такая же ложь, как любой Молох. Все мы — и Соумс, и Далинский, и Исо, и, наконец, я предали этого бога. Но когда-нибудь обязательно придет завтра — пусть медленно и долго, но никакая сила не сможет остановить его.

Мне нечего сказать тебе, Эд. Все зависит от тебя" Хостеттер смотрел на Лена — плечи расправлены, ноги широко расставлены, угрюмое и непроницаемое лицо, затененное широкими полями шляпы. Теперь настал черед Лена ждать Так или иначе запретный плод съеден, сделанно-

го не воротишь. И Лен сделал выбор.

— Чего ты ждешь, Эд? Делай свое дело!

— Никто из нас не способен на такое, — сдавленно произнес Хостеттер.

Он опустил голову, затем вновь посмотрел на Лена.

— Ну?

Люди кричали, падали на колени, рыдали.

— Я думаю, — начал Лен, — что сам дьявол сто лет назад пробрался в этот мир. Не его ли останки там, за бетонной стеной?

Проповедник воздел руки к небу в религиозном экстазе

— И все же вы все правы: лучше связать этого дьявола, чем весь мир, — Лен посмотрел на Хостеттера: — Вы не убили меня? Значит, не будете против моего возвращения?

— Это целиком зависит от меня, — сказал Хостеттер.

Он подошел к фургонам. Лен и Джоан последовали за ним. Навстречу, из укрытия, вышли двое с ружьями в руках.

— На первый раз ограничились беседой, — сказал Хостеттер, — если бы ты выдал меня, Лен, нас не спасли бы даже ружья. Теперь я вижу, что ты повзрослел, Ленни.

— Теперь я понимаю… Ты ждал проповеди?

— Да.

— Это тоже было частью испытания?

Хостеттер кивнул. Мужчины с подозрением поглядывали на Лена, щелкая предохранителями.

— Теперь я вижу, что ты был прав, Эд, — сказал один из них. — Но все равно, на твоем месте я не пошел бы на такой риск.

— Я знаю этого человека много лет, и поэтому лишь немного волновался, не более того

— Что ж, теперь он твой.

Незнакомцы отошли. Каратели Шермэна растворились в темноте.

При мысли о том, сколько бед он причинил этому человеку, Лен покраснел от стыда.

— Я — причина всех твоих бед, — обратился Лен к Хостеттеру.

— Я ведь говорил, что чувствую себя ответственным за твою судьбу с тех пор, как ты ушел из дому.

— Я обязательно отплачу тебе за все, что ты сделал для меня

— Уже отплатил, — с горечью сказал Хостеттер.

Они устроились в фургоне.

— Ну, а ты? — теперь Хостеттер обращался к

Джоан — Ты готова вернуться домой?

Она заплакала, уставившись неподвижно на свет факелов.

— Этот мир ужасен, — наконец выдавила она, — и я ненавижу его.

— Нет, не ужасен. Он просто далек от совершенства. И ничего нового в этом нет, — сказал Хостеттер Он тряхнул поводьями, прикрикнул на лошадей, и фургон медленно покатился в темноту.

— Когда мы отъедем подальше, я передам по радио Шермэну, что мы возвращаемся, — сказал Хостеттер.